

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского»
Международная академия психологических наук



**ИНТЕГРАЦИЯ В ПСИХОЛОГИИ:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА**

Сборник научных материалов VI Всероссийской конференции с международным участием

Ярославль
2023

УДК 159.9
ББК 88
И73

Печатается по решению редакционно-издательского совета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Рецензенты:

Шадриков В.Д. доктор психологических наук, профессор, академик РАО;
В.В. Козлов, доктор психологических наук, профессор МАПН,
заведующий кафедрой факультета психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова

И73 **Интеграция в психологии: Теория, методология, практика** : сборник научных материалов VI Всероссийской конференции с международным участием [31 мая 2023 г.] / под науч. ред. В.А. Мазилова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. – 170 с.
ISBN 978-5-00089-650-1

В сборник включены тексты докладов (статьи и тезисы) научно-практической конференции, посвященной обсуждению проблем теории, методологии, истории, практики интеграционных процессов в психологической науке, прошедшей в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского 31 мая 2023 г. Представленные материалы отражают многообразие и широту научно-практических интересов исследователей в теории и методологии психологии, истории психологии, общей и социальной психологии, прикладных отраслях психологического знания.

УДК 159.9
ББК 88

Редакционная коллегия:

В.А. Мазилев (научный редактор), Т.В. Бугайчук, Ю.Н. Слепко

ISBN 978-5-00089-650-1

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2023
© Авторы материалов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мазилев В.А., Слупко Ю.Н., Бугайчук Т.В.</i> Интеграция в психологии и проблемы методологии психологического знания (вместо предисловия)	4
---	---

Теория, методология, история интеграции в психологии

<i>Власов Н.А.</i> История понятия «интеграция» в отечественной психологии (на материале справочной литературы)	12
<i>Захаров В.К.</i> Побуждение, память и воля в объединительной теоретической психологии	17
<i>Зобков В.А.</i> Интеграция телесного и духовного в жизнедеятельности человека	30
<i>Карицкий И.Н.</i> Психология в поиске своего единства	35
<i>Козлов В.В.</i> Прикладные аспекты интеграции в психологии	45
<i>Мазилев В.А.</i> Интеграция психологического знания: идеалы, проблемы и перспективы	48
<i>Мазилев В.А. К.К.</i> Платонов в поисках системы психологии	57
<i>Мединцев В.А.</i> Интеграция психологических подходов на примере теорий интеллекта	67
<i>Михайлова Е.Е.</i> Интеграция философии и психологии в историософии Н.И. Кареева	73
<i>Панферов В.Н., Безгодова С.А., Васильева С.В., Микляева А.В.</i> Человек - универсальный объект психологического познания в науке и практике	77
<i>Слупко Ю.Н.</i> Коммуникативная методология: от теории к технологии интеграции психологии	81
<i>Толочек В.А.</i> Междисциплинарные исследования в психологии: упования и барьеры	88

Прикладные аспекты интеграции в психологии

<i>Антоненко И.В.</i> Психологический критерий интеграции социума	94
<i>Бугайчук Т.В.</i> Интегративный подход к концепту «гражданская идентичность»	102
<i>Елагина М.Ю., Комерова Н.Е.</i> Смысложизненные стратегии построения образа будущего у студентов	105
<i>Калачева Е.С.</i> Проблемы психологии личности: история и современность	109
<i>Крупин Д.М.</i> Социально-психологические риски дистанционного формата профессиональной деятельности	112
<i>Курсевич Н.И.</i> Психотехники социальной интеграции в творчестве актера	119
<i>Масляная А.Е.</i> Я-концепция потребителей и предпочтения образов рекламных продуктов	125
<i>Мейер Ю.А.</i> Профилактика профессионального выгорания молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы	128
<i>Новикова А.О., Корнеева Е.Н.</i> Образ родительской семьи: трактовка сущности, содержания и характера влияний на личность человека	134
<i>Рубцова Н.Е.</i> Информационное основание в структуре психологической классификации профессиональной деятельности	140
<i>Скворцова Е.В., Скворон О.Л.</i> Жизнестойкость и переживание стресса у врачей-терапевтов: опыт пандемии	145
<i>Троценко В.С., Ахметова Л.В.</i> Прокрастинация: семантика, генезис	151
<i>Шарапов Н.А.</i> Интегративный подход как ресурс развития организации	156
<i>Шепелева С.В., Нуртдинов С.М., Миронова Т.И.</i> Социально-психологические условия профилактики преддевиантного поведения дошкольников	159

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	166
----------------------------	------------

ИНТЕГРАЦИЯ В ПСИХОЛОГИИ И ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Аннотация. Статья открывает сборник материалов конференции, посвященной обсуждению проблем интеграции в современной психологии. Показано многообразие теоретических, методологических, феноменологических, исторических вопросов и проблем, решение которых связано с продвижением в разработке интеграционных процессов в психологической науке. Дается краткая характеристика представленных в сборнике материалов конференции.

Ключевые слова: интеграция, коммуникация, методология, психология.

V.A. Mazilov, Y.N. Slepko, T.V. Bugaichuk

INTEGRATION IN PSYCHOLOGY AND PROBLEMS OF THE METHODOLOGY OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE (INSTEAD OF THE PREFACE)

Abstract. The article opens the collection of materials of the conference devoted to the discussion of the problems of integration in modern psychology. A variety of theoretical, methodological, phenomenological, historical questions and problems is shown, the solution of which is associated with progress in the development of integration processes in psychological science. A brief description of the conference materials presented in the collection is given.

Keywords: integration, communication, methodology, psychology.

Настоящий сборник является шестым по счету, выпускаемым кафедрой общей и социальной психологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского и посвященным обсуждению проблем интеграции в психологии. Если в первые два сборника (Взаимодействие..., 2018; Взаимодействие..., 2019) вошли статьи и тезисы, посвященные проблемам взаимодействия академической и практико-ориентированной психологии в образовании, в последующем редакционная коллегия приняла решение расширить проблемное поле обсуждаемых на конференции методологических проблем и вопросов. Последнее выразилось, главным образом, в том, что проблема взаимодействия академической и практической психологии была встроена в более широкий контекст актуальных вопросов интеграции психологии и междисциплинарного взаимодействия психологии с другими гуманитарными и естественными науками (Интеграция..., 2020; Интеграция..., 2021; Интеграция..., 2022). В целом можно признать, что принятое решение оправдало себя - круг обсуждаемых на конференции проблем расширился. Сегодня они касаются не только теории и методологии психологической науки, но и проблем междисциплинарного взаимодействия, внутридисциплинарной интеграции психологии, комплексного подхода к проблемам психологии человека и человекознания, разработки методологии и технологии интеграции психологического знания и психологического сообщества.

Акцентирование внимания участниками конференции на вопросах интеграции в психологии позволило обнаружить любопытный факт. Расширение тематического поля конференции показало, что интеграционная проблематика имеет высокую степень актуальности и во многих других гуманитарных и естественных науках. Обсуждение самых разных вопросов и проблем интеграции осуществляется в образовании (Евтеев, 2016; Кантор, 2010; Химматалиев, Файзуллаев, 2016), экономике (Арапова, 2019), бизнесе (Котляров, 2020), психотерапии (Корчинов, 2013), социологии (Шепелева, Лукина, 2017), юриспруденции (Полтавцева,

2002), науковедении (Мироненко, 2018) и др. В этих и множестве других исследованиях интеграция рассматривается как организация работы с определенным предметным содержанием, как интеграция профессионального сообщества, как работа по повышению эффективности и продуктивности интеграционных процессов, как организация взаимодействия разных научных отраслей знания в решении общих проблем и вопросов и т.д. Все это говорит о том, что психология не является исключением из множества других научных отраслей - потребность в интеграции знаний, интеграции сообщества, междисциплинарного взаимодействия давно воспринимается как неотъемлемый элемент развития и функционирования науки.

Между тем, говоря о интеграции именно в психологической науке, хотелось бы обратить внимание на ряд причин, обуславливающих особый статус этой проблемы в психологии. Не претендуя на полноту их описания, приведем наиболее характерные примеры последних.

Несмотря на относительно непродолжительную историю психологической науки (в сравнении, например, с науками естественными), сегодня мы имеем невероятное множество трактовок ее предмета. И речь не только о классических направлениях психологии, в которых предмет науки определяется в векторе поведения-самосознания, но и о продолжающемся использовании, например, в отечественной психологии традиционной для советского периода ее истории трактовки психического как субъективного отражения объективной реальности. Сколь многообразны трактовки предмета психологии, столь же разнообразны и многочисленны подходы, теории, концепции самых разных психических феноменов, явлений, процессов, состояний. Вряд ли сегодня мы имеем возможность выделить хоть одно психическое явление, в отношении которого психологическое сообщество имеет согласие и непротиворечивое представление. Активное включение отечественной психологии в мировую науку еще более усложнило ситуацию - в традиционный тезаурус понятий и проблем психологии стали активно входить новые, до сей поры слабо изучаемые явления психического. Проблемы психического выгорания, совладающего поведения, прокрастинации, карьерного развития и мн.др. являются сегодня предметом значительного числа исследований отечественных психологов. Помимо этого, в редкой эмпирической, экспериментальной работе не используются разработанные иностранными психологами методические инструменты. Все это не только расширяет пространство исследований психической реальности, но и актуализирует проблемы встраивания отечественной психологии в мировое психологическое сообщество.

Помимо сказанного активное расширение пространства практической психологии актуализирует проблемы взаимодействия академической и практико-ориентированной психологии. Интеграция академического и практического знания о психической реальности нуждается в разработке собственной методологии (Карицкий, 2018; Карицкий, 2019), определении путей взаимодействия и преодоления существующего между ними разрыва (Мазилов, 2017).

Необходимо обратить внимание и на возросшую потребность в междисциплинарном взаимодействии психологии с другими гуманитарными и естественными науками. Востребованность междисциплинарных исследований определяется необходимостью решения классических проблем психологического знания (Савостьянов, Степанова, Толстых, 2019), организации совместных исследований в психологии и биологии (Радина, 2017), юриспруденции (Балин, Ильина, 2020), медицине (Харламенкова, 2019), нейронауках (Костромина, 2015), интеграции отраслей психологического знания (Степанова, Толстых, 2016). Важно, что в современной психологии обсуждаются и проблемы истории междисциплинарных исследований (Головей, Журавлев, Тарабрина, 2017; Долгова, 2018; Толстых, 2020).

Переходя к краткой характеристике представленных в настоящем сборнике материалов, необходимо отметить следующее. Несмотря на разнообразие тем, рассматриваемых авторами публикаций, их можно систематизировать по основанию тех теоретических и методологических проблем, актуальность разработки которых была обозначена выше. Не претендуя на полноту освещения последних, отметим, что в настоящем сборнике размещены материалы, посвященные проблемам междисциплинарной интеграции психологии и организации

комплексных междисциплинарных исследований, реализации комплексного подхода к проблеме человека и человекознания, разработке методологии и технологии интеграции психологического знания. Конечно, наиболее представительными являются исследования, посвященные обсуждению проблем внутридисциплинарной интеграции и комплексного изучения отдельных психологических феноменов, явлений, процессов и т.д.

В сборнике затронуты и вопросы истории интегративного подхода и интеграции в психологии. Так, в статье Н.А. Власова «История понятия “интеграция” в отечественной психологии (на материале справочной литературы)» проводится интересный исторический экскурс в понимание феномена интеграции в психологии, изменение его смысла и сущности. Автор приходит к заключению, что история разработки проблемы интеграции является движением от понимания способов интеграции психологического знания к разработке интегративной методологии психологической науки.

Ряд представленных в сборнике материалов посвящен обсуждению вопросов междисциплинарной интеграции и организации комплексных междисциплинарных исследований. В статье В.А. Толочка представлен развернутый анализ трудностей, возникающих на пути организации междисциплинарных исследований. Последние носят как методологический, так и конкретный методический и технологический характер. В статье Е.Е. Михайловой обсуждается опыт решения проблемы интеграции философского, исторического, психологического знания в работах известного отечественного философа и историка Н.И. Кареева. В работе В.С. Троценко и Л.В. Ахметовой обосновывается актуальность междисциплинарного подхода в изучении проблемы прокрастинации. Авторы анализируют понимание феномена прокрастинации в философии, психологии, педагогике, художественной литературе, акцентируют внимание на востребованности комплексного подхода к решению проблемы.

Как уже было сказано выше, наибольший объем материалов настоящего сборника посвящен обсуждению проблем внутридисциплинарной интеграции психологического знания. Так, в статье И.В. Антоненко обосновывается необходимость интеграции психологического и социально-психологического знания в решении проблем социальной интеграции современного общества; Т.В. Бугайчук представлен опыт интеграции знаний в психологии личности, психологии развития и социальной психологии при решении проблем психологии гражданской идентичности личности; М.Ю. Елагина и Н.Е. Комерова обращаются к необходимости интеграции знаний в психологии личности, возрастной психологии и гендерной психологии для решения проблемы психологии построения образа будущего. Интегративный подход реализуется в разработке авторами публикаций проблем психологии личности (Е.С. Калачева, А.Е. Масляная), психологии творчества (Н.И. Курсевич), профилактики профессионального выгорания (Ю.А. Мейер), психологии семьи и семейных отношений (А.О. Новикова и Е.Н. Корнеева), психологии труда и профессиональной деятельности (Д.М. Крупин, Н.Е. Рубцова, Е.В. Скворцова и О.Л. Скворон), организационной психологии (Н.А. Шарапов), психологии подросткового возраста (С.В. Шепелева, С.М. Нуртдинов и Т.И. Миронова).

Самостоятельным направлением исследований вопросов интеграции в психологии является реализация комплексного подхода к проблеме человека и человекознания. В этой связи хотелось бы обратить внимание на публикацию коллектива сотрудников Института психологии РГПУ им. А.И. Герцена В.Н. Панферова, С.А. Безгодовой, С.В. Васильевой и А.В. Микляевой, посвященную обсуждению возможностей интегративного подхода в познании психологии человека. Разрабатываемый под руководством В.Н. Панферова интегративный подход направлен на решение проблемы интеграции психологической науки и практики. Одним из его ключевых положений является понимание психологии человека как интегральной реальности взаимодействия людей с различными сторонами действительности, выступающей в качестве предмета научно-психологического и житейского познания психического потенциала человека. Необходимо специально отметить, что научный коллектив под руководством В.Н. Панферова длительное время занимается разработкой проблем теории и методологии психологии (Панферов, Безгодова, 2015; Панферов, Микляева, 2019), истории инте-

грации в психологии (Панферов, 2020) общей и социальной психологии (Панферов, Микляева, Безгодова, 2019), педагогической психологии и психологии образования (Панферов, 2019; Панферов, Васильева, Иванов, 2019) и др. Важно, что разработка научным коллективом под руководством В.Н. Панферова проблем интеграции в психологии находит свое практическое применение в решении проблем психологии образования (Микляева, Панферов, Андропова, 2020; Панферов, 2003 и др.).

Также нельзя не обратить внимание на представленную в настоящем сборнике работу В.А. Зобкова, в которой представлен оригинальный подход к решению проблемы психического развития человека («Интеграция телесного и духовного в жизнедеятельности человека»). В.А. Зобков рассматривает интеграцию как важнейший механизм психического развития человека. По мнению автора в разных возрастных периодах происходит интеграция специфических психологических, физиологических, психофизиологических феноменов, явлений, процессов. Особый интерес подход В.А. Зобкова вызывает в рамках традиционной дискуссии о роли дифференциации и интеграции психических явлений в процессе развития человека. Позиция автора заслуживает пристального внимания, в том числе потому, что В.А. Зобков уже долгое время занимается разработкой самых разных аспектов методологии психологии (Зобков, 2022), психологии личности (Зобков, 2021), психологии развития (Зобков, 2019) и другими актуальными проблемами психологической науки.

Завершить настоящий обзор представленных в сборнике материалов хотелось бы акцентированием внимания на ряде методологических исследований, посвященных разным аспектам теории, методологии и технологии интеграции в психологии. Так, работа И.Н. Карицкого вызовет интерес читателя в связи с проведенным автором сравнительным анализом разрабатываемых в психологии подходов к интеграции психологического знания (В.М. Аллахвердов, И.Е. Гарбер, И.Н. Карицкий, В.А. Мазиллов, В.А. Мединцев, П.А. Мясоед, В.Н. Панферов, К. Уилбер, А.В. Юревич). Исторический подход к анализу проблемы интеграции позволил автору описать феномен естественной интеграции психологии, осуществляемой в процессе ее развития как науки. Интересен взгляд автора на понимание результатов интеграции в психологии, которые рассматриваются не как что-то отдаленное от дня сегодняшнего, а как непрерывно происходящие процессы в истории психологической науки. Идеи И.Н. Карицкого будут интересны читателю в том числе потому, что они являются продолжением исследований автора, посвященных проблемам истории психологии (Карицкий, 2022), теории и методологии психологических практик (Карицкий, 2021), интеграции в психологии (Карицкий, 2020) и др.

В статье В.В. Козлова обсуждаются прикладные аспекты интегративных процессов в психологии. В работе дается характеристика оригинального интегративного подхода, предложенного автором, обозначается его роль для решения теоретических и практических проблем психологической науки. Особый интерес работа В.В. Козлова представляет в рамках обсуждения проблемы моно- и полипарадигмальности психологии. Автором предложены методологические принципы интегративной психологии, механизмы развития психологического знания и множество других идей, знакомство с которыми будет не только интересно, но и полезно читателю. Помимо этого отметим, что особый интерес вызывает более чем тридцатилетний опыт разработки В.В. Козловым проблем интегративной психологии, представленный в множестве публикаций автора (Козлов, 2023; Козлов, 2022; Козлов, 2021 и др.).

В двух следующих статьях В.А. Мазилова и Ю.Н. Слепко обсуждается разработанная первым автором коммуникативная методология психологической науки. Последняя рассматривается как важнейшее методологическое средство интеграции психологического знания и психологического сообщества. Помимо прочего в статье В.А. Мазилова обсуждаются трудности и препятствия на пути реализации интегративных процессов в психологии. В статье Ю.Н. Слепко развиваются положения коммуникативной методологии психологии, предложенные В.А. Мазилловым. Утверждается, что одной из актуальных проблем современной пси-

хологии является апробация и широкое распространение положений коммуникативной методологии на материале множества существующих сегодня теорий, концепций, подходов в психологии.

Перекликается с последними статьями работа В.А. Мединцева, посвященная обсуждению проблемы интеграции психологического знания на материале сравнительно-психологического анализа теорий интеллекта. Автором совместно с Г.А. Баллом был предложен оригинальный методологический инструмент интеграции психологического знания - теоретико-множественный метод описания процессов (подробнее в (Балл, Мединцев, 2017)). В статье проводится апробация предложенного метода для интеграции систем понятий в одной предметной области - в психологии мышления. Работа В.А. Мединцева представляет одновременно и прикладной интерес для тех, кто занимается разработкой проблемы мышления и интеллекта, и интерес методологического характера. Последний состоит в том, что автором была предложена уникальная технология интеграции психологического знания. Уверены, что читателю будут интересны и другие работы В.А. Мединцева, посвященные решению проблем интеграции в психологии (Мединцев, 2022; Мединцев, 2021), методологии психологии (Мединцев, 2020), реализации интегративного подхода в психологии мышления и интеллекта (Мединцев, 2018) и др.

Нельзя не сказать и о работе В.К. Захарова, в которой интегративная методология используется для анализа важнейших психологических понятий, к которым относятся воля и память. Автором представлен интересный и оригинальный подход, который соотносится с философскими, психологическими исследованиями предмета психологии, исследованиями в области психологии воли и памяти. Интересными будут размышления автора в отношении традиционно выделяемых конструкторов внешнего и внутреннего мира, материального и идеального мира, анализа места человека в каждом из них и мн.др.

В завершение редакционная коллегия надеется, что представленные в настоящем сборнике материалы будут интересны широкому кругу читателей и привлекут внимание новых исследователей, занимающихся разработкой проблем теории, методологии, истории психологической науки.

Библиографический список

1. Арапова Е. Я. «Интеграция интеграций» и перспективы БРИКС+ // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 4. С. 5-13.
2. Балин В. Д. От междисциплинарного синтеза к интеграции знаний в юридической психологии / В. Д. Балин, В. А. Ильина // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 92-103.
3. Балл Г. А. ТМ-метод в описании интеллектуальных процессов / Г. А. Балл, В. А. Мединцев / Теоретичні дослідження у психології / Збірник статей. За редакцією Г. О. Балла та В. Л. Зливкова. Київ : Педагогічна думка, 2017. С. 10–25.
4. Взаимодействие академической и практико-ориентированной психологии в сфере образования : материалы национальной научно-практической интернет - конференции с международным участием. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. 188 с.
5. Взаимодействие академической и практико-ориентированной психологии в сфере образования : материалы II Национальной научно-практической конференции с международным участием. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. 132 с.
6. Головей Л. А. Б.Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии (к 110-летию со дня рождения) / Л. А. Головей, А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 108-117.
7. Долгова Е. А. Московский психологический институт имени Л. Г. Щукиной в переписке Г. И. Челпанова и Э. Б. Титченера (1910–1924) // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 78-86.
8. Евтеев В. С. Проблема разграничения понятий «интеграция», «междисциплинарная интеграция», «интеграция математического образования» // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Сер. «Педагогика». Елец, 2016. С. 223-230.

9. Зобков В. А. Методология личностного развития человека // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2019. № 38 (57). С. 39-48.
10. Зобков В. А. Динамические характеристики отношения человека к жизнедеятельности / В сб.: Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов. Владимир, 2021. С. 19-23.
11. Зобков В. А. Отношение человека к себе как методологическая психологическая проблема // Методология современной психологии. 2022. № 16. С. 94-100.
12. Интеграция в психологии: теория, методология, практика : материалы III национальной научно-практической конференции с международным участием. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 279 с.
13. Интеграция в психологии: теория, методология, практика : сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции, 4 мая 2021 г. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. 204 с.
14. Интеграция в психологии: теория, методология, практика : сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции, 27 мая 2022 г. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 127 с.
15. Кантор В. З. От интеграции в образовании к интеграции общества // Вестник Герценовского университета. 2010. № 9 (83). С. 47-50.
16. Карицкий И. Н. Интеграционная модель психологической практики / В сб.: Педагогика и психология современного образования: теория и практика. материалы научно-практической конференции. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. С. 239-244.
17. Карицкий И. Н. История психопрактик / В сб.: Педагогика и психология современного образования: теория и практика. Материалы 76-й международной конференции. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. С. 16-24.
18. Карицкий И. Н. Психологические практики как ресурс личностного и профессионального развития / В сб.: Социальное и профессиональное становление личности в эпоху больших вызовов: Междисциплинарный дискурс. сборник статей всероссийской конференции с международным участием. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 73-78.
19. Карицкий И. Н. Теория и методология психологической практики / В сб.: Педагогика и психология современного образования: теория и практика. Материалы 73-й научно-практической конференции. Под научной редакцией Л.В. Байбородовой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 49-53.
20. Карицкий И. Н. Философские, теоретические и методологические основания психологической практики / В сб.: История и философия науки в эпоху перемен. Сборник научных статей. В 6 томах. Научная редакция и составление: И.Т. Касавина, Т.Д. Соколовой, В.А. Лекторского, Е.О. Труфановой, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко. Москва : Русское общество истории и философии науки, 2018. С. 82-84.
21. Козлов В. В. Интегративная психология. Москва : МАПН, 2023. 748 с.
22. Козлов В. В. Методология интеграции психологического знания и психологического общества / В сб.: Интеграция в психологии: теория, методология, практика. Сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 24-28.
23. Козлов В. В. Психология сознания: интегративный подход. Москва : Психотерапия, 2022. 274 с.
24. Корчинов А. Д. Об интеграции целей и интеграции средств в нормоцентрическом психотерапевтическом процессе // Академический журнал Западной Сибири. 2013. Т. 9. № 3 (46). С. 55-56.
25. Костромина С. Н. Нейронаука, психология и образование: проблемы и перспективы междисциплинарных исследований / С. Н. Костромина, Н. В. Бордовская, Н. Н. Искра, О. А. Чувгунова, Д. С. Гнедых, Д. М. Курмакаева // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 61-70.
26. Котляров И. Д. Закон вертикальной интеграции и тенденции интеграции бизнеса в условиях капитализма: критический анализ (часть 1) // Теоретическая экономика. 2020. № 9 (69). С. 38-50.

27. Мазиллов В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
28. Мединцев В. А. Вариант интегративного описания интеллектуальных процессов / В сб. Когнитивные исследования на современном этапе. Материалы Всероссийской конференции с международным участием по когнитивной науке. Архангельск : САФУ, 2018. С. 196-199.
29. Мединцев В. А. Методологические инструменты интеграции эмпирических исследований / В сб.: Интеграция в психологии: теория, методология, практика. Сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под научной редакцией В.А. Мазилова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. С. 75-83.
30. Мединцев В. А. Методологические основания психологических исследований в трудах В. Н. Дружинина и Г. А. Балла / В сб.: Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. Москва : ИП РАН, 2020. С. 240-250.
31. Мединцев В. А. Планирование интеграции психологического знания / В сб. Интеграция в психологии: теория, методология, практика. Сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 72-76.
32. Микляева А. В. Общая психология. теоретические основы: учебник и практикум для вузов / А. В. Микляева, В. Н. Панферов, М. С. Андропова. Москва : Юрайт, 2020. 296 с.
33. Мироненко И. А. Об отношении российского профессионального сообщества к проблеме интеграции мировой науки / В сб.: Современное состояние и перспективы развития психологии отношения человека к жизнедеятельности. Владимир - Москва, 2018. С. 54-60.
34. Панферов В. Н. Интегративный подход в образовании // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2003. Т. 3. № 6. С. 114-124.
35. Панферов В. Н. Методология интегрального синтеза в психологической науке / В. Н. Панферов, С. А. Безгодова // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 20-33.
36. Полтавцева Л. И. Криминалистика и психология: история, современное состояние и перспективы интеграции // Юрист-Правоведь. 2002. № 2 (5). С. 19-26.
37. Радина Н. К. Психология и биополитика: о перспективах междисциплинарных исследований // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6. С. 98-109.
38. Савостьянов А. Н. Воля и произвольность: опыт междисциплинарного исследования / А. Н. Савостьянов, В. В. Степанова, Н. Н. Толстых // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 14. № 3. С. 91-104.
39. Степанова В. В. Междисциплинарные связи социальной, возрастной и педагогической психологии: ресурсы развития / В. В. Степанова, Н. Н. Толстых // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 23-44.
40. Толстых Н. Н. Социальная психология развития: интеграция идей Л.С. Выготского и А.В. Петровского // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 25-34.
41. Харламенкова Н. Е. Истинные и псевдо-междисциплинарные исследования: принципы системно-структурного подхода к планированию медико-психологических проектов / Н. Е. Харламенкова, Н. А. Еськин, А. И. Снетков, А. Д. Акиньшина, С. Ю. Батраков, Г. А. Виленская, И. М. Дан, М. В. Дан, Н. Н. Матвейчук, Е. А. Никитина // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 4. С. 177-192.
42. Химматалиев Д. О. Сущности понятия интеграции, педагогической интеграции при подготовке к профессиональной деятельности будущих учителей профессионального образования / Д. О. Химматалиев, Р. Х. Файзуллаев // Высшая школа. 2016. № 15. С. 36-38.
43. Шепелева Ю. С. Межкультурная толерантность специалиста как условие социальной интеграции в многокультурном обществе / Ю. С. Шепелева, А. К. Лукина // Европейский журнал социальных наук. 2017. № 9. С. 189-196.

**ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ
ИНТЕГРАЦИИ В ПСИХОЛОГИИ**

ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ «ИНТЕГРАЦИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Аннотация. Статья посвящена изучению истории понятия «интеграция» в отечественной психологии. Рассматривается содержание и объем указанного концепта в различные периоды развития психологической науки в нашей стране (советское время, 1990-ые годы и 2001-2010 годы) на материале справочной литературы. Источниковая база включает 13 наименований, изданных в 1931-2007 годах. В исследовании использовались сравнительно-исторический метод, методы системного, семантического и исторического событийного анализа. В результате исследования было установлено, что содержание понятия «интеграция» на протяжении всего изучаемого периода заметно не изменялось, в основном оно подразумевает объединение отдельных элементов или частей в единое целое; однако чем ближе к нашему времени, тем в большей степени увеличивалась и частота встречаемости этого концепта, и его объем, который расширился от включения в свой состав процесса единения социальной группы до интегративных процессов в личности, культуре и в обществе в целом. В завершении статьи делается вывод о том, что проблема интеграции психологического знания до сих пор не нашла общепризнанного решения, так как в этом значении данное понятие не отражено в справочной литературе.

Ключевые слова: история психологии, история понятий, концептуальная история, интеграция в психологии.

N.A. Vlasov

THE HISTORY OF THE CONCEPT OF «INTEGRATION» IN RUSSIAN PSYCHOLOGY (BASED ON THE MATERIAL OF REFERENCE LITERATURE)

Abstract. The article is devoted to the study of the history of the concept of «integration» in Russian psychology. The content and scope of this concept in various periods of the development of psychological science in our country (Soviet times, 1990s and 2001-2010) are considered on the basis of reference literature. The source database includes 13 titles published in 1931-2007. The comparative historical method, methods of system, semantic and historical event analysis were used in the study. As a result of the study, it was found that the content of the concept of «integration» did not change noticeably throughout the studied period, basically it implies the unification of individual elements or parts into a single whole; however, the closer to our time, the more the frequency of occurrence of this concept increased, and its scope, which expanded from inclusion it includes the process of unity of a social group before integrative processes in the individual, culture and society as a whole. At the end of the article, it is concluded that the problem of integration of psychological knowledge has not yet found a universally recognized solution, since in this sense this concept is not reflected in the reference literature.

Keywords: history of psychology, history of concepts, conceptual history, integration in psychology.

Введение. Интегративные процессы в науке являются своего рода трендом XXI века. Согласно В.В. Степину современная наука находится постнеклассическом этапе своего развития (Степин, 2000), для которого характерны, среди прочего, междисциплинарность исследований; она, в свою очередь, порождает сближение различных дисциплин. В случае психологии, помимо таких хрестоматийных примеров интеграции как «срастание» психологии и медицины (медицинская или клиническая психология), психологии и социологии (социальная психология), можно привести и более современные иллюстрации – экологическая психология, эволюционная психология и др.

Интеграция в самой психологии в конце XX – начале XXI веков стала задачей, которая решалась в трудах В.В. Козлова (Козлов, 2007) и В.А. Мазилова (Мазилов, 2005; Мазилов, 2008). Задачей непростой, так как психология почти с самого своего начала существования как самостоятельной науки начала делиться на довольно несогласованные между собой течения со своими предметами, теориями и методологией. На два психолога – три мнения, скажем так. Лишь административное давление сверху, как показывает опыт советской психологии, позволяет добиться относительного единства во мнениях по поводу основных вопросов этой науки (следует добавить, что как только это давление исчезло, отечественные психологи как-то сами разделились на различные «группы по интересам» – появились сторонники и психоанализа, и гуманистического течения, и трансперсонального, и многих других подходов). Таким образом, интеграция психологического знания стала насущной проблемой современной психологии.

Целью данного исследования является изучение истории понятия «интеграция» в отечественной психологической науке. Мы задались вопросом, насколько данный концепт отражен в справочной литературе по психологии, какое значение в него вкладывается и с какими иными понятиями он связывается; выбор материала для исследования (словари, энциклопедии, справочники) диктуется следующими соображениями: во-первых, справочная литература содержит более-менее четкие определения концептов, что выгодно отличает ее от статей и монографий, в которых могут быть либо «размытые», либо противоречивые трактовки; во-вторых, справочная литература как правило выполняет обобщающую функцию, то есть в ней отражается результат, а не процесс дискуссий и она, тем самым, выражает относительно «общепринятую» (насколько это возможно в психологии) точку зрения на те или иные вопросы; наконец, в-третьих, словари, энциклопедии и справочники зачастую, но не всегда, имеет более одного автора, что может частично нивелировать личные теоретико-методологические пристрастия ученого. Все это позволяет считать справочную литературу подходящим материалом для исследования истории понятий, в том числе и такого как «интеграция».

Материалы и методы исследования. В качестве материала для исследования были выбраны словари, энциклопедии и справочники по психологии, изданные в нашей стране с 1931 года (выход первого специализированного словаря по психологии Б.Е. Варшавы и Л.С. Выготского) по 2007 год. Для удобства источники были разбиты нами на три группы – изданные в советское время, в 1990-ые годы и в 2001-2010 годы.

В первую группу, то есть опубликованные в советское время, вошли следующие издания: «Психологический словарь» (1931) Б.Е. Варшавы и Л.С. Выготского, «Краткий психологической словарь-хрестоматия» (1974) Б.М. Петрова, «Психологический словарь» (1983) под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца и Б.Ф. Ломова, «Краткий словарь системы психологических понятий» (1984) К.К. Платонова, «Краткий психологический словарь» (1985) Л.А. Карпенко. Всего 5 источников.

Во вторую группу, отнесенную к 1990-ым годам, вошли следующие словари и справочники: «Психологический словарь» (1997) под ред. Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко, «Словарь практического психолога» (1998) С.Ю. Головина, «Психология. Словарь-справочник» (1998) М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбовича, «Современный словарь по психологии» (1998) В.В. Юрчука. Всего 4 источника.

Третью группу составили издания, вышедшие между 2001 и 2010 годами: «Общая психология. Словарь» (2005) под ред. А.В. Петровского, «Новейший психологический словарь» (2006) под ред. В.Б. Шапаря, В.Е. Россохи и О.В. Шапаря, «Психологический энциклопедический словарь» (2006) М.И. Еникеева, «Психологический словарь» (2007) Р.С. Немова. Всего 4 источника.

Для того, чтобы в ходе исследования изучить историю понятия «интеграция» в рамках отечественной психологии в целом, а не в пределах ее отдельных разделов, из источниковой базы была исключена специализированная справочная литература, например, по социальной психологии (не были использованы словари «Коллектив. Личность. Общение. Словарь соци-

ально-психологических понятий» (1987) под ред. Е.С. Кузьмина и В.Е. Семенова, «Психология общения. Энциклопедический словарь» (2015) под ред. А.А. Бодалева и др.). Также мы отказались использовать в исследовании «Большую психологическую энциклопедию» (2007) А.Б. Альмухановой по причине значительного количества отрицательных рецензий со стороны представителей психологического сообщества на данную работу.

Таким образом, источниковая база исследования включает 13 наименований, изданных в 1931-2007 годах.

В исследовании использовались следующие методы: системный анализ, сравнительно-исторический метод, семантический анализ, исторический событийный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования понятие «интеграция» рассматривалось в различные периоды истории отечественной психологии на материале соответствующих источников.

Понятие «интеграция» в советской психологии (1917-1991). В источниках советского времени данный концепт упоминается дважды: в «Психологическом словаре» Б.Е. Варшавы и Л.С. Выготского в контексте рефлексологии/реактологии («объединение рефлексов в качественно новый, отличный от их суммы акт поведения; цепь реакций, образующих сложное единство» (Варшава Б. Е., Выготский, 2008, с. 98) и в «Кратком психологическом словаре» Л.А. Карпенко в контексте социальной психологии («согласованность, упорядоченность и стабильность системы внутригрупповых процессов» (Краткий..., 1985, с. 119). Редкая встречаемость и ограниченность этого понятия рамками поведенчества и социальной психологии не позволяет говорить о том, что данный концепт был в должной мере отрефлексирован и часто использовался советскими психологами. Почему? Можно ли предположить, что интеграция вообще не была свойственна психологии в СССР? И да, и нет. Нет – потому что в 1920-1930-ые годы марксистская перестройка психологии требовала интеграции психологии и марксизма и такие попытки предпринимались; да – потому, что многие из них закончились провалом и были осуждены (рефлексология, реактология, педология, психотехника и др.). Термин «интеграция» практически не использовался, чаще применялось понятие «эклехтика», причем с самыми что ни на есть негативными коннотациями. Эклехтика трактовалась как попытка «скрестить» марксизм с буржуазными («ревизионистскими», «идеалистическими», «вульгарно-материалистическими» и др.) течениями в психологии (Будилова, 1972; Петровский, 1967), подвергалась суровой критике и запрещалась. Причем за попытки теоретико-методологической интеграции «доставалось» не только советским психологам, осуждению подвергались и зарубежные попытки интегрировать марксизм и, например, психоанализ, как это пытались сделать В. Райх, Г. Маркузе, Л. Альтюссер, Э. Фромм и другие в русле концепции «фрейдомарксизма». Поэтому не удивительно, что в советском научном психологическом дискурсе отрефлексированному понятию «интеграция» не нашлось место.

Понятие «интеграция» в российской психологии 1990-х годов (1991-2000). Понятие «интеграция» встретилось только в одном источнике – «Словаре практического психолога» С.Ю. Головина. В представлении автора значение этого концепта напрямую связано лишь с социальной группой («как внутригрупповой процесс – создание внутреннего единства, сплоченности, что выражается в идентификации коллективистской, сплоченности группы как ее ценностно-ориентационном единстве, объективности в возложении и принятии ответственности за успехи и неудачи в деятельности совместной» (Словарь..., 1998, с. 194). Далее, описывая понятие «интеграция групповая», С.Ю. Головин дает более развернутое толкование этого концепта: «1. Состояние группы, характерное упорядоченностью внутригрупповых структур; согласованностью основных компонент системы групповой активности; устойчивостью субординационных взаимосвязей между ними; стабильностью и преемственностью их функционирования; другими признаками, свидетельствующими о психологическом единстве и целостности социальной общности. 2. Иерархически организованная совокупность внутригрупповых процессов, обеспечивающих достижение названного состояния» (Словарь..., 1998, с. 194). Такая трактовка понятия «интеграция» является более полной, развернутой трактовкой этого концепта в значении, предложенным в 1985 году Л.А. Карпенко.

Необходимо отметить, что 1990-ые годы в истории отечественной психологии, как и в истории страны в целом, были годами ломки устоявшихся представлений об идеологии, культуре, обществе в целом. Еще вчера называемая «самой передовой» и «единственно верной» психологией (Богданчиков, 2014), наша наука была вынуждена интегрироваться с еще недавно критикуемой зарубежной, однако как именно эта интеграция должна происходить было (да и остается в значительной мере до сих пор) неясным.

Понятие «интеграция» в российской психологии 2000-х годов (2001-2010). В указанный период понятие «интеграция» встречается в справочной литературе чаще и в значительно большем количестве значений. В «Психологическом энциклопедическом словаре» М.И. Еникеева дается определение понятий «интеграция» («объединение и структурирование ранее неупорядоченных явлений, повышение интенсивности взаимодействия между элементами системы, упорядоченное функционирование частей целого»), «интеграция групповая» («упорядоченность внутrigрупповых структур, согласованность основных компонентов жизнедеятельности группы, целостность социальной общности, способность группы к эффективному контролю и коррекции поведения ее членов, деятельностная сплоченность группы, ее направленность на реализацию базовых социальных ценностей; функциональная структурированность группы, слаженность во взаимодействии членов группы»), «интеграция личностная» («гармоническая уравновешенность психических свойств личности, обеспечивающая ее высокоэффективную психическую саморегуляцию; полнезависимость личности, ее подчиненность общей стратегии поведения») и «интеграция социальная» («установление оптимальных связей между социальными институтами, структурами власти и общества на основе общепризнанной идеологии, сближение экономического и социального положения различных социальных слоев») (Еникеев, 2006, с. 131).

Еще большее количество значений понятия «интеграция» в зависимости от его конкретного употребления приводятся в «Психологическом словаре» Р.С. Немова. Сам концепт трактуется как «соединение, объединение, образование из чего-либо целостного единства», после чего даются определения понятий «интеграция вторичная» («термин З. Фрейда, означающий объединение психических элементов, характерных для прегенитальной стадии, в целостную, психосексуальную идентичность»), «интеграция групповая» («процесс объединения людей в социальную группу, сопровождающийся повышением внутреннего единства, сплочением соответствующей группы»), «интеграция культурная» («снятие несогласованности, несоответствия между культурными нормами и формами поведения; их объединение в новую, целостную и непротиворечивую систему»), «интеграция личности» («объединение, согласование и унификация отдельных черт личности, форм поведения, мотивов, эмоций и многого другого, что входит в структуру личности»), «интеграция первичная» («термин З. Фрейда, используемый для обозначения исходного признания ребенком того, что он представляет собой единое целое, отдельное и отличное от остальной части своего окружения»), «интеграция поведенческая» («объединение нескольких отдельных поведенческих актов (действий, реакций и т. п.) в единый, целостный поведенческий акт»), «интеграция социальная» («1. Процесс объединения отдельных элементов общества в единую социальную систему, организацию, например, отдельных людей в социальную группу. 2. Принятие какого-либо нового человека в уже существующую социальную группу в качестве ее полноправного члена») (Немов, 2007, с. 153). Как можно заметить, «групповая» линия, берущая свое начало в работе Л.А. Карпенко, продолжается и здесь.

Если обобщить значения концепт «интеграция», приводимые указанными авторами, и вынести за скобки «частные» его трактовки («интеграция групповая», «интеграция личностная» и др.), то получится понятийный узел, в котором понятие «интеграция» окажется связанным с понятиями «система/целое», «элементы/части», «группа», «социум» и «личность» (рис. 1).

Как можно заметить, в 2000-х годах понятие «интеграция» встречается чаще в отечественной психологии, и связывается с большим количеством других понятий, нежели в

предыдущие периоды. На наш взгляд этот феномен можно объяснить следующими причинами:

- само понятие потеряло свою негативную коннотацию, свойственную советскому времени, что было связано с отказом от идеологических, наиболее догматических положений отечественной психологии в 1990-ые годы;

- в 1990-ые годы возникла потребность в интеграции российской и зарубежной психологии;

- в силу того, что любой процесс в науке требует определенного времени для того, чтобы быть отрефлексируемым, понятие «интеграция» наиболее полно было осмыслено только десятилетие спустя, в 2000-х годах, что и нашло соответствующее отражение в справочной литературе;

- вполне возможно, что интерес российских психологов к понятию «интеграция» связан не только с логикой развития науки, но и с дезинтегративными процессами в социуме, особенно в «лихие» 1990-ые годы, когда относительная монолитность советского общества сменилась его атомизацией и жизнью под девизом «человек человеку волк».

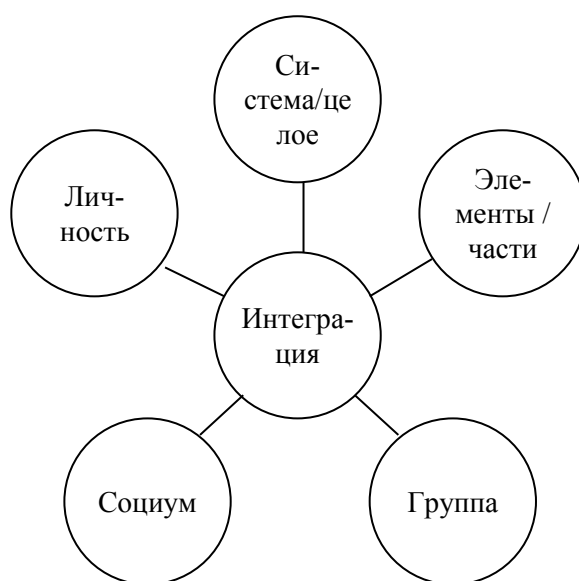


Рисунок 1. Понятийный узел концепта «интеграция»

Заключение. В рассмотренной нами исторической перспективе на материале справочной литературы содержание понятия «интеграция» не претерпело существенных изменений. Оно трактовалось примерно одинаково – как объединение в целое или систему каких-либо частей, элементов. Однако со временем расширялся его объем – начиная с интеграции в рамках феномена социальной группы («рефлексологическое» определение интеграции Б.Е. Варшавой и Л.С. Выготским здесь пусть и показательный для своего времени, но все-таки «артефакт») и заканчивая интеграцией в рамках личности, культуры, общества в целом. Это говорит о том, что рассматриваемый нами концепт становится все более употребимым, что, в свою очередь, свидетельствует о значимости описываемой им психологической реальности.

С другой стороны, обращает внимание на себя следующий факт. Ни в одном из рассмотренных нами определений интеграция не понимается как бы на «метауровне», то есть речь ведется об объединении отдельных психологических феноменов (людей в группах, черт личности и др.), а не об объединении психологического знания. Особенно контрастно это выглядит в условиях 2000-х годов, когда известные представители Ярославской психологической школы разрабатывали проблематику интеграции психологического знания. Именно в это десятилетие вышли работы, в названии которых присутствует рассматриваемый нами концепт: «Интегративная психология» (2007) (Козлов, 2007) В.В. Козлова, «Целостность и

интеграция в психологии (Некоторые методологические проблемы психологического исследования)» (2005) (Мазиллов, 2008), «Интеграция психологического знания: методологические проблемы» (2008) (Мазиллов, 2005) В.А. Мазилова и др. О чем это может говорить? Скорее всего о том, что проблема интеграции психологического знания до сих пор не нашла общепризнанного решения, так как в справочной литературе, как правило, отражаются те понятия и их определения, по поводу которых в научном сообществе существует относительное согласие. Проведение уже шестой по счету конференции «Интеграция в психологии: теория, методология, практика» подтверждает этот тезис, иллюстрируя живой, динамичный характер поиска решения проблемы интеграции психологического знания. Решение, которое будет найдено, как нам хочется верить, в будущем.

Библиографический список

1. Богданчиков С. А. История советской психологии. 1920-1930-е гг. Москва : Директ-Медиа, 2014. 367 с.
2. Будилова Е. А. Философские проблемы в советской психологии. Москва : Наука, 1972. 336 с.
3. Варшава Б. Е. Психологический словарь / Б. Е. Варшава, Л. С. Выготский. Санкт-Петербург : Тропа Троянова, 2008. 256 с.
4. Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь. Москва : Проспект, 2006. 558 с.
5. Козлов В. В. Интегративная психология: Пути духовного поиска или освящение повседневности. Москва : Психотерапия, 2007. 528 с.
6. Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Москва : Политиздат, 1985. 431 с.
7. Мазиллов В. А. Интеграция психологического знания: методологические проблемы. Москва : МАПН, 2008. 122 с.
8. Мазиллов В. А. Целостность и интеграция в психологии (Некоторые методологические проблемы психологического исследования) // Вестник интегративной психологии: Журнал для психологов. 2005. № 1 (3). С. 38–40.
9. Немов Р. С. Психологический словарь. Москва : ВЛАДОС, 2007. 560 с.
10. Петровский А. В. История советской психологии: Формирование основ психологической науки. Москва : Просвещение, 1967. 368 с.
11. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск : Харвест, 1998. 800 с.
12. Стёпин В. С. Теоретическое знание. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

УДК 159.9.016

В.К. Захаров

ПОБУЖДЕНИЕ, ПАМЯТЬ И ВОЛЯ В ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. В публикациях автора было дано объединительное представление об объединённом мире, которое дало возможность создать общее описание объединительной теоретической психологии, как науки о бытии мысленного мира людей в его взаимодействии с бытием вещественного мира. В данной статье это общее описание применяется к таким важнейшим психологическим понятиям, как память и воля. Вводится общее понятие людского предмета, и для него определяются понятия его памяти, его памятного побуждения и его воли.

Ключевые слова: объединённый мир, вещественный мир, мысленный мир людей, побуждение предмета, людской предмет, память, памятное побуждение, воля

MOTIVATION, MEMORY AND WILL IN UNIVERSAL THEORETICAL PSYCHOLOGY

Abstract. In the author's publications, a unifying idea of the united world was given, which made it possible to create a general description of a unifying theoretical psychology, as a science about the existence of the mental world of people in its interaction with the existence of the material world. In this article, this general description is applied to such important psychological concepts as memory and will. A general concept of a human object is introduced, and for it the concepts of its memory, its memorable impulse and its will are defined.

Keywords: united world, material world, mental world of people, motivation of an object, human object, memory, memorable motivation, will.

Введение

За последние годы в различных разделах психологии были достигнуты значительные успехи. В частности, «одушевлённое» представление о современной **психологии**, как целостной науке, было изложено в книге (Шадриков, 2021).

К сожалению, из этого представления остаётся неясным, в каком объемлющем **мире** существует **человек**. Необходимость общего философского подхода к пониманию психики человека через его включённость в объемлющий мир была показана в книге (Рубинштейн, 2012).

В публикациях (Захаров, 2020; Захаров, 2021; Захаров, 2022) было дано объединительное философское представление об **объединённом мире**, состоящем из вещественного мира, мысленного мира и вещественно-мысленного мира, и о включённости в него мысленного мира человечества и человека. Это представление дало возможность создать общее описание **объединительной теоретической психологии**, как теоретической науки о бытии мысленного мира людей в его взаимодействии с бытием вещественного мира, основанной на некоторых общих психологических аксиоматических принципах.

В данной статье это общее описание применяется к таким важнейшим психологическим понятиям, как память и воля. Вводится общее понятие **людского предмета**, и для него определяются понятия **его памяти** и **его воли**, обобщающие все известные автору представления о памяти и воле (Вилюнас, 2006; Ильин, 2009; Логунова, 2019; Семенов, 2018; Черемошкина, 2009; Шевцов, 2016; Шляпников, 2022).

Статья состоит из четырёх частей. В первой части излагается объединительное философское представление об **объединённом мире** и даётся общее описание **побуждения предметов** этого мира. Во второй части **человек** рассматривается в различных **людских предметах** объединённого мира. Для них определяется общее понятие **памяти**, обобщающее все известные автору представления о памяти. Описывается **памятное побуждение** и **воля** людских предметов. В третьей части из всех людских предметов выделяется **бытийное общество**, памятный мир которого побуждает его, во-первых, к наследованию его прошлого или настоящего бытия и, во-вторых, к обновлению этого бытия. Понятие бытийного общества позволяет описать **дробно-составное представление о психической устроенности человечества**. Из этого представления следует, что важным направлением психологии личности является выявление и описание влияния на психику личности внутренне необоснованных свойств психики объемлющих бытийных обществ. В четвёртой части описывается, как именно проявляются указанные памятные побуждения и воли бытийного общества. В частности, через памятное побуждение определяются инстинкты бытийного общества. В качестве гипотезы высказывается предположение, что в число инстинктов можно включить побуждение памятным образом архетипа надежды на будущее.

Автор выражает глубокую благодарность Любове Валерьевне Черемошкиной за экспертное консультирование по данной теме.

Часть 1. Побуждение предметов объединённого мира

СИНТЕТИЧНОСТЬ (ОБЪЕДИНЁННОСТЬ) МИРА

Мир является *объединённым (синтетичным)*, т.е. состоит из двух частей: из *вещественного мира* и из *мысленного мира*. Вместо *мира* можно говорить о *вселенной, космосе* и т.п. В мире выделяется наша планета Земля. Мир существует во времени. Под *человечеством* понимается совокупность всех людей, существовавших (живших) или существующих (живущих) на нашей планете.

Объединённый мир (на данный момент времени) подразделяется на: 1) *природный мир* (как *вещественный*, так и *мысленный*); 2) *надприродный мир* (как *вещественный*, так и *мысленный*), созданный и создаваемый *человечеством* в его бытии (существовании во времени). Будем считать, что само воссоздаваемое человечество является частью и природного мира, и надприродного мира. При этом провести чёткую однозначную границу между природным и надприродным мирами иногда довольно затруднительно.

Вместо пары – *вещественный мир* и *мысленный мир* – можно использовать заимствованную пару – *материальный мир* и *идеальный мир*. Вместо пары – *природный мир* и *надприродный мир* – можно использовать пару – *естественный мир* и *искусственный мир* – или заимствованную пару – *физический мир* и *парафизический мир*.

Под (*человеческой*) *созидательностью* далее понимается вся совокупность созиданий (т.е. наследований и обновлений) людьми или отдельным человеком надприродного мира за счёт природного или надприродного мира. При таком понимании и сотворение человеком своего внутреннего надприродного мира, и парное сотворение нового человека является *человеческой созидательностью*. Под (*человеческой*) *деятельностью* понимается целенаправленная (*человеческая*) созидательность.

Связь во времени между определёнными выше мирами можно описать следующим образом. Вещественный и мысленный миры не переходят друг в друга (*аксиома отделённости вещественного и мысленного миров*).

Мысленный (природный и надприродный) мир **включает** в себя *мысленный мир живых существ Земли* и, в частности, *мысленный мир людей (человечества)*. Надприродный мысленный мир людей называется также *метафизическим миром*.

Человеку в мире соответствует *внутренний мир человека* и *внешний мир человека*. Внутренний мир человека подразделяется на *вещественный внутренний мир* и *мысленный внутренний мир*. Для удобства дальнейших рассуждений указанные миры подразделяются на природные и надприродные части, поскольку сам человек помещён и в природный мир, и в надприродный мир.

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ МЫСЛЕННОГО МИРА ЛЮДЕЙ. ИСТОРИКО-НАКОПИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ УСТРАИВАНИИ МЫСЛЕННОГО МИРА ЛЮДЕЙ

Важнейшей проблемой антропологии (учении о человеке) является *проблема устраивания мысленного мира людей*. Английский философ Джон Локк (1632-1704) в своём труде 1690 года «Опыт о человеческом разуме» (1690) обосновывал представление о том, что внутренний мысленный мир человека при его рождении является совершенно пустым (по латыни *tabula rasa*) и впоследствии наполняется только из внешнего мысленного мира людей. «Предположим, что ум есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей. Но каким же образом он получает их? Откуда он приобретает тот их обширный запас, который деятельное и беспредельное человеческое воображение нарисовало с почти бесконечным разнообразием? Откуда он получает весь материал рассуждения и знания? На это я отвечаю одним словом: **из опыта**» (цитата из упомянутой книги Локка).

Однако это представление об однородности мысленного мира людей сопровождалось представлением о его разнородности. Оно восходит к Рене Декарту (1596-1650), использовавшего в своих трудах понятие сознательного, и к Готфриду Вильгельму Лейбницу (1646-1716), введшего в 1720 году в книге «Монадология» понятие бессознательного. Представление, которое отчётливо противостояло указанному выше представлению Локка о врождённой

пустоте, было изложено Карлом Робертом Эдуардом фон Хартманном (1842-1906), опубликовавшим в 1869 году книгу «Философия подсознательного», в которой используется понятие частичной **врождённости** подсознательного.

Прорывным представлением, которое противостояло представлению Локка и развивало представление Хартманна, явилось представление немецкого психолога Карла Густава Юнга (1875-1961). В статье «Структура бессознательного» («Über das Unbewußte und seine Inhalte») (1916) Юнг ввёл понятие **врождённого коллективного** бессознательного (collective unconscious).

С нашей отстранённой точки зрения исключительно важные понятия сознательного и бессознательного имеют серьёзный изъян: они являются только лишь признаковыми именами **прилагательными** при неопределённом имени **существительном**.

Ниже излагается аксиоматическое **историко-накопительное представление** об устроивании мысленного мира людей, развивающее указанные представления Хартманна и Юнга.

Мысленный мир людей подразделяется на **сознательный** (*ведательный*) и **подсознательный** (иначе *наивный, бессознательный, внесознательный, надсознательный* и пр.) *миры*.

Отнесение мысленного мира к сознательному или подсознательному мирам задаётся посредством следующих аксиомных **определений-признаков**. Подсознательный мир передаётся из поколения в поколение по отдельному рожденческому наследованию¹. Сознательный мир передаётся из поколения в поколение как поднятием из унаследованной подсознательной части, так и образно-словесным вменением от человека одного поколения к человеку другого поколения.

Имеется следующая временная **связь устроивания сознательного и подсознательного миров людей в объединённом мире**:

- 1) подсознательный мир устроивается путём человеческого рождения;
- 2) подсознательный мир добавочно устроивается путём постепенного перехода накопленной устойчивой во времени части сознательного мира в подсознательный мир;
- 3) сознательный мир устроивается как путём поднятия из подсознательного мира, так и путём вменения одной частью сознательного мира другой части сознательного мира²;
- 4) сознательный мир добавочно устроивается путём человеческого познания.

ИСТОРИКО-НАКОПИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВЗАИМОУСТРАИВАНИИ ВЕЩЕСТВЕННОГО МИРА И МЫСЛЕННОГО МИРА ЛЮДЕЙ

Проблема устроивания мысленного мира людей является частью старой, как сам мир, общей **проблемы взаимоустроивания вещественного мира и мысленного мира людей**. Ниже излагается аксиоматическое **историко-накопительное представление об этом взаимоустроивании**.

В совокупности имеется следующая временная **связь взаимоустроивания вещественного мира и мысленного мира людей в объединённом мире**:

- 1) вещественный мир устроивает (в частности, обустроивает, надстраивает, перестраивает, подавляет, пробуждает, возбуждает и пр.) сознательный мир людей,
- 2) накопленный устойчивый сознательный мир людей постоянно «опускается вниз» и устроивает (в частности, обустроивает, надстраивает, перестраивает и пр.) подсознательный мир людей,
- 3) подсознательный мир людей перемененно «поднимается вверх» и устроивает (в частности, обустроивает, надстраивает, перестраивает, пробуждает, возбуждает и пр.) сознательный мир людей,
- 4) и сознательный, и подсознательный миры людей устроивают (в частности, обустроивают, надстраивают, перестраивают, подавляют, пробуждают, возбуждают и пр.) вещественный мир.

МИРОВЫЕ) ПРЕДМЕТЫ И ИХ ВЕЩЕСТВЕННЫЕ И МЫСЛЕННЫЕ ЧАСТИ. ГДЕ «ЖИВЁТ» МЫСЛЕННЫЙ МИР ЛЮДЕЙ?

Любую мысленно отмеченную людьми **в данный момент времени** часть объединённого мира будем далее называть (**мировым**) **предметом** или **объектом** (в *данный момент времени*). Это общее понятие включает в себя предметы, связанные с бытием других предметов, такие как **явление, состояние, благополучие, равновесие, условие, обстоятельство** и пр.

Каждому предмету присущ другой мысленный предмет, называемый (**бытийным**) **именем** (*наименованием, названием* и пр.) **предмета**.

В некоторых предметах есть и *вещественная (материальная) часть*, и *мысленная (идеальная) часть*; их можно назвать *синтетичными* или *вещественно-мысленными (материально-идеальными) предметами*. Примером является любой созданный человеком вещественный предмет, поскольку он имеет в себе и мысленную часть, показывающую некоторые обстоятельства придумывания и создания этого предмета. Другим примером является любой не созданный, но измышленный человеком вещественный предмет, такой как электрон, атом, молекула, клетка, ген и т.д.

В некоторых предметах есть только *вещественная (материальная) часть*; их можно назвать *чисто вещественными (материальными) предметами*. Примером является любой косный, т.е. не живой, природный предмет.

Наконец, в некоторых предметах есть только *мысленная (идеальная) часть*; их можно назвать *чисто мысленными (идеальными) предметами*. Примером является любой предмет, непосредственно не обнаруживаемый органами чувств человека, вооружёнными в данный момент времени вспомогательными обнаружительными средствами, такой как сверхъестественное существо, душа, число и т.д.

С предметом в данный момент (мгновение) времени людьми мысленно соединены некоторые **мысленные предметы**, называемые *свойствами* или *способностями предмета*. Предмет с отмеченным людьми свойством называется *освоиственным предметом*.

В каждый момент времени предмету присуще его свойство, называемое **состоянием предмета в данный момент времени**. Соответственно вещественной части предмета присуще *состояние вещественной части предмета в данный момент времени*, а мысленной части предмета присуще *состояние мысленной части предмета в данный момент времени*. Состояния предметов **изменяются** во времени под воздействием других предметов, называемых *внутренними* и *внешними побудителями*. Явление перехода предмета из одного временного состояния в другое временное состояние для всех моментов времени из некоторого временного промежутка будем называть **пробытием предмета на этом временном промежутке**.

С двумя предметами в данный момент времени может быть соединён другой предмет, называемый **связью между предметами**.

Понятие мирового предмета позволяет дать ответ на естественный вопрос: где «живёт» мысленный мир человечества? Из сказанного выше следует, что мысленный мир людей располагается, во-первых, в отдельных людях, а во-вторых, в вещественно-мысленных предметах объединённого мира.

ПОБУЖДЕНИЕ ПРЕДМЕТА. ИНЕРЦИОННЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Отметим, что латинское слово «*instinctus*» (в русифицированном виде «инстинкт») означает «побуждение». А английское слово «*motivation*». (в русифицированном виде «мотивация») тоже означает «побуждение». Использование одного и того же понятия сразу на трёх разных языках показывает его первичность и важность.

При этом понятие **побуждения** является лишь просторечным сокращением целостного смыслового понятия *побуждения чего-то (кого-то) чем-то (кем-то) к чему-то* или точнее *побуждения одного предмета другим предметом к некоторому будущему состоянию или пребыванию первого предмета*. Это состояние или пребывание называется **целью побуждения**.

Динамический предмет будем называть **инерционным (наследуемым)** (на данном временном промежутке), если у него в каждый момент времени из этого промежутка имеется

свойство, называемое *побуждением к наследованию некоторых прежних состояний, бывших до этого момента времени*.

Согласно **бивалентному представлению**, описанному в статье (Захаров, 2022), побуждение к изменению бытия предмета не может исходить только изнутри самого предмета, а обязательно должно сопровождаться побуждением снаружи предмета. В отличие от этого, побуждение к наследованию бытия предмета может исходить только изнутри самого предмета.

Источник внутреннего побуждения косных (чисто вещественных) предметов к наследованию (инерции) своего бытия в настоящее время человечеству неизвестен. Тема побуждения в людских предметах рассматривается ниже.

Часть 2. Памятное побуждение и воля людских предметов

ОБЩЕСТВО В ШИРОКОМ ПОНИМАНИИ, ЕГО СРЕДЫ, СРЕДСТВА БЫТИЯ, ДОСТОЯНИЯ И ЕДИНИЦЫ. МЫСЛЕННЫЙ МИР ОБЩЕСТВА И ЕГО ЕДИНИЦ

Под **обществом (сообществом)** (на рассматриваемом временном промежутке) будем далее понимать любой предмет объединённого мира, обязательно включающий в себя **явную часть человечества**, обладающую некоторой совокупностью общих признаков (свойств), и всю **непосредственно** связанную с этой частью человечества **явную часть надприродного** (вещественного и мысленного) мира. Здесь слово «**явная**» понимается как не скрытная, законная, легальная и пр. Указанная часть человечества называется **человеческой (людской) частью общества**, а указанная часть надприродного мира называется **своей (внутренней) надприродной средой общества**. Люди, входящие в людскую часть общества, называются **членами общества**.

Своя надприродная среда общества **вместе** со всей дополнительной к обществу частью мира называется **бытийной средой общества** (в данный момент времени). Особенную часть бытийной среды составляет **явная зарубежная (внешняя) надприродная среда общества**. Другую особенную часть бытийной среды составляет **природная среда общества**. Вся непосредственно связанная с обществом часть природной среды называется **своей (внутренней) природной средой общества**; остальная часть называется **зарубежной (внешней) природной средой общества**. Природная (своя и зарубежная) среда **вместе** с зарубежной надприродной средой называется **содержательной средой общества**. Ясно, что своя надприродная среда общества и его содержательная среда вместе составляют бытийную среду общества.

Из этих определений следует, что **внешней (дополнительной) к обществу частью** мира является его содержательная среда.

Если рассматривать всё человечество в целом и всю непосредственно связанную с ним часть надприродного мира, то такое общество естественно называть **мировым**.

Любую мысленно отмеченную часть объединения общества и его содержательной среды будем далее называть **средством бытия этого общества**. Любую мысленно отмеченную часть объединения общества и его внутренней природной среды будем далее называть **достоянием этого общества**. Ясно, что достояние является средством бытия. Из определения следует, что в достояние общества может включаться или некоторая часть внутренней природной среды общества, или некоторая часть надприродной среды общества, или некоторая совокупность членов общества. Понятие достояния является более широким, чем понятие благо, поскольку не все достояния можно отнести к благам; например, создаваемые обществом отходы. Достояние общества, не содержащее людей, будем называть **опорным**.

Достояние общества, обязательно включающее в себя некоторую совокупность членов общества и всю непосредственно связанную с ними часть надприродной среды общества, будем называть **(бытийной) единицей (общества)**. Здесь слово «единица» понимается как «единство» (unit), как «субъект», как «актор». Эту совокупность людей естественно называть **людским составом (штатом (staff)) единицы**. Для единицы соответствующие среды единицы определяются так же, как и для общества.

Ясно, что каждое общество является единицей мирового общества. Минимальные (бытийные) единицы общества, т.е. состоящие только из одного члена общества и всей непосредственно связанной с ним частью надприродной среды общества, называются **личностями общества**.

Мысленным миром общества будем называть часть мысленного мира, состоящую из мысленных внутренних миров всех членов общества. Подобным образом определяется *мысленный мир единицы* (и в частности, *личности*) *общества*.

В мысленном мире общества и его единицы выделяются *сознательная часть* (*сознание общества*) и *подсознательная часть* (*подсознание общества*).

ПАМЯТЬ ЛЮДСКОГО ПРЕДМЕТА. ЕГО ВОЗМОЖНОЕ ПАМЯТНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ

Способность личности (общества) создавать **представление** в своём мысленном мире о прошлом, настоящем или будущем бытии (объединённого) мира, обладающее свойствами сохранения, забывания и пополнения во времени, будем называть **памятью** (или **узнаванием**) **личности о бытии мира**. Само созданное представление к данному моменту времени будем называть **накопленной памятью** (или **знанием**) **личности о бытии мира** (к данному моменту времени) или короче **памятным миром личности** (к данному моменту времени). По-видимому, во все времена все (здоровые) личности любого общества обладали и обладают памятью.

Памятью (или *узнаванием*) *общества о бытии мира* будем называть совокупность памятей всех личностей общества о бытии мира. *Памятным миром общества* (к данному моменту времени) будем называть часть мысленного мира общества, состоящую из памятных миров всех личностей общества. Подобным образом определяются *память единицы общества о бытии мира* и *памятный мир единицы общества* (к данному моменту времени).

Далее под **людским предметом** будем понимать общество, или его единицу, или его личность.

В мысленном мире людского предмета выделяются сознательная и подсознательная части. Соответственно этому в памятном мире людского предмета выделяются *сознательный памятный мир* и *подсознательный памятный мир*.

Введённое понятие памяти людского предмета обобщает представления о памяти личности, изложенные в книге (Шадриков, 2021).

Относительно памяти мы будем исходить из общей **аксиомы памятного побуждения людского предмета**, согласно которой и сознательный памятный мир, и подсознательный памятный мир людского предмета **могут** некоторым образом побуждать людской предмет к некоторым целям в его будущем бытии и, тем самым, **могут** воздействовать на будущее бытие общества.

НЕОБХОДИМЫЕ ВОЗДЕЙСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА

Описанное в указанной выше аксиоме возможное побуждение памятным миром является **чисто мысленным** средством для воздействия на будущее бытие общества. Естественно, что при этом могут применяться и другие мысленные средства. Однако из аксиомы необходимого соучастия вещественного и мысленного миров (Захаров, 2022, с. 31) следует, что для действительного воздействия на будущее бытие людского предмета в помощь к этому средству в обществе **обязательно** должны ещё иметься и использоваться **необходимые воздейственные вещественные или вещественно-мысленные средства** (ресурсы).

Более того, из аксиомы временной преемственности предметных вмещений (Захаров, 2022, с. 38) следует, что для действительного и долговременного воздействия на будущее бытие людского предмета в обществе **обязательно** должны ещё иметься, изводиться (затрачиваться) и снова производиться **необходимые первичные воздейственные (затратные) энергетические и информационные средства**.

ВОЛЯ И ВЛАСТЬ ЛЮДСКОГО ПРЕДМЕТА

Свяжем общее понятие побуждения предмета, введённое выше, с понятиями воли и власти людского предмета.

Если используется смысловое понятие *побуждения людского предмета его памятным миром к какой-то цели*, то наряду с ним используется ограниченное смысловое понятие *воля (веля³) людского предмета к какой-то цели*, придающее оттенок самостоятельности. Например, воля человека к жизни, к свободе, к победе и пр. Таким образом, первое понятие является **качественным** расширением второго понятия.

Через указанные точные понятия побуждения и воли можно описывать и даже объяснять многие вторичные смысловые понятия, связанные с волей. Например, *стремление людского предмета к воле* можно описать как просторечное сокращение целостного двухуровневого смыслового понятия побуждения людского предмета его памятным миром к **самостоятельному** бытию, т.е. к его будущему бытию без **навязанного внешнего** повеления от любого другого людского предмета к любой указанной им цели в этом бытии.

Если используется смысловое понятие *побуждения какого-либо предмета людским предметом к некоторому будущему состоянию или пребыванию первого предмета* (называемого целью побуждения), то наряду с ним используется ограниченное смысловое понятие *власть людского предмета над предметом*.

Проявление во времени власти людского предмета над предметом описывается посредством смыслового понятия *владение предметом*.

Введённое понятие воли людского предмета к цели обобщает представления о воле личности, изложенные в книге (Ильин, 2009).

ПСИХИКА И ПСИХОЛОГИЯ ЛЮДСКОГО ПРЕДМЕТА

Под *психикой* (в широком смысле) *людского предмета* будем понимать совокупность всех проявлений бытия мысленного мира людского предмета в его взаимодействии с бытием вещественного мира.

Под (*теоретической*) *психологией людского предмета* будем понимать теоретическую науку о психике людского предмета, основанную на некоторых первичных понятиях и аксиоматических принципах. Эти понятия и принципы были изложены в статье (Захаров, 2022).

Приведённые выше определения выделяют *психику* и *психологию общества*, или *его единицы*, или *его личности*.

Часть 3. Памятное побуждение и воля бытийного общества

В предыдущей части рассматривалась возможность памятного побуждения людского предмета к некоторым целям в его будущем бытии. Выделим теперь из всех людских предметов такие людские предметы, в которых **обязательно и всевременно** осуществляется указанное памятное побуждение к двум **главным** целям будущего бытия.

СИСТЕМНОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО СИСТЕМНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Вышеприведённое понимание общества является слишком широким. Для нас особенно важными являются общества, которые являются **системными**.

Под *системой (составным предметом, устроенным предметом)* будем понимать предмет мира, обладающий следующими свойствами:

1) он является совокупностью нескольких (не менее двух) других предметов мира, называемых далее *детальями*, и нескольких (не менее одного) других предметов мира, называемых далее *связями между детальями*; в нём могут **появляться** новые детали или связи и **исчезать** старые детали или связи; это появление и исчезновение может быть его свойством;

2) (*свойство внутренней составленности*) деталь сама может быть совокупностью нескольких (не менее двух) других деталей и нескольких связей между ними, называемых далее *составляющими детальями детали* и *составляющими связями детали*; такая деталь называется *сложной*; деталь, не являющаяся сложной, называется *простой*, или *первичной*, или *атомарной (неделимой)*, или *элементарной (начальной)*, или *элементом (началом)*;

3) (*свойство внешнего обустройства*) предмет [сложная деталь] **первоначально** во времени устраивается (организуется) из составляющих деталей **обязательно** при наличии некоторых связей некоторых составляющих деталей с некоторыми внешними по отношению ко всем составляющим деталям предметами мира, без связей с которыми указанный предмет

не мог бы устроиться; такие внешние предметы и связи можно назвать *внешними средствами, обустройствающими данный предмет* [данную сложную деталь];

4) (*свойство внутренней необоснованности*) и сам предмет, и каждая сложная деталь **обязательно** имеет хотя бы одно новое свойство, которого не было ни у одной из составляющих деталей; такое свойство называется далее *внутренне необоснованным*;

5) (*свойство внешнего обоснования*) каждое внутренне необоснованное свойство предмета [сложной детали] **обязательно основано** на наличии некоторых связей предмета [сложной детали] с некоторыми **внешними** по отношению к предмету [к сложной детали] предметами мира, без связи с которыми указанное свойство предмета не могло бы появиться; такие внешние предметы и связи можно назвать *внешними средствами, обосновывающими данное свойство предмета* [сложной детали].

Внешнее обустройство или обоснование будем далее называть *внешним участием*.

Каждой системе, как предмету, присуще *имя* (наименование, название и пр.) *системы*.

Из перечисленных выше свойств системы следует, что каждая сложная деталь системы сама является системой, называемой далее *подсистемой системы*. Отметим, что для сложной детали внешними обустройствающими или обосновывающими предметами могут быть и другие детали самой системы.

Под *системным* (иначе, *устроенным, организованным*) *обществом (сообществом)* (на рассматриваемом временном промежутке) будем понимать любое общество, в котором **некоторые** из единиц и опорных достояний и **все** личности являются порождающими деталями некоторой системы, называемой *системой общества*.

ПРОБЛЕМА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ВОЛЕВОЙ ЕДИНИЦЫ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ОБЪЕДИНЁННОМ МИРЕ

В своих работах философ Ю.И. Семёнов рассматривает **проблему действующей волевой единицы бытия человечества** (Семенов, 2003, с. 10; Семенов, 2018) и подробнейшим образом описывает, как эту проблему решали различные мыслители (Семенов, 2003, с. 10-88). Показывается, что удовлетворительного решения проблемы волевой единицы до выхода этой книги так и не было найдено, что в этой книге проблема в принципе решена и что её решение состоит во введении в научный оборот понятия **социально-исторического организма**, как одной из самых важных категорий наук об обществе и его истории (Семенов, 2003, сс. 88, 21, 27). При этом социально-исторический организм определяется следующим образом: «Социоисторический организм есть отдельное конкретное общество, которое представляет собой относительно самостоятельную единицу исторического развития» (Семенов, 2003, с. 21).

Ясно, что это пустое определение не несёт в себе никакой признаковой узнаваемости социоров для исследователя. Поэтому ниже даётся сложно-признаковое определение **бытийного общества**, призванное развить указанное беспризнаковое определение социора.

БЫТИЙНОЕ ОБЩЕСТВО КАК ВОЛЕВАЯ ЕДИНИЦА

Выделим теперь из всех системных обществ действующую **волевою** единицу бытия человечества.

Под **бытийным** (иначе, **многопоколенным**) *обществом* (на рассматриваемом временном промежутке) будем понимать любое системное общество, обладающее следующими свойствами:

1) (*пространственно-населенческие (территориально-популяционные)* свойства) личности общества населяют и удерживают в течение этого временного промежутка определенное пространство (*область обитания*), имеют возможность рожденческого скрещивания внутри своей совокупности в течение многих поколений и имеют возможность последующего воспитания появляющегося потомства до взрослого состояния;

2) (*содержательно-приспособительные (субстанционально-адаптационные)* свойства) общество является **инерционной динамической системой** (на неограниченном промежутке времени от всего прошлого до конца рассматриваемого временного промежутка) относительно того, что и его сознательный памятный мир, и его подсознательный памятный

мир **в каждое мгновение времени побуждают** общество, во-первых, к наследованию своего прошлого или настоящего бытия и, во-вторых, к обновлению этого бытия.

Используя понятие воли общества к цели, можно сказать, что бытийное общество обладает, во-первых, **волей** к наследованию своего прошлого или настоящего бытия и, во-вторых, **волей** к обновлению этого бытия.

Человеческая (людская) часть бытийного общества называется **народом**. Понятие бытийного общества уточняет размытое и нечёткое понятие **страны**.

ДРОБНО-СОСТАВНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПСИХИЧЕСКОЙ УСТРОЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Понятие бытийного общества позволяет описать следующее аксиоматическое **дробно-составное представление о психической устроенности человечества**:

1) каждый человек обязательно включён в хотя бы одно *объемлющее* (бытийное) общество в качестве его личности;

2) личность является первичной деталью каждого объемлющего общества;

3) психика объемлющего общества не сводится к совокупной психике всех его личностей, а обладает собственными внутренне необоснованными свойствами;

4) психика каждой личности какого-либо объемлющего общества обязательно зависит от психики хотя бы одного (этого или другого) объемлющего общества, *влияющего на психику этой личности*.

Из этого представления следует, что важным направлением психологии личности является выявление и описание влияния на психику личности внутренне необоснованных свойств психики объемлющих обществ.

ИСТОРИКО-НАКОПИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О НАПОЛНЕНИИ ПАМЯТНОГО МИРА БЫТИЙНОГО ОБЩЕСТВА

Введение понятия памяти людского предмета позволяет изложить аксиоматическое **историко-накопительное представление** о наполнении памятного мира (бытийного) общества.

Согласно этому представлению, имеется следующая **связь наполнения (во времени) сознательного памятного мира и подсознательного памятного мира (бытийного) общества**:

1) подсознательный памятный мир общества наполняется путём человеческого **рождения** его членов;

2) подсознательный памятный мир общества добавочно наполняется путём постепенного перехода «вниз» накопленной устойчивой во времени части сознательного памятного мира общества в подсознательный памятный мир общества;

3) сознательный памятный мир общества наполняется путём поднятия «вверх» части подсознательного памятного мира общества, определяемой содержательной средой общества;

4) сознательный памятный мир общества добавочно наполняется путём общего человеческого познания и мысленного обмена всего мирового общества.

Из сказанного следует, что сознательный и подсознательный памятные миры неоднородны внутри всего общества. Сознательный памятный мир преимущественно однороден внутри каждой долго существующей мысленно обменной человеческой части общества по причине мысленного перемешивания. Подсознательный памятный мир преимущественно однороден внутри каждой очень долго существующей кровнородственной человеческой части общества по причине родительского перемешивания. Поэтому подсознательный памятный мир гораздо менее изменчив во времени, чем сознательный мир.

Часть 4. Проявления памятного побуждения и воли бытийного общества

Как именно проявляются указанные выше памятные побуждения и воли бытийного общества подробно рассматривается в книге (Захаров, 2022, с. 45-75) и в статье (Захаров, 2020). Далее мы лишь кратко опишем эти проявления.

ТИПЫ БЫТИЯ (БЫТИЙНОГО) ОБЩЕСТВА. ИХ МЕМЫ. ПОБУЖДЕНИЯ МЕМАМИ

Прошедшее или настоящее объединённое бытие любого (бытийного) общества (и любой его единицы) может быть сведено наблюдателями к отдельным (т.е. выделяющимся, явно различимым) **частям**, называемым далее **типами (видами, способами) бытия (существования)**.

Один класс типов бытия составляют **неотипы бытия**, т.е. те типы бытия, которые зародились в пределах однопоколенческой памяти. Другой класс составляют (**стереотипы) бытия**, которые зародились за пределами многопоколенческой памяти и устойчиво осуществлялись во многих поколениях. Подкласс класса стереотипов бытия составляют **архетипы бытия**, которые зародились за пределами великопоколенческой памяти и устойчиво осуществлялись в великом множестве поколений (Захаров, 2020; Захаров, 2022).

В памятном мире каждого общества, осуществлявшем или осуществляющем данный тип бытия, составляется некоторое частичное, обобщённое и усреднённое **узнаваемо-передаваемое представление о типе бытия общества** или иначе **памятный образ (мем⁴) этого типа бытия**.

Одной из аксиом о мемах типов бытия является **аксиома неограниченности наследственного закрепления мемов**, предполагающая, что мемы **всех очень долго** и устойчиво осуществляющихся типов бытия общества постепенно погружаются в подсознание членов этого общества и поэтому далее передаются из поколения в поколение по рожденческому наследованию (**способ наследственного закрепления устойчивых мемов**).

Согласно сказанному выше про памятное побуждение мем типа бытия **бытийного** общества в каждый момент времени **побуждает** общество к **наследованию** (воссозданию, проявлению) этого типа бытия членами данного общества, осуществлявшего или осуществляющего данный тип бытия.

Величина побуждения данного общества мемом типа бытия к его наследованию данным обществом в данном месте в данное время **пропорциональна**,

во-первых, близости момента времени последнего действительного осуществления этого типа бытия к рассматриваемому моменту времени (точнее, чем **ближе** указанные моменты, тем степень больше),

во-вторых, совокупному времени всего предыдущего действительного осуществления этого типа бытия в этом обществе (точнее, чем **больше** указанное время, тем степень больше),

в-третьих, широте представленности этого типа бытия в бытии общества (точнее, чем **больше** членов общества вовлечено в этот тип бытия и чем **сильнее** их зависимость от его наличия в бытии общества, тем степень больше).

И поэтому величина побуждения данного общества мемом типа бытия к наследованию типа бытия равна сумме трёх указанных независимых величин для данного типа бытия в данный момент времени. Назовём эту сумму **побудительной мощностью мема типа бытия в данный момент времени**. В частности, при одинаковой близости моментов времени последних действительных осуществлений типов бытия к рассматриваемому моменту времени побудительная мощность мема архетипа сильнее побудительной мощности мема стереотипа, а побудительная мощность мема стереотипа сильнее побудительной мощности мема неотипа.

Если мы хотим указывать только тип бытия (феномен) без указания его памятного образа (мема) в памятном мире общества и без указания побуждения общества этим мемом, то можно сказать, что общество относительно своего наличествующего или бывшего типа бытия **обладает волей к наследованию данного типа бытия** (иначе **обладает склонностью к данному типу бытия**). И тогда вместо побудительной мощности мема типа бытия можно говорить о **мощности (силе) этой воли** или **этой склонности**.

Описанное выше **всевременное** побуждение мемом является **чисто мысленным** средством для наследования типа бытия (бытийным) обществом. Однако из аксиомы необходимого соучастия вещественного и мысленного миров (Захаров, 2020; Захаров, 2022)

следует, что для действительного наследования типа бытия в помощь к этому средству в обществе **обязательно** должны ещё иметься и использоваться **необходимые наследовательные (воссоздательные) вещественные или вещественно-мысленные средства** (ресурсы).

НАСУЩНЫЕ АРХЕТИПЫ БЫТИЯ (БЫТИЙНОГО) ОБЩЕСТВА И ИХ ИНСТИНКТЫ

Насущным архетипом бытия общества (на некотором многопоколенном временном промежутке) естественно считать архетип бытия, обладающий следующими свойствами: 1) подсознательная часть мема этого типа бытия передаётся в этом обществе из поколения в поколение по рожденческому наследованию и 2) без постоянного и устойчивого осуществления этого типа бытия на этом временном промежутке это общество к концу промежутка постепенно вымрет.

Инстинктом члена общества (на некотором многопоколенном временном промежутке) можно назвать побуждение этого общества мемом некоторого **насущенного** архетипа бытия к наследованию (воссозданию, проявлению, осуществлению) этого типа бытия.

Таким образом, инстинкты – это самая жизненно важная часть всех мемных побуждений общества. Однако удовлетворительно описывать бытие общества только на более узком языке инстинктов вряд ли возможно.

Согласно нашей аксиоме неограниченности наследственного закрепления мемов количество насущенных архетипов бытия (а значит, и количество соответствующих инстинктов) общества с течением времени должно только **возрастать**. Этим можно объяснить то обстоятельство, что разные исследователи выделяют разные перечни инстинктов, поскольку практическим наблюдением проверить насущность или не насущность того или иного архетипа бытия нельзя из-за кратковременности жизни наблюдателя. В выделении инстинктов можно полагаться только на мысленные рассуждения, которые всегда субъективны и объективируются только посредством накопления и расширения **согласия** во многих поколениях исследователей.

Из-за субъективности выделения перечня насущенных архетипов бытия мы его приводить не будем. Отметим только, что по-нашему мнению в настоящее время в этот перечень можно включить **архетип надежды на будущее**, согласно которому большинство членов общества бессознательно надеется, что в будущем может произойти что-то такое, что изменит жизнь к лучшему. Это отражено в поговорке «Надежда умирает последней». Именно наличие этого архетипа позволяет одним частям одних обществ вменять другим частям тех же или других обществ различные представления о «прогносте обществ».

Замечание. Насущный архетип бытия зародился в таком далёком прошлом и осуществлялся так долго и устойчиво вплоть до настоящего времени, что его мем **обладает большой побудительной мощностью**. Но для действительного осуществления насущенного архетипа бытия нужен постоянный приток необходимых наследовательных средств.

ФАНТРОПИИ НЕБЫВАЛЫХ ТИПОВ БЫТИЯ (БЫТИЙНОГО) ОБЩЕСТВА. ПОБУЖДЕНИЯ ФАНТРОПИЯМИ

Что касается **обновления** бытия общества, то оно происходит более сложно. При появлении внешних **запускающих** связей общества с его содержательной средой **мемы архетипов обновленности** побуждают общество к созданию мнимых образов (**фантропий, промемов**) совершенно новых, не существовавших никогда ранее **небывалых (чаемых) укладов бытия**, состоящих и совокупности **бытийно сочленённых небывалых (чаемых) типов бытия**. Тщательно разработанная и подготовленная к воплощению фантропия называется **проектом небывалого уклада бытия**.

Согласно сказанному в части 2 про памятное побуждение общества фантропии и тем более проекты небывалых укладов бытия (так же, как и мемы типов бытия) в каждый момент времени **побуждают** общество к **воплощению** этих укладов в (вещественное или мысленное) бытие общества.

Величина побуждения данного общества фантропией небывалого (чаемого) уклада бытия к воплощению этого уклада бытия в данном месте в данное время **пропорциональна**,

во-первых, близости момента времени последнего действительного чаяния этого уклада бытия к рассматриваемому моменту времени (точнее, чем **ближе** указанные моменты, тем степень больше),

во-вторых, совокупному времени всего предыдущего действительного чаяния этого уклада бытия в этом обществе (точнее, чем **больше** указанное время, тем степень больше),

в-третьих, широте представленности чаемости этого уклада бытия в обществе (точнее, чем **больше** членов общества чаёт воплощения этого уклада и чем **сильнее** их чаяния, тем степень больше),

в-четвёртых, настоятельности внешних запускающих обстоятельств (точнее, чем **больше** внешних запускающих обстоятельств для обновления бытия общества, чем они **настоятельнее**, чем **шире** их осознание в обществе и чем внутренне **слаженнее** общество относительно этих обстоятельств, тем степень больше).

И поэтому величина побуждения данного общества фантропией чаемого уклада бытия к воплощению этого уклада бытия равна сумме четырёх указанных независимых величин в данный момент времени. Назовём эту сумму **побудительной мощностью фантропии чаемого уклада бытия в данный момент времени**.

Если мы хотим указывать только чаемый уклад бытия (феномен) без указания его мнимого образа (фантропии) в памятном мире общества и без указания побуждения общества этой фантропией, то согласно части 2 можно сказать, что общество относительно своего чаемого уклада бытия **обладает волей к воплощению этого чаемого уклада бытия (в своё бытие)**. И тогда вместо побудительной мощности фантропии чаемого уклада бытия можно говорить о **мощности (силе) этой воли**.

Библиографический список

1. Вилюнас В. Психология развития мотивации. Санкт-Петербург : Речь, 2006. 458 с.
2. Захаров В. К. Историко-памятное представление в психологии // Педагогика & Психология. Теория и практика. 2020. № 3 (29). С. 54-67.
3. Захаров В. К. Основы социоментологии // Методология современной психологии. 2020. Вып. 11. С. 36-46.
4. Захаров В. К. От усложнения мира и человека к симфократии // Историческая психология и социология истории. 2021. Т. 14. № 2. С. 140–158.
5. Захаров В. К. Философский подход к описанию предмета психологии // Педагогика & Психология. Теория и практика. 2021. № 6 (38). С. 59-66.
6. Захаров В. К. Геополитическая необходимость перехода от национальных проектов к интегральному проекту для России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Москва : ИНИОН РАН, 2022. Вып. 5. Часть 1. С. 106-125.
7. Захаров В. К. Номология. Мир и Россия. Кто виноват? и Что делать? Москва : Родина, 2022. 668 с.
8. Захаров В. К. «Человек психологический» в изменяющемся объединенном мире // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3 (126). С. 118-131.
9. Ильин Е. П. Психология воли. Санкт-Петербург : Питер, 2009. 368 с.
10. Логунова Л. Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 1. Ч. 2. С. 227-253.
11. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. Москва : Питер, 2012.
12. Семенов Ю. И. Философия истории. Москва : Современные тетради, 2003. 776 с.
13. Семенов Ю. И. Понятие власти и социальная воля // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. № 691. С. 91-99.
14. Черемошкина Л. В. Психология памяти. Москва : Аспект Пресс, 2009. 319 с.

15. Шадриков В. Д. Возвращение души: Теоретические основания и методология психологической науки. Москва : ИП РАН РАН, 2021.
16. Шевцов А. А. О воле и её психологии // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4 (59). С. 173-175.
17. Шляпников В. Н. Воля: потерянное звено современной зарубежной психологии // Экспериментальная психология. 2022. Том 15. № 1. С. 72–87.

Примечания.

¹ «Решение вопроса об унаследованной (инстинктивной) мотивации человека весьма затрудняет то обстоятельство, что он находится в области сильных вне научных влияний: со стороны идеологических систем, имеющих свои представления о том, каким должен быть человек, и со стороны самого человека, имеющего желание обладать определёнными качествами, причём обе стороны не заинтересованы в постижении того, каким человек является в действительности» (Вилюнас, 2006).

² Сознательный мир ребёнка начинает наполняться и создаваться из подсознательного мира ещё во время созревания плода в утробе матери и, по-видимому, особенно сильно наполняется в первые годы роста ребёнка. Одновременно после рождения ребёнка его сознательный мир наполняется и создаётся и из окружающей среды.

³ Мы исходим из представления, что основа смысла слова заключена в наборе его корневых согласных, а изменение корневых гласных только проясняет этот смысл, качественно его не изменяя.

⁴ Термин **мем** образован от латинского слова «*memoria*», переводящегося на русский язык словом «память».

УДК 159.9

В.А. Зобков

ИНТЕГРАЦИЯ ТЕЛЕСНОГО И ДУХОВНОГО В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Рассматривается интеграция триединства отношения человека к жизнедеятельности: отношение к себе, деятельности, другим людям. Показано, что каждый интеграционный период возрастного развития оказывает существенное влияние на физическо-духовное развитие. Определённый акцент сделан на то, что телесно-духовное развитие, начавшееся в дошкольном возрасте, характерной особенностью которого является активное формирование отношения к себе, осуществляется под влиянием интеграции переживаний эмоций радости, страха и гнева, достигая индивидуально-выраженного уровня в школьно-вузовский период возрастного и личностного развития (6-7 лет – 21-22 года). На этом возрастном этапе осуществляется активное становление отношения учащихся к деятельности, проявляющегося посредством интеграции ответственности, трудолюбия, творчества (креативность). Интеграция физического и духовного мира человека позволяет сформировать личность с активной жизненной позицией. Учитель ответственен за становление такой позиции учащихся.

Ключевые слова: жизнедеятельность, интеграция, отношение, учитель, телесно-духовное развитие.

INTEGRATION OF THE BODY AND SPIRITUAL IN HUMAN LIFE

Abstract. The integration of the trinity of a person's attitude to life is considered: attitude to oneself, activity, and other people. It is shown that each integration period of age development has a significant impact on physical and spiritual development. A certain emphasis is placed on the fact that the bodily and spiritual development that began at preschool age, a characteristic feature of which is the active formation of self-attitude, is carried out under the influence of the integration of emotions of joy, fear and anger, reaching an individually expressed level in the school-university period of age and personal development (6-7 years – 21-22 years) At this age stage, the active formation of students' attitude to activity is carried out, manifested through the integration of responsibility, diligence, creativity (creativity). The integration of the physical and spiritual world of a person allows you to form a personality with an active life position. The teacher is responsible for the formation of such a position of students.

Keywords: vital activity, integration, attitude, teacher, bodily and spiritual development.

Отношение человека к жизнедеятельности трактуется нами как внутренне-внешняя содержательно-динамическая активность/пассивность человека, проявляющаяся в триединстве отношений к себе, деятельности, другим людям, зарождающаяся в дошкольном детстве и имеющая проявление на всех последующих возрастных этапах жизни человека, оказывая существенное влияние на продуктивность жизнедеятельности.

Отношение человека к жизнедеятельности, представленное нами как триединство отношения к себе, деятельности, другим людям, в котором каждый компонент триединства занимает в определённые периоды возрастного развития доминирующую позицию (0-6-7 лет; 6-7 лет – 21-22; 21-22 – 60-65лет) следует рассматривать как интеграционные возрастные периоды, влияющие на процесс и итог жизнедеятельности.

На первом этапе возрастного развития (0 – 6-7 лет) наблюдается становление первоначальных непосредственных форм отношения к деятельности, другим людям, при доминирующем становлении отношения ребёнка к себе. На процесс формирования отношения к себе в дошкольном возрасте существенное влияние оказывают переживания ребёнком эмоций радости, страха и гнева.

Сущностное понимание эмоций, по высказыванию С. Л. Рубинштейна, состоит в том, что эмоция устанавливает связь между основными жизненными функциями организма и потребностями индивида, с одной стороны, и «ходом событий», «ходом деятельности» по удовлетворению потребностей – с другой (Рубинштейн, 1940, с. 386). Переживание эмоции соотносится с «формой выражения» эмоции (Рубинштейн, 1940, с. 5, 6), которые несут в себе отражение потребностного состояния.

Переживание малышом эмоций радости обеспечивает ему не только адекватное отношение к себе, но благоприятное физически-духовное развитие, обеспечивающее удовлетворённость от включения в различные виды деятельности дошкольного детства, от взаимодействия с другими людьми. Эмоция радости, переживаемая ребёнком, объективизируется в удовлетворении потребности ребёнка «быть на виду», формирует в нём позитивную телесно-духовную активность.

Доминирование в жизнедеятельности ребёнка переживаний эмоций страха и гнева действуют негативно на его физически-духовное развитие, снижают физически-духовную активность, формируя пассивные формы отношения к деятельности, другим людям. Преобладание эмоций страха или гнева в жизнедеятельности ребёнка замедляют его эмоционально-интеллектуальное и волевое развитие. Гармоничное развитие ребёнка обеспечивается тогда, когда он (если говорить о стопроцентной шкале переживаний) на две трети стопроцентной шкалы (67%) переживает эмоции радости, а другую часть эмоциональных переживаний занимают эмоции гнева и страха (в лучшем случае по 16,5%). При таком

сочетании эмоциональных переживаний ребёнок находится в единении с собой, природой, окружающими людьми и, в целом, переживает удовлетворённость от своего существования.

Отметим, что непосредственную гармоничную выраженность эмоциональных переживаний желательно сохранять и на последующих этапах возрастного и личностного развития человека, что будет благоприятно сказываться на жизнедеятельности человека.

На втором этапе возрастного развития (6-7 лет – 21-22 года) происходит активное формирование качеств/черт, свойств личности, оказывающих существенное влияние на становление и проявление отношения учащихся к деятельности (Зобков, 2012; Зобков, 2018; Зобков, 2020). На этом этапе важно, чтобы у учащихся сформировался идеальный образ учебной деятельности, в котором представлены учебная задача, учебные действия, действия контроля и регуляции, переходящие в самоконтроль и саморегуляцию, а также характерный для этого возраста идеальный образ отношения к себе и другим людям. Это и составляет содержание сознания и самосознания учащихся, определяющее их телесно-духовный мир. Итогом развитого сознания и самосознания является отношение к деятельности (Мазилов, 2003; Рубинштейн, 1940; Шадриков, 1996), в котором доминирующую позицию в структурной организации качеств/черт личности учащихся, должны занимать ответственность, трудолюбие, творчество (креативность). Именно эти три качества/черты выступают важнейшими показателями мотивационно-организационной сферы личности учащихся. обуславливающими эффективность и надёжность деятельности, в целом, её продуктивность.

Как показали исследования (Зобков, 2018; Зобков, 2019; Зобков, 2021), на данном этапе возрастного развития активно формируется и находит своё проявление в отношении к деятельности, себе, другим людям, самооценка. Она (самооценка) является ведущим личностным свойством учащихся, характеризующим идеальный образ отношения к себе, деятельности, другим людям и регулирующим опосредованно поведение и деятельность.

В учебную деятельность учащихся активно включаются действия оценки, сравнения, контроля, переживаний результативных эмоций, связанных с успехом и неудачей, что и выступает основой формирования самооценки и её объективных проявлений на эмоциональном, интеллектуальном и волевом уровнях. Уровень развития самооценки учащихся становится тем субъективно-объективным и непосредственно-опосредованным показателем, который определяет меру включённости их в учебно-познавательную деятельность, качество духовного развития, форму и содержание поведения.

Отношение к деятельности на активно-личностном этапе развития человека (6-7 лет – 21-22 года) можно определить, как динамическую характеристику личности, интегрирующую в себе специфику проявлений ответственности, трудолюбия, творчества, особенности самооценки, влияющие на продуктивность деятельности, отношение к другим людям, себе, на формы и содержание поведения.

Отношение к деятельности, формируемое на этапе активно-личностного развития и занимающее в структурной организации жизнедеятельности доминирующую позицию, не отождествляется с самооценкой, оно шире и включает в свою структуру наряду с самооценкой, мотивационно-организационные качества/черты, а также эмоционально-поведенческие проявления, интеллектуально-волевые механизмы действия и деятельности.

Желательно, чтобы самооценка учащихся соответствовала требованиям адекватности, где целеполагание, уверенность в реализации этапного целеполагания и достигнутый результат находились в единстве. Это должно находиться во внимании учителя, осуществляющим педагогический процесс. В идеальном образе отношения человека к себе, деятельности, другим людям находит отражение Дух человека.

Следует согласиться с Ш.А. Амонашвили, что Дух наш тускнеет и тускнеет. Добавим, что эта тусклость проявляется как на физическом, так и духовном (морально-нравственном) развитии молодых людей. Отсюда, вероятно, возникают главные беды нашего образовательного мира и все трагедии воспитания (Амонашвили, 2003 с. 3-4).

Шалва Александрович Амонашвили в своей небольшой, но богатой по содержанию книге «Почему не прожить нам жизнь героями духа», обращаясь к учителям, называет их героями Духа. Вероятно, называя учителей героями Духа, Ш.А. Амонашвили вкладывал в это понятие физически-духовную передачу от учителей своим воспитанникам героического Духа: физического и душевного.

Учитель, значит, во-первых, учить тело, чтобы растущий и развивающийся человек постоянно находился в развитии и совершенствовании физических качеств гибкости, ловкости, быстроты, выносливости, силы. Обращаясь к античным временам, можно говорить о том, что в эти древние времена именно на развитие и совершенствование физических качеств молодых людей уделялось государствами повышенное внимание. Во-вторых, посредством совершенствования телесной организации человека проходило формирование благородства, духовности, преданного служения на благо своего государства. Можно говорить о том, что посредством физического развития и совершенствования, формировался нравственно-духовный образ гражданина страны, образ Героя Отечества.

Физкультурно-спортивные занятия, особенно в подростково-юношеском возрасте, помогают молодому человеку приобрести уверенность в себе, сформировать качества/черты личности, к которым относятся трудолюбие, ответственность, настойчивость, самостоятельность, решительность, целеустремлённость.

Благодаря этим эмоционально-волевым и морально-нравственным качествам/чертам будет активно развиваться интеллектуальная и коммуникативная гибкость, творческое мышление, самомотивация. Будет формироваться телесно-духовный мир развивающегося человека.

С повышением возраста и возрастающими общественно-трудовыми обязанностями может произойти снижение отношения к физкультурно-спортивным занятиям. Однако следует помнить, что снижение физической активности быстро приводит не только к физической слабости, но и к слабости Духа, потускнению духовности. Тело поменять нельзя, его следует постоянно держать в жизненно-активном тоне.

Здесь уместно привести несколько строчек из стихотворения Н. Гумилёва.

Только змеи сбрасывают кожи,

Чтоб душа старела и росла.

Мы, увы со змеями не схожи,

Мы меняем души, не тела (Гумилёв, 2015, с. 282).

Не следует забывать о физической активности в любом возрасте, обращая особое внимание на физическое качество гибкость, суставную подвижность, координацию движений, выносливость. Они дают возможность быть физически и духовно активными в течение своей жизнедеятельности.

Учитель, по словам Амонашвили Ш.А., не должен погружаться в трясину земных забот и принимать детей за сосуды для хранения в них жидких знаний (Амонашвили, 2003, с. 4). Учитель обязан следить за своим физически-духовным состоянием и быть образцом для подражания для своих воспитанников. Подражание должно быть не пассивно-созерцательное, а побуждающе-преобразующим тело и душу детей, молодых людей.

Воспитание – по меткому выражению Сухомлинского Василия Александровича, питание в ось. Ось человека – это Я-отношение как содержательная характеристика личности человека, как «внутренние условия», «внутренняя позиция». Я-отношение, насыщенное общественно значимым содержанием, ответственностью, трудолюбием, творческим отношением к деятельности, другим людям, себе, позволяет человеку видеть перспективу своего развития, перспективу включения себя в общественное развитие. Такое содержание Я-отношения характеризует социально-адекватное отношение к жизнедеятельности, наполняет человека смыслом жизни, удовлетворённостью от своего существования. Человек с такой «внутренней позицией» смотрит в перспективу своего личностного и профессионального развития с уверенностью, проявляя ответственность, трудолюбие и творчество. Ось у такого человека ровная и прямая, не подвержена искривлениям, сутулости.

Чтобы человек чувствовал себя свободно и непринуждённо, не сутулился, а держал голову ровно, смотрел прямо, следует постоянно обращать внимание на тело, укреплять его (Ось тела) и совершенствовать душу как отражение Я-отношения. Внешнее (тело) и внутреннее (Я-отношение как душа) всегда взаимодействуют. Тело быстрее, как правило, реагирует на изменения внешней действительности, однако мы не всегда улавливаем сигналы, идущие от тела, или относимся к ним пренебрежительно. К телу, физическому развитию, следует относиться бережно, так же, как и к духовному развитию человека. Однако учителя, да и не только учителя, об этом забывают или считают физическое развитие второстепенным делом, на которое не следует тратить драгоценное время. Однако это драгоценное время будет тратиться потом, когда определённый физический недуг начнёт гнуть физическую Ось.

Посредством постоянных воздействий физических упражнений на мышцы, связки, сухожилия мы укрепляем тело, укрепляется физическая Ось. Когда человек смотрит прямо вперёд, то он видит не ноги и дорогу под ногами, а перспективу своего движения, которая позволяет рассуждать о жизненной перспективе, ставить перед собой этапные и перспективные ориентиры личностного и профессионального развития. Целеполагание – это смысловые ориентиры, направляющие человека на духовное развитие, в котором есть физически-духовное отношение к себе как индивиду, личности, к деятельности, другим людям. Реализованное целеполагание – это и есть переживание кратковременного счастья. Дети, учащаяся молодёжь, активно включаясь в физкультурно-спортивную деятельность, в художественную, музыкальную и другие виды общественно-полезной деятельности, реализуют этапные цели, цели сегодняшнего дня, цели ближайшего будущего, переживая одновременно счастье от физически-духовного развития. Главное, чтобы рядом был творческий наставник, который опирался бы на единство физического и нравственного воспитания. Педагогическую деятельность нельзя рассматривать односторонне, нагружая либо тело, либо только память и интеллект человека. Педагогическая деятельность учителя должна воздействовать на развивающуюся душу и тело молодого человека целостно, где находит проявление интеграционное единство телесного и духовного.

Библиографический список

1. Амонашвили Ш. А. Почему не прожить нам жизнь героями духа. Москва : Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2003. 64 с.
2. Гумилёв Н. Малое собрание сочинений. Санкт-Петербург : Азбука, 2015, 830 с.
3. Зобков А. В. Личностные особенности становления студентов как субъектов инновационной педагогической деятельности // Перспективы науки и образования. 2019. № 1 (37). С. 275-289.
4. Зобков В. А. Структурно-содержательные компетенции отношения человека к деятельности // Актуальные проблемы психологического знания. 2012. № 2 (23). С. 88-92.
5. Зобков В. А. Генезис отношения человека к себе. Владимир : Калейдоскоп, 2018. 172 с.
6. Зобков В. А. Методология личностного развития. Москва : Юрайт, 2020. 172 с.
7. Зобков В. А. Системно-структурный подход в воспитании позитивного отношения детей и учащейся молодёжи к жизнедеятельности // Вестник Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых. Педагогические и психологические науки. 2021. № 47 (66). С. 124-135.
8. Мазилев В. А. Методология психологической науки. Ярославль : МАПН, 2003. 198 с.
9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Москва : Учпедгиз, 1940. 596 с.
10. Шадриков В. Д. Психология деятельности и способностей человека. Москва : Логос, 1996. 320 с.

И.Н. Карицкий

ПСИХОЛОГИЯ В ПОИСКЕ СВОЕГО ЕДИНСТВА

Аннотация. Рассмотрена проблема интеграции психологии. Проанализированы существующие варианты решения проблемы, предложенные В.М. Аллахвердовым, И.Е. Гарбером, И.Н. Карицким, В.А. Мазиловым, В.А. Мединцевым, П.А. Мясоedom, В.Н. Панферовым, К. Уилбером, А.В. Юревичем. Выделены виды, принципы и критерии интеграции сферы психологии. Более подробно исследована методологическая интеграция психологии через: пирамидальную структуру методологий, генеральную классификацию методов, метаметодологическое пространство и интегральную теорию психологической практики. Изложена ситуация с естественной интеграцией психологии, осуществляемой в ходе ее исторического движения. Сделан вывод, что фактическая интеграция психологии была реализована в ряде отношений на каждом этапе ее исторического развития и осуществлена на данный момент, хотя в каких-то отношениях она является неполной и неудовлетворительной.

Ключевые слова: психология, интеграция, методология, история психологии, парадигмы психологии, системы интеграции, принципы интеграции, критерии интеграции.

I.N. Karitsky

PSYCHOLOGY IN SEARCH OF ITS UNITY

Abstract. The problem of integration of psychology is considered. The existing options for solving the problem proposed by V.M.Allakhverdov, I.E.Garber, I.N.Karitsky, V.A.Mazilov, V.A.Medintsev, P.A.Myasoed, V.N.Panferov, K.Wilber, A.V.Yurevich, The types, principles and criteria for the integration of the sphere of psychology are singled out. The methodological integration of psychology has been studied in more detail through: the pyramidal structure of methodologies, the general classification of methods, the metamethodological space and the integral theory of psychological practice. The situation with the natural integration of psychology, carried out in the course of its historical movement, is described. It is concluded that the actual integration of psychology has been realized in a number of respects at each stage of its historical development and has been carried out at the moment, although in some respects it is incomplete and unsatisfactory.

Keywords: psychology, integration, methodology, history of psychology, psychology paradigms, integration systems, integration principles, integration criteria.

Введение. Считается, что существует не одна психология, а целый ряд психологий, что обычно обозначается либо как направления психологии, либо ее основные парадигмы, хотя при желании можно выделить и более частные и менее известные парадигмы психологии. Внутри этих направлений (парадигм) психологии имеются школы, подшколы и другие ветвления психологического знания и практики. Это проблематизирует и актуализирует в психологии тему ее единства, которая, в основном, представлена или различными вариантами ее интеграции, или выбором одной «верной» психологии. Можно выделить различные более-менее формальные или содержательные способы интеграции психологии. Поскольку в любом формализме присутствует своя содержательность, постольку даже сугубо формальные пути интеграции психологии по своему содержательны, тем более, что даже номинальная интеграция опирается на предшествующую ей содержательность определенных исследовательских полей. Тем не менее, проблема интеграции психологии в ее практическом русле как непосредственная потребность этой науки сохраняет свою текущую актуальность, особенно

в аспекте множественной дифференциации современных направлений исследований в психологии, их зачастую радикального удаленности друг от друга, в том числе в плане философских, теоретических и методологических оснований. И эта дифференциация исследований для сохранения целостности науки должна дополняться перманентной ее интеграцией, что и позволяет сохранять единство психологической науки. Буквально, каждый шаг дифференциации психологии необходимым образом сопровождается рефлексией отнесения новых областей исследований к общему пространству психологии, выстраиванию связей с ним. В противном случае, без этого интеграционного процесса психология будет распадаться на новые науки, которые будут искать пути определения своего самостоятельного статуса, хотя даже внутри психологии ее отдельные дисциплины, как и исследователи, претендуют на свою относительную автономность и даже полную автокефалию, в том числе ограничиваясь сугубо собственной исследовательской областью. Соответственно, становятся важны те непосредственные принципы и критерии интеграции психологии, на основе которых она может быть статифицирована в своей полноте и целостности.

Проблема интеграции психологии: варианты решения. Многие психологи-методологи обращались к вопросу интеграции психологии и предлагали свои пути решения этой проблемы. В.А.Мазиллов одним из способов интеграции психологии видит особый вид методологии – коммуникативную методологию психологии. Создание В.А.Мазилловым коммуникативной методологии обусловлено осознанием психологами проблемы острой разобщенности психологии на уровне направлений, школ, подшкол психологии и даже отдельных подходов и направлений исследований. Автор пишет «Смысл коммуникативной составляющей методологии – в соотношении... теорий разного уровня и разных методологических ориентаций и подходов... Цель коммуникативной методологии состоит в разработке теоретической модели, обеспечивающей соотношение психологических концепций и осуществление на этой основе интеграции психологического знания... Теоретическую основу коммуникативной методологии составляет концепция соотношения теории и метода в психологии...» Фундамент концепции коммуникативной методологии психологии составляют следующие положения: 1) предмет психологии является сложным и многоуровневым, 2) необходимо выявление «подлинного и мнимого спектра значений» психологических терминов, 3) схема соотношения разных психологических теорий «должна представлять собой инвариант, характеризующий любую психологическую концепцию», эта проблема решается на пути «соотношения теории и метода» (Мазиллов, 2016, с.183, 186-187). Теория коммуникативной методологии В.А.Мазилова вносит важнейший вклад в реальную интеграцию психологического знания, поскольку наводит мосты между отдельными психологиями и многообразием трактовок психологических понятий. В совокупности своих работ В.А.Мазиллов решает ряд других вопросов интеграции психологии (Мазиллов, 2007; 2022; Мазиллов, Слепко, 2017; Слепко, Мазиллов, 2018).

А.В.Юревич обнаруживает в структуре современного психологического знания три фундаментальных разрыва: горизонтальный – между основными психологическими империями (бихевиоризмом, когнитивизмом, психоанализом и др.), вертикальный – «между различными уровнями объяснения психического (внутрипсихическим (феноменологическим), физиологическим (физическим), социальным и др.)» и диагональный – «между исследовательской (академической) и практической психологией» (Юревич, 2005, с.381-382). И, соответственно, предлагает три вида интеграции психологии. Горизонтальная интеграция психологии, согласно автору, является естественным процессом, поскольку реализуется большинством современных психологов непосредственно в их исследованиях. Говоря о диагональном разрыве, А.В.Юревич отмечает, что в последнее время он значительно уменьшился, поскольку наблюдается встречное движение академической и практической психологии, что ведет к их интеграции. Вертикальная интеграция психологии («объединение различных уровней проявления и детерминации психического») представляется автору наиболее сложной, но осуществимой, в частности, через «идею параллельной детерминации психического» (Юревич, 2005, с.382-395).

В.Н.Панферов с коллегами в качестве основной методологии интеграции психологии предлагает «методологию интегрального синтеза», а главным методологическим подходом рассматривает «принцип целостности». Как отмечают исследователи, «методология интегрального синтеза... опирается на интегративную модель психической организации человека», разработанную В.Н.Панферовым на основе изучения и синтеза шести основных парадигм психологии (Панферов, Безгодова, 2015; Панферов, Микляева, 2016). И.Е.Гарбер отмечает, что в психологии одновременно протекают два процесса: дифференциации и интеграции. «Одним из инструментов интеграции психологии является метаподход, психологический анализ второго порядка, когда психологическими средствами изучается развитие психологии...» Согласно автору, основными инструментами метаподхода, применяемыми для интеграции психологии являются: транспективный анализ (В.Е.Ключко), метатранзитивная методология (В.Ф.Турчин, И.Е.Гарбер), клиометрический подход (Р.Е.Meehl), рациональная реконструкция истории науки (И.Лакатос), категориальный анализ (А.В.Петровский, М.Г.Ярошевский), систематология (К.В.Madsen), интегративный пропозициональный анализ (S.E.Wallis), древовидная система знаний (G.Henriques). И только синтез этих теорий способен «в совокупности осуществить интеграцию психологии» (Гарбер, 2020).

В.М.Аллахвердов в ряде своих книг развивает теорию психологии, в которой психика рассматривается как логическая система и в которой автор делает попытку «объединить разрозненные психологические знания в единую теорию, сконструированную в соответствии с достаточно жесткими методологическими требованиями к естественным наукам». Психология рассматривает все психические процессы как проявление универсальных законов работы сознания (Аллахвердов, 2000, с.13, 254). В.А.Мединцев исходит из того, что одним из путей интеграции психологии является создание ее универсальной трансдисциплинарной структуры, которая была бы построена в соответствии со структурой психики (Мединцев, 2019, с.56-58). По мнению П.А.Мясоеда, как и многих других исследователей, интеграция психологии осуществима на основе принципа монистического объяснения сущности психического (Мясоед, 2020, с.70-75).

Согласно К.Уилберу, одному из создателей интегральной психологии в западной научной мысли, для интегральной теории неприемлем никакой редукционизм, необходимо учитывать все направления психологической мысли и не только западной, но и восточной, не только исследовательской, но и прикладной (Уилбер, 2004). Идеям К.Уилбера, в частности, предшествовали работы И.Сена (Sen, 1986), ученика Ауробиндо, и самого Ауробиндо, основателя интегральной йоги, целью которой является освобождение человеческого сознания от иллюзии и трансформация природы человека (Ауробиндо, 2019).

Методологическая интеграция психологии. Мы уже рассматривали возможности интеграции в психологии в нескольких отношениях. Во-первых, осуществима и частично реализована в ряде исследований методологическая интеграция психологии через пирамидальную одиннадцатилурневую систему методологических принципов от плана всеобщей методологии до плана техник и методик исследования, которые в случае фокусирования на исследовательскую психологию представлены следующей иерархией методологий: всех видов познания, философская, общенаучная, комплексов наук, конкретных наук (в частности, психологии), основных парадигм психологии, отраслей психологии, общих теорий отрасли психологии, специальных теорий и исследований, узких и единичных теорий и исследований, техник и методик конкретных исследований. Для практической психологии картина схожая, хотя в некоторых отношениях другая. Методологии более общие в том или ином виде (явном, полужавном, снятом) присутствуют в более частных уровнях методологии. Следовательно, методологическая интеграция психологии осуществляется через экспликацию, развертывание и конкретизацию методологических принципов в единой уровневой системе. Вместе с такой интеграцией осуществляется также эпистемологическая интеграция теорий от всеобщих до единичных (Карицкий, 2022, с.20-22).

Во-вторых, методологическая интеграция психологии осуществляется через всеобщую, генеральную классификацию методов психологии. Эта классификация является многомерной: математически ее можно представить как многомерную матрицу. Основные критерии-измерения данной классификации: методы основных парадигм психологии, оппозиция методов исследовательских и практических, оппозиция методов эмпирических и теоретических, оппозиция методов качественных и количественных, оппозиция методов конструктивных и деструктивных, и т.д. Элементы матрицы представляют конкретные методы психологии в их основных характеристиках. Генеральная классификация методов психологии связывает все ее методы в единую систему и определяет их методологический статус в этой системе (Карицкий, 2022, с.22).

В-третьих, еще один вариант методологической интеграции психологии представлен нами в работе «Специфический и всеобщий метод психологии». Там в качестве метода интеграции психологического знания рассматривается «построение метаметодологического пространства частных методологических позиций», под которыми понимаются отдельные направления (парадигмы) психологии: физиологическая психология, необихевиоризм, когнитивизм, психоанализ, гуманистическая и трансперсональная психология. Метаметодологическое пространство фиксирует тот ракурс, с которой каждая парадигма психологии фиксирует свой предмет – психическое – ее онтологию, а интеграция отдельных психологий происходит в рамках этого пространства как соотношение их между собой (Карицкий, 2005, с.126-131).

В-четвертых, реализована интеграция практической сферы психологии через создание интегральной теории психологической практики путем выделения общей всем психологическим практикам структуры, которая, с одной стороны, соотносится с любой психологической практикой, с другой, определяет место каждой практики в единой системе в соответствии с рядом критериев. Общая структура психопрактик представляет собой многомерную систему, основными измерениями которой являются: базисное, аспектное, динамическое, индивидуальное, эссенциальное, глубинное, функциональное, санкционное и статусное. Человек является, прежде всего, существом практическим, а только потом познающим и теоретизирующим. Практика первичнее познания и важнее его, она фундамент человеческого существования, а познание вторично по отношению к ней. Исходно познание обеспечивает практическую деятельность людей и истинное познание делает ее успешной, а теории являются обобщением результатов эмпирического познания. В этом смысле, познание, психологическая наука, теории соотносены с психологической практикой, вложены в нее, что также отражено в интегральной теории психологической практики как спектр ее концептуальных, реляционных, методологических и феноменальных оснований. В силу этого, интегральная теория психологической практики осуществляет не только интеграцию психологии в практической сфере, но и интеграцию психологии в целом, но не обычным путем сугубо в сфере психологической науки, а, скорее, двигаясь от существенных проявлений самого человека в качестве живого, действующего, практического существа, реализующего цели своей жизни. И это более адекватное соотношение науки и практики, если иметь ввиду их исторический генезис (Карицкий, 2017а; 2017б; 2020).

Базисное (или вертикальное) измерение психологической практики представлено системой ее оснований: мотивационных, концептуальных, реляционных, методологических, практических, орудийных, действенных и феноменальных. Аспектное (или горизонтальное) измерение представлено системой выполняемых психопрактических задач, важнейшие из них: саморегуляционные, развивающие, консультационные, терапевтические, профилактические, тренинговые, обучающие, диагностические, коммуникационные, компенсационные, контекстуальные, психосоматические, игровые, телесные, дифференцирующие, интеграционные, просоциальные, энергетические, поддерживающие, исследовательские, духовные, жизнеобучающие, концептуализирующие, коррекционные, и другие. Динамическое (или временное) измерение, прежде всего, состоит из трех видов динамики: процессуальной, личност-

ной и групповой, каждая из которых может быть классифицирована как позитивная, негативная, амбивалентная или запутанная. Индивидуальное измерение – это стиль ведения практики, обусловленный личными особенностями ведущего практику, в частности, типом его личности. Это измерение представляет собой шкалу наименований. Эссенциальное измерение – это дихотомическая шкала с двумя значениями, обусловленными отношением метода психопрактики к сущности человека: ее актуализация в интересах человека или манипуляция в интересах другого. Глубинное измерение отражает то, насколько глубокие психические структуры личности участвуют в психопрактическом процессе. Функциональное измерение показывает степень соответствия конкретной психопрактики конкретному человеку (его организму, психофизиологической организации, эмоциональной конституции, интеллектуальному своеобразию, духовному статусу, социальным отношениям) или социальной группе (в ряде отношений). Санкционное измерение выражает степень конгруэнтности психопрактики и социальных норм. В статусном измерении фиксируется психологический статус личности (или группы) в плане степени функциональности / дисфункциональности механизмов психики личности (или группового взаимодействия), что, в частности, определяет спектр корректных практик для использования в конкретном случае (Жарицкий, 2017а; 2017б; 2020).

Принципы интеграции психологии и их критика. Интеграция психологии может быть фундирована различными принципами. В частности, ее интеграция может быть реализована на основе принципов номинальности, онтологии, феноменологии, эпистемологии, праксиологии, методологии, логики, истории, аксиологии, этики, эстетики, прагматики, педагогики, предметности, других принципов или их комплексов. Принцип номинальности означает, что интеграция психологии осуществляется в соответствии с наименованиями предметных областей и степени их взаимного сходства, т.е. к психологии относятся и связываются с ней все предметные области, в которых присутствует слово «психология» или ранее отнесенные к ней термины. Эта интеграция совершенно формальная, а в силу того, что слова (как и слово «психология») многозначны, она имеет значительные недостатки. Поэтому она может быть использована либо на начальных этапах интеграции психологии, либо как вспомогательный принцип интеграции.

Принцип онтологии, приложенный к интеграции психологии, означает, что в ее основе лежит исследование бытия психического в его наиболее общих формах, структурах, свойствах, закономерностях и, соответственно, отражающих их категориях. Проблема такой интеграции состоит в том, что она должна опираться на определенную теорию психического, т.е. она может быть проведена с позиций определенных парадигм психологии (бихевиоризма, психоанализа, психологии сознания, функциональной психологии, деятельностной, когнитивной, гуманистической, трансперсональной и т.д.), быть в рамках этих парадигм вполне удовлетворительной, но для осуществления метаинтеграции на основе нескольких парадигм психологии ей должна предшествовать онтология, общая для всех этих парадигм. Другими словами, на актуальном этапе существования психологии она не реализуема без проведения соответствующей теоретической работы, в том числе с использованием коммуникативной методологии В.А.Мазилова (Мазилов, 2016). А предложение признать только одну парадигму психологии истинной, а другие отсечь, является контрпродуктивным.

Принцип феноменологии также приводит к ряду затруднений. Прежде всего, потому, что наблюдаемые психические явления определяются и описываются некоторым образом в силу того, что их восприятие и интерпретация производится не каким-то объективным образом, очищенным сознанием, а на основе привычных представлений, по большей части слабо осознаваемых, как бы исследователь не выносил за скобки свои знания, и разные исследователи определяют и опишут эти явления по-разному, особенно если они принадлежат разным исследовательским традициям и, тем более, культурам. В конце концов, свести в единую систему всю многочисленную совокупность феноменологических дескрипций весьма затруднительно в силу их объема, но и это сведение будет основываться на каких-то классификациях, и даже если по видимости они имеют сугубо эмпирическое происхождение, они не могут быть чистой феноменологией.

Принцип эпистемологии при интеграции психологии опирается на систему познавательных процедур, которые тесно связаны с используемыми методами. В современной психологии принято считать, что существуют два основных уровня познания: эмпирический и теоретический. Для эмпирического познания в психологии характерно использование следующих общих методов, не вдаваясь в особенности их разновидностей: наблюдение, эксперимент, опрос, анкета и тест. Хотя все они при использовании в психологии содержат значительную долю субъективности, существуют процедуры, которыми исследователи стремятся повысить объективность данных методов. В теоретической психологии используются общенаучные теоретические методы. При использовании принципа эпистемологии в целях интеграции психологии можно идти по пути, собственно, познавательных процедур, в частности, используемых методов. И такой подход нами реализован в генеральной классификации методов психологии (см. выше и в (Карицкий, 2022)). Другой путь состоит в интеграции на уровне результатов психологического познания, которые, собственно, и образуют современную систему научного психологического знания. Тогда эта интеграция пересекается с интеграцией на основе принципа онтологии (см. выше). Надо также отметить, что большинство психологов-методологов под интеграцией психологии понимают именно такой подход. Особняком стоят методы психологического познания, связанные с систематическим самонаблюдением на основе специально разработанных процедур, и методы познания в восточных практиках саморазвития, которые, с одной стороны, опираются на техники созерцания и медитации, с другой, на особые приемы формирования психических инструментов для определенных целей, с третьей, связаны с пробуждением потенциальных сил человека. Полностью игнорировать эти области психологического познания нельзя, тем более, что наблюдается их активное проникновение в научную психологию.

Принцип прапсиологии реализован нами в интегральной теории психологической практики (см. выше и (Карицкий, 2017а; 2017б; 2020)). Принцип прапсиологии означает, что единство психологии рассматривается с точки зрения ее практики, точнее: всего множества и разнообразия ее практического самоосуществления. А в нашем случае, за основу ее интеграционного единства взята общая теория психологической практики, которая эксплицирует ее сущностное содержание через структурное тождество всех практик вне зависимости от психологических парадигм, направлений, школ, подшкол и отдельных теорий, методологий, целей и задач, необходимых компетенций и других психопрактических элементов. Прапсиологическая интеграция психологии осуществлена в многомерном пространстве ее базисных конститутивных измерений.

Принцип истории акцентирует внимание на реальной истории психологии. В силу многообразия и вариативности факторов реального развертывания истории путь психологии мог быть существенно отличен от пройденного фактически. На каждом этапе этого реального пути в той или иной форме и степени осуществлялась интеграция психологии, необязательно как отрефлексируемая интенция, хотя тенденциям интеграции всегда по факту оппонировали разнонаправленные векторы дифференциации. Оба движения – к единству психологии и к ее разнообразию и множеству – исторически сменяли друг друга и имели разный уровень выраженности, но важно, что единство психологии в явной или неявной форме всегда существовало. Надо отметить, что здесь мы говорим об истории психологии не только за последние 150 лет как истории научной психологии, а за весь исторически обозримый период ее развития, и не только от древних греков, а, скорее, начиная с Древней Индии, хотя некоторые отрезки этой истории совершенно не представлены в научном освещении. Тем не менее, древняя история психологии крайне важна, поскольку исходные и значимые понятия, категории и методы психологии были сформированы в ней и продолжают составлять часть базиса психологии, т.е. эта древняя психологии продолжает существовать в современной. В то же время понятно, что эти древнего происхождения понятия, категории и методы психологии в своем генезисе детерминированы ее феноменологией, поэтому они и сохраняют свое значение до настоящего времени. В конечном счете, принцип истории означает, что интеграция психологии осуществляется как поиск и осуществление единства в действительном пространстве психологии, сложившемся

исторически. Оно всегда в каких-то отношениях остается неполным, возможно, в нем не представлены и не исследованы важнейшие механизмы функционирования психики, но актуальная интеграция психологии происходит здесь и сейчас в работе с наличным ее содержанием. Принцип истории также фиксирует момент актуальной неполноты психологии.

Принцип логики присутствует во всех системах интеграции психологии, и поскольку эта интеграция осуществляется на основе не только формальной, но и содержательной логики, то, конечно, системы интеграции различны. Принцип аксиологии ставит в основу интеграции психологии определенные ценности, иногда теоретические, иногда прикладные, например: центральной категорией, вокруг которой происходит интеграция могут выступить категории: сознание, психика, личность, поведение, деятельность, бессознательное, познавательный процесс, целостность человека, смысл, психическое воздействие, но также и система двух-трех или более равнозначных категорий в их единстве (как пример: «бессознательное-сознание-сверхсознательное» или «сознание-личность-деятельность») и т.п. Принципы этики, эстетики, прагматики, педагогики и ряд других, если и не являются основополагающими для интеграции психологии, но все же могут присутствовать внутри интеграции как один из ее критериев. Например, интеграция может учитывать моральные нормы, симметрию, красивые числа (3, 7, 12), пригодность для определенных целей, возможностей обучения и т.п.

Отрасли психологии представляют собой приложение общих понятий психологии к специальным предметным областям, сужение их содержания или рассмотрение психологии в специфическом ключе. Сегодня насчитывается более сотни отраслей психологии. Назовем, хотя бы некоторые отрасли: психология личности, история психологии, нейропсихология, патопсихология, возрастная, дифференциальная, социальная, сравнительная, зоопсихология, психофизиология, психофармакология, психосоматика, психогенетика, психолингвистика, психометрия, историческая психология, педагогическая, медицинская, специальная, юридическая, политическая, психология труда, организационная психология, психология здоровья, семьи, религии, искусства, военная, спорта и т.д. Хотя отрасли психологии сложились в результате развития психологии и ее естественной дифференциации, обратный процесс интеграции психологии осуществляется от этих предметных областей к общей психологии. То есть в основе такой интеграции лежит принцип предметности. В то же время, принцип предметности распространяется на интеграцию более частных областей психологии внутри ее отраслей, а также на сведение к более общим категориям понятий самой общей психологии, вплоть до всеобщей категории психологии, обозначаемой как «психическое», которое является, с одной стороны наиболее абстрактным предметом психологии, с другой, ее онтологической сущностью (см. выше и (Карицкий, 2006)).

Интеграция психологии по большей части осуществляется в явном или неявном виде на основе комплекса принципов. Принципом первого уровня обычно является один из этих принципов: онтологии, эпистемологии или праксиологии. Всегда интеграция опирается на принципы предметности, феноменологии и логики. А внутри системы в качестве более частных принципов могут использоваться другие принципы: номинальности, истории, аксиологии, этики, эстетики, прагматики, педагогики и т.д.

Естественная интеграция психологии. Принцип истории также лежит в основе естественной интеграции психологии. Психология интегрирована естественным образом в своем историческом становлении и развитии, поскольку не название науки предшествует предметному полю ее исследований, а совокупность имеющихся исследований определенного содержательного рода образует характерное эмпирическое пространство, подводимое под общее понятие «душевные (психические) явления». Конечно, современное название науки – психология – позднего происхождения: Р.Гоклениус впервые употребил его в 1590 г. (Гоклениус, 2018). Но в разные периоды истории существовали термины, обозначающие круг психических явлений: в основном, душа и душевные явления. Например, трактат Аристотеля «О душе» (Аристотель).

Естественная интеграция психологии является, прежде всего, имплицитной: объективированной в совокупности представлений и исследований, которые следуют общему пони-

манию феноменологии, относимой к кругу психологии. Требуется специальная аналитическая работа, чтобы выявить основание этой интеграции. Но время от времени история психологии открывает возможности для изучения эксплицированной интеграции, которая манифестирована в том или ином тексте или их совокупности. Первой эксплицитной интегральной системой психологии можно считать веданту, хотя в ней нет строгого разделения философии, теологии и психологии, в то же время, она представляет собой целостный и практический подход к самопознанию человека и, главным образом, его духовной природы (Сухотра Свами, 2019). Аристотель в трактате «О душе» представляет интегрированное знание своей эпохи о психических явлениях (Аристотель, 2021). Еще один вариант интегральной психологии, правда, с позиций абсолютного идеализма представлен в «Феноменологии духа» Г.В.Ф.Гегеля (Гегель, 2021). Ассоциативная психология осуществляет объединение предметного поля психологии, выделяя в качестве главного механизма работы сознания ассоциации (Ждан, 2005). В первой половине XX века Ауробиндо на основе традиционных учений и практик индуизма создает «интегральную веданту», другое название – «интегральная йога». Как и в классической веданте в ней философия, теология и психология едины, а основная интенция системы направлена не только на практику освобождения сознания, восприятие обычно бессознательных планов, но и преобразование природы человека (Ауробиндо, 2019).

Конец XIX – XX век дали целый ряд направлений психологии, прежде всего, в русле научной психологии. В физиологической психологии узлом интеграции выступают – процессы порождения психики физиологической деятельностью; в психоанализе – система трех категорий: бессознательное, сознание, сверхсознательное; в психологии сознания, несмотря на разнородность исследовательских подходов, – сознание; в функциональной психологии – приспособляемость; в структурализме – непосредственный осознаваемый опыт субъекта; в бихевиоризме – поведение; в гештальтпсихологии – целостные образы восприятия; в культурно-исторической психологии – культурная обусловленность содержания психики (хотя ряд исследователей полагают, что этот проект не был реализован как интегративный); в деятельностной психологии – деятельность, сознание, личность; в гуманистической – личность как ценность; в когнитивной – процессы переработки информации; в религиозных системах психологии – духовный опыт; в трансперсональной – надличностные переживания; в нейробиологической психологии – процесс порождения сознания «нейронами сознания» и т.п. Во всех случаях естественной интеграции психологии, помимо имплицитного использования принципов феноменологии, онтологии, эпистемологии, логики и предметности, активно применяется принцип конструирования предмета психологии: создание миров психологии (Ждан, 2005; Карицкий, 2006; 2018; Мазиллов, 2007).

Критерии интеграции психологии. Рассматривая определенную систему интеграции психологии следует остановиться еще на двух моментах: это критерии интеграции и степень связности интегрированной системы. Критерий интеграции указывает, в каком отношении элементы системы имеют общее основание для их объединения. Система обычно связана в нескольких отношениях, т.е. имеет несколько критериев интегрированности. Часть критериев интеграции соотносятся с принципами интеграции, рассмотренными ранее. Критериями интеграции психологии в единую систему являются: номинальный, феноменальный, онтологический, предметный, классификационный, каузальный, эмпирический, эмпирико-теоретический, теоретический, иерархический, праксиологический и др.

Номинальный критерий не самый существенный, он указывает на терминологическое единство элементов системы, т.е. на тождество и сходство их наименований. Без других критериев он не имеет значения, но может выступать исходным моментом интеграции. Феноменальный, онтологический и предметный критерий, собственно говоря, совпадают, поскольку относят ряд явлений определенного рода к одной онтологической (предметной) области, например, психические явления, или процессы восприятия, или эмоциональные реакции и т.п. Классификационный критерий координирован с предметным, он позволяет дифференцировать (за счет конкретизации понятий) или интегрировать (за счет их обобщения) предметное пространство психологии. Каузальный критерий указывает на то, что в совокупности

элементов системы, представляющих собой конкретные психические явления, присутствуют одни и те же или схожие законы, закономерности или регулярности, например, законы Вебера-Фехнера, Эббингауза, незавершенного гештальта, инварианте восприятия, времени ассоциативной реакции, суммативности познавательного процесса, параллелограмма развития, последствий позитивного выбора и т.п. Эмпирический критерий связывает психологические знания в системы того или иного уровня на уровне эмпирических исследований. Эмпирико-теоретический – осуществляет переход от эмпирического знания к теоретическому и обратно. Теоретический – на разных уровнях теоретических обобщений и формулирования теорий. Иерархический критерий эксплицирует систему психологии как интегрированную сверху вниз (или наоборот). Праксиологический критерий связывает психологическую науку с психологической практикой: только в этом случае интеграция психологии может быть относительно завершенной. При построении единой системы психологии ряд критериев ее интеграции могут быть обозначены в явном виде, другие могут присутствовать латентно. Количество критериев интеграции психологии в единую систему указывает на степень ее связности. Если их небольшое число, то система имеет низкий уровень связности. Если их достаточно много, то система хорошо связана и интегрирована.

Заключение. Таким образом, была рассмотрена проблема интеграции психологии, различные варианты и пути поиска ее единства. Были исследованы принципы и критерии осуществления интеграции. Среди принципов выделены следующие: номинальности, онтологии, феноменологии, эпистемологии, праксиологии, методологии, логики, истории, аксиологии, этики, эстетики, прагматики, педагогики, предметности, а также комплексы принципов. Более подробно исследована естественная интеграция психологии. Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что хотя проблема интеграции психологии представляет постоянный теоретический и методологический интерес, тем не менее, фактическая интеграция психологии уже была реализована в ряде отношений на каждом этапе ее исторического развития и осуществлена на данный момент. Другое дело, что она в каких-то отношениях остается неполной, недостаточной, содержит противоречия, не соответствует требованиям отдельных направлений, школ, парадигм или исследователей. Но это исторически конкретная интеграция психологии, находящейся в постоянном движении и развитии, и в силу этого она содержит естественные недостатки, обусловленные ее ростом.

Библиографический список

1. Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс (Экспериментальная психологика, т.1). Санкт-Петербург : ДНК, 2000.
2. Аристотель. О душе. Москва : АСТ, 2021.
3. Ауробиндо. Интегральная йога. Москва : Профит-Стайл, 2019.
4. Гарбер И. Е. Мета-инструменты интеграции психологии // Педагогика и психология современного образования: теория и практика. Материалы научно-практической конференции «Чтения Ушинского». Ч. 2. Ярославль : ЯГПУ, 2020. С. 233-238.
5. Гегель. Феноменология духа. Москва : АСТ, 2021.
6. Гоклениус Р. ПСИХОЛОГИЯ: то есть о совершенстве человека, о духе и, в первую очередь, о возникновении его в рассуждениях и спорах некоторых богословов и философов нашего века... // Методология и история психологии. 2018. Вып. 2. С. 143-149.
7. Ждан А. Н. История психологии: от античности до наших дней. Москва : Академический Проект, 2005.
8. Карицкий И. Н. Специфический и всеобщий метод психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т.3: Метод психологии / под ред. В.В.Новикова, И.Н.Карицкого, В.В.Козлова, В.А.Мазилова. Ярославль : МАПН, 2005. С.111-135.
9. Карицкий И. Н. Экспликация предмета психологии // Методология и история психологии. 2006. Вып. 1. С. 105-118.

10. Карицкий И. Н. Базовая структура психологической практики // Перспективы психологической науки и практики: сборник статей Междунар. научно-практической конференции / под ред. В.С.Белгородского и др. Москва : РГУ им. А.Н.Косыгина, 2017а. С.62-67.
11. Карицкий И. Н. Интегральная модель психологической практики // Интегративный подход к познанию психологии человека / В. Н. Панферов, В. В. Знаков, Е. Ю. Коржова и др. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2017б. С. 107-121.
12. Карицкий И. Н. Конструирование миров // Методология и история психологии. 2018. Вып. 1. С. 5-14.
13. Карицкий И. Н. Психологическая практика как интегральное единство ее оснований // Интеграция в психологии: теория, методология, практика. Материалы III национальной научно-практической конференции с международным участием / под науч. ред. В.А. Мазилова. Ярославль : ЯГПУ, 2020. С. 98-103.
14. Карицкий И. Н. Методологическая интеграция психологии // Интеграция в психологии: теория, методология, практика. Сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под науч. ред. В.А.Мазилова. Ярославль : ЯГПУ, 2022. С. 18-23.
15. Мазиллов В.А. Интеграция научного знания в психологии: пути и возможности // Психологические исследования личности и ее ценностного мира в современном российском обществе. Казань : Казанский государственный технологический университет, 2007. С. 7-32.
16. Мазиллов В. А. Коммуникативная методология и интеграция психологического знания // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. С. 181-191.
17. Мазиллов В. А. Интеграция в психологии: актуальные проблемы и новые перспективы // Интеграция в психологии: теория, методология, практика. Сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под науч. ред. В.А. Мазилова. Ярославль : ЯГПУ, 2022. С. 51-64.
18. Мазиллов В. А., Слепко Ю. Н. Интеграция в психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2017. № 1. С.67-75.
19. Мединцев В. А. Перспективы интеграции: транснаучная дисциплинарная структура психологии // Взаимодействие академической и практико-ориентированной психологии в сфере образования. Мат-лы II национальной научно-практической конференции с международным участием / под науч. ред. В.А.Мазилова. Ярославль : ЯГПУ, 2019. С. 56-58.
20. Мясоед П. А. К содержательному определению понятия «интеграция психологии» // Интеграция в психологии: теория, методология, практика. Материалы III национальной научно-практической конференции с международным участием / под науч. ред. В.А. Мазилова. Ярославль : ЯГПУ, 2020. С. 70-75.
21. Панферов В. Н. Методология интегрального синтеза в психологической науке / В. Н. Панферов, С. А. Безгодова // Психологический журнал. 2015. № 1. С. 20-33.
22. Панферов В. Н. Принцип целостности в интеграции психологического знания / В. Н. Панферов, А. В. Микляева // Психологический журнал. 2019. № 2. С. 5-14.
23. Слепко Ю. Н. Особенности современной интеграции психологического знания и психологического сообщества / Ю. Н. Слепко, В. А. Мазиллов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. № 5. С. 127-142.
24. Сухотра Свами. Психология веданты. Древнеиндийская наука об уме. Москва : Философская книга, 2019.
25. Уилбер К. Интегральная психология: сознание, дух, психология, терапия. Москва : АСТ, 2004.
26. Юревич А. В. Методы интеграции психологического знания // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль : МАПН, 2005. С. 377-397.
27. Sen I. Integral Psychology: The Psychological System of Sri Aurobindo. Pondicherry, India: Sri Aurobindo Ashram Trust, 1986.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. В статье дается характеристика прикладных аспектов интеграции в теории и практике современной психологии. Работа выполнена в русле интегративной парадигмы психологии. В статье указывается на важность реализации возможности свободного выбора парадигмы или их сочетания, исследовательского инструментария и практического метода в соответствии с корпоративной или индивидуальной задачей психолога.

Ключевые слова: парадигма, интеграция, теория, практика, метод, интегративная, сознание, исследование.

V.V. Kozlov

APPLIED ASPECTS OF INTEGRATION IN PSYCHOLOGY

Abstract. The article describes the applied aspects of integration in the theory and practice of modern psychology. The work is carried out in line with the integrative paradigm of psychology. The article points out the importance of realizing the possibility of freely choosing a paradigm or a combination of them, research tools and a practical method in accordance with the corporate or individual task of a psychologist.

Keywords: paradigm, integration, theory, practice, method, integrative, consciousness, research.

В силу высокой актуальности прикладных аспектов интеграции в теории и практике современной психологии мы уделяли и уделяем этой проблеме достаточно много внимания в своих исследованиях (Козлов, 1998; Козлов, 2005; Козлов, 2014; Козлов, 2021; Козлов, 2022; Козлов, 2023).

Интегративный подход в качестве научной парадигмы нами разрабатывается с начала 90-ых годов прошлого столетия (Козлов, 2007). Сама идея оказалась весьма плодотворной и породила множество научных и прикладных направлений: интегративная философия, интегративная социология, интегративная педагогика, интегративная психотерапия, интегративная медицина, интегративная арт-терапия, интегративная танцевально-двигательная терапия и т.д. Появились множество теорий, которые начали рассматривать саму науку как интегративную дисциплину. Появилось множество учёных, которые оценивали в методологическом отношении политологию, социологию, культурологию, социальную педагогику, антропологию, валеологию как интегративные науки.

33 года назад мы предложили прикладное направление психологии, заявившее интеграцию как системообразующую категорию - интенсивные интегративные психотехнологии (Козлов, 1998). Таким образом, мы инициировали прикладные аспекты интеграции в практике психологии. В течение первого 10-летия нами было вложено много усилий в русле интенсивных интегративных психотехнологий для апробирования и внедрения наиболее эффективных методов практической психологии в работе с личностью и группами. Нами были основаны целую направления и целостные психотехнологии по трансформации и интеграции личности с целью самореализации и самоактуализации (Козлов, 2005; Козлов, 2009; Козлов, 2014; Козлов, 2015; Козлов, 2017; Козлов, 2019).

Основную характеристику прикладных аспектов интеграции в теории современной психологии мы попытались сделать в наших многочисленных монографиях и статьях, посвященных интегративной психологии.

Внедрение идей интегративной психологии в научное сообщество происходило через образовательные программы, конференции, семинары, научные сборники, журнал «Вестник интегративной психологии».

Следует признать, что интегративная парадигма психологии в настоящий момент достаточно основательно реализована и в теории, и в практических методах.

Единство современной психологии представляется нам с точки зрения ее мультипарадигмальности и междисциплинарности, в которой переплелись множество линий и потоков развития меж и мета социальных, интеллектуальных, информационных, экономических, политических, идеологических, исторических, культурных зон взаимодействия (Козлов, 2021).

Все модели и концепции психологии, будучи корпоративными по происхождению и соответствующими духу времени, были искренними в своем стремлении к реальному и истинному описанию психического феномена из самосознания и личности их авторов. Понятно, что во все времена мы имеем дело с одной психической реальностью и ее многомерным бытием, которое предстает перед субъективностью автора в полноте. При этом каждый автор фокусирует свое внимание на разные части и фрагменты этой реальности, рассказывает об увиденном на своём языке в соответствии со своим жизненным опытом, установками, образованием, мировоззрением и групповыми приоритетами (Козлов, 2007).

Движение современной психологической науки от объективизма к антропному принципу показывает вектор, в каком топосе существует сама интегративная целостная модель науки психологии – в индивидуальной субъективной модели психологии в сознании психолога. Мультипарадигмальность современной психологии подразумевает возможность рассмотрения индивидуальной и групповой психической реальности с разных точек зрения в условиях отсутствия у психологии единой теории (Козлов, 2007; Козлов, 2021).

У современного психолога существует открытая возможность понимания и принятия множественности теоретических представлений о психическом, в том числе множественности исследовательских и воздействующих методов. В этом аспекте интегративный подход в психологии является принципиально новым смысловым пространством в теории, методах исследовательских и воздействующих как для психологов, для клиентов, так и для социальных сообществ психологов.

Мультипарадигмальный подход интегративной психологии предполагает неосознанную (стихийную и спонтанную) или рациональную (сознательную и произвольную) конфигурацию (сочетание, синтез, интеграцию) парадигм в соответствии с решаемыми теоретическими, исследовательскими, практическими задачами (Козлов, 2021).

Сложность и неоднозначность, многомерность и неопределённость предметной области усилий современного психолога делают интегративный подход необходимым условием эффективности и социальной адекватности.

В этих условиях психологу важно реализовать свою возможность свободного выбора парадигмы или их сочетания, исследовательского инструментария (Козлов, 2018; Фетискин, Козлов, 2017; Фетискин, Козлов, 2018; Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2014) и практического метода в соответствии с авторской задачей (Козлов, 2005; Козлов, 2007).

Эта свобода и возможность творческого синтеза является объединяющей силой представителей всех методологий и парадигм современной психологии.

Эту свободу мы обозначаем интегративной психологией, которая лежит в основе современного профессионального интегративного мышления, оперирующего открытым мультипарадигмальным пространством знания науки и практики психологии.

Мы не отрицаем достижений ни одной парадигмы психологии и наше отношение к ним прагматично: возможен и рационален выбор любой парадигмы, которая в данный момент и в данной ситуации решает большее число проблем, заданных контекстом жизни.

Мы совершенно уверены, что существует одна психология, по-разному выполненная в текстах разных парадигм, школ и личностей. И мы также уверены, что объять современную психологию во всех направлениях и представлениях, теориях и эмпирических исследованиях

нет никакой возможности даже в самых изощренных умах современности: понятно, что она есть, понятно что она огромна и понятно, что непостижима.

Методологический фундамент интегративного подхода состоит из методологических принципов целостности, развития, нелинейного детерминизма, многомерности истины, позитивности, соотнесённости, онтологического плюрализма. Это методологические правила, которые указывают, каких путей и средств «научного» постижения следует избегать (негативная эвристика) и которыми следует двигаться (позитивная эвристика).

Интегративная психология предлагает механизмы развития психологического знания, в качестве которых выдвигаются: взаимодействие между всеми парадигмами психологии, интегративный диалог альтернативных подходов, традиций, школ и критическое рефлексивное позиционирование.

Интегративный подход – это творческий и многомерный синтез концепций, которые опредмечивают различные аспекты человеческой активности как в теоретико-методологическом, так и в исследовательском и психотехническом отношениях.

Интегративная психология обращается к основам существования человека, а именно к созидающему качеству сознания, конституирующему личностное бытие и всегда предшествующему научному объяснению.

Но это демиургово качество сознания является основой бытия человека и неконцептуально изначально, и не является ни тем, ни другим ни третьим (ни тем более личностным, системным, деятельностным, бессознательным, метасистемным, психосемантическим, когнитивным и др.), одновременно если обратиться не к сущности, но к психологическому осмыслению этого качества, является всем сразу и по отдельности (Козлов, 2022; Козлов, 2023).

Само охватывание мыслью, научным пониманием, рефлексией, концептуализацией сущностно не исчерпывает процесса и основы бытия, присутствия в жизни, со-бытия с другими.

Холистический императив интегративной психологии, на наш взгляд, соответствует требованию научного мировоззрения о природе человека.

Бытие человека целостно и интегрировано, а наука, обращённая к бытию в своей предметной области, в теории и методологии, должна соответствовать этому бытию и иметь качество целостности и интегрированности.

Одновременно следует подчеркнуть, что проблема прикладных аспектов интеграции в теории и практике современной психологии недостаточно разработана и имеет большие научные и методологические перспективы.

Библиографический список

1. Анцупов А. Я. Основы социально-психологических исследований / А. Я. Анцупов, Г. И. Ефремова, И. С. Савченко и др. / под ред. А. А. Бодалева, А. А. Деркача. Москва, 2007.
2. Козлов В. В. Интенсивные интегративные психотехнологии. Теория. Практика. Эксперимент. Москва : МАПН, 1998. 427 с.
3. Козлов В. В. Психология дыхания, музыки и движения. Издание 3-е, дополненное и расширенное. Ярославль : РПФ "Титул", 2019. 196 с.
4. Козлов В. В. Вечная психология. Москва : Ин-т конс. и сист. решений, 2021. 328 с.
5. Козлов В. В. Психология сознания: интегративный подход. Москва, 2022. 274 с.
6. Козлов В. В. Направленные визуализации: теория и метод / В. В. Козлов, И. А. Донченко. Запорожье : "Кругозор", 2015. 227 с.
7. Козлов В. В. Психотехнологии измененных состояний сознания : методы и техники. 2-е изд., испр. и доп.. Москва : Изд-во Ин-та психотерапии, 2005.
8. Козлов В. В. Движение за развитие человеческого потенциала. Ярославль, 2017. 169 с.
9. Козлов В. В. Методология интегративной психологии. Москва : МАПН, 2021. 180 с.
10. Козлов В. В. Интегративная психология: пути духовного поиска или освящение повседневности. Москва : Психотерапия, 2007. 675 с.
11. Козлов В. В. Современная личность: самоактуализация и самореализация. Ярославль, 2023. 336 с.

12. Козлов В. В. Психология творчества : свет, сумерки и темная ночь души. Москва, 2009.
13. Козлов В. В. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / В. В. Козлов, В. А. Мазиллов, Н. П. Фетискин. Издание 2-е дополненное и переработанное. Москва : Институт психотерапии и клинической психологии, 2018. 720 с.
14. Козлов В. В. Интегративная арт-терапия / В. В. Козлов, С. В. Пермина. Челябинск : ЗАО "Цицера", 2014. 258 с.
15. Мазиллов В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017.
16. Новиков В. В. Психологическое управление в кризисных социальных сообществах / В. В. Новиков, Г. М. Мануйлов, В. В. Козлов. Москва : ГАЛА-Изд-во, 2009. 435 с.
17. Фетискин Н. П. Трудные дети / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов. Москва : Институт консультирования и системных решений, 2018. 544 с.
18. Фетискин Н. П. Родительско-детская девиантология / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов. Астана: ЕАГИ, 2017. 442с.
19. Фетискин Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. Саратов : Вузовское образование, 2014. 390 с.

УДК 159.9

В.А. Мазиллов

ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ИДЕАЛЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Единственная настоящая ошибка — не исправлять своих прошлых ошибок.
Конфуций

Аннотация. Статья посвящена проблеме интеграции психологического знания. Констатируется, что проблема интеграции психологического знания интенсивно разрабатывается, но радикальных впечатляющих успехов пока не достигнуто. Отмечаются некоторые новые перспективные подходы к решению проблемы, которые выполняют важную подготовительную работу для возможной в будущем интеграции психологического знания. Использование понятия «хронотоп психологии» позволяет дифференцировать краткосрочные и долгосрочные перспективы исследования. Утверждается, что в настоящее время интеграция в сколь-нибудь полном масштабе не может быть осуществлена, поскольку для ее реализации требуется создание определенного комплекса предварительных условий. В статье перечислены необходимые условия для полномасштабной интеграции психологического знания, намечена возможная стратегия интеграции психологического знания.

Ключевые слова: психология, наука, интеграция знания, методология, проблемы, идеалы интеграции, механизмы интеграции, условия интеграции, стратегии интеграции.

V.A. Mazilov

INTEGRATION OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE: IDEALS, PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. The article is devoted to the problem of integration of psychological knowledge. It is stated that the problem of the integration of psychological knowledge is being intensively developed, but no radical impressive success has yet been achieved. Some new promising approaches to solving

the problem are noted, which perform important preparatory work for the possible future integration of psychological knowledge. The use of the concept of "chronotope of psychology" makes it possible to differentiate short-term and long-term prospects for research. It is argued that at present, integration on any full scale cannot be carried out, since its implementation requires the creation of a certain set of preconditions. The article lists the necessary conditions for the full-scale integration of psychological knowledge, outlines a possible strategy for the integration of psychological knowledge.

Keywords: psychology, science, knowledge integration, methodology, problems, integration ideals, integration mechanisms, integration conditions, integration strategies.

Проблема интеграции в психологии обсуждается с давних пор. При желании можно объявить отцом *интеграции в психологии* Великого Стагирита, причем, подчеркнем, отцом *умной интеграции*, поскольку древний грек полагал, что интегрировать стоит не все, а лишь то, что для этого *несомненно подходит*. Обратимся к первым строкам второй главы знаменитого трактата «О душе»: «Приступая к исследованию души, необходимо вместе с тем при возникновении трудных вопросов, которые подлежат выяснению в дальнейшем, принимать во внимание мнения о душе, высказанные предшественниками, чтобы позаимствовать у них сказанное правильно и избежать всего, что ими сказано неправильно» (Аристотель, 1976, с. 375). Проблема интеграции, как можно видеть, в IV веке до н.э уже существует, хотя еще нет ни науки психологии, ни самого термина «психология». Завершая невольный исторический мини-экскурс, направленный на поиск «корней» проблемы, отметим, что, возможно, сама *идея интеграции* связана с «осевым временем» (К.Ясперс): достаточно вспомнить, что Конфуций говорил: «Философ сказал: «Цы, ты считаешь меня многоученным и знающим». Тот отвечал: «Конечно. А разве нет?» «Нет, - сказал философ, я одним все связываю»» (Конфуций, 2007, с. 152). В то же самое фактически время (VI-V век до н.э.) на другом конце планеты Гераклит, сын Блосона, эфесец утверждает: «Внемля не моему, но этому логосу, должно согласиться: мудрость в том, чтобы знать все как одно» (Лебедев, 2014, с. 146). Это и есть *Идеал интеграции знания*, увы, недостижимый и сегодня спустя два с половиной тысячелетия.

Проблема обсуждается с тех давних пор, существует великое множество публикаций, посвященных этой важной и вечно актуальной проблеме. Поскольку число работ по интеграции год от года множится, но реального *радикального* или, мягче, сколь-нибудь существенного прогресса пока не зафиксировано, как представляется, стоит попробовать взглянуть на проблему интеграции более широко, в первую очередь, обратив внимание на *фактор времени*. К этому обратимся чуть ниже, а пока уместно одно замечание.

Предыдущий абзац не стоит трактовать как признание безуспешности или бесплодности предпринимаемых попыток осуществить интеграцию в психологии в той или иной форме. В настоящем сборнике публикуется статья И.Н.Карицкого (см. статью (Карицкий, 2023), в которой, в частности, содержится обзор и сравнительный анализ перспектив различных подходов к проблеме интеграции в психологии. Не будем останавливаться на этих важных вопросах в данной статье, поскольку цель ее иная (цель публикации будет сформулирована чуть позже).

В самое последнее время произошло три важных события, имеющих, на наш взгляд, отношение к решению проблемы интеграции психологического знания.

Речь идет, во-первых, об издании трехтомного масштабного исследования (см. (Разработка понятий..., 2018, 2019, 2021). В 2018-2021 гг. было осуществлено поистине уникальное издание - коллективный труд сотрудников лабораторий Института психологии РАН, в котором представлено фактически все многообразие проводимых ими исследований (Разработка понятий..., 2018, 2019, 2021). Нельзя не отметить, что осуществление этого монументального проекта является, вероятно, лучшим подтверждением концепции коллективного субъекта и тезиса о возможности *реального функционирования* коллективного субъекта: осуществить подобного рода объемную работу (напомним, в трех томах сборника проанализировано

огромное количество теоретических, эмпирических и используемых в практической психологии понятий, а также их взаимосвязи) под силу только целому научному коллективу, объединенному общей целью. По объему проделанной работы проект следует признать уникальным. Всего в трехтомном издании представлено 70 понятий - как традиционных для психологии и хорошо известных в психологическом сообществе, так и новых, вошедших в психологический лексикон относительно недавно. Уникальность издания в том, что авторами проведено не только подробный анализ содержания каждого понятия, но и раскрываются история его появления в психологии, определяются межпонятийные отношения и взаимосвязи. В целом можно с уверенностью утверждать, что в издании представлены не только результаты работы сотрудников лабораторий Института, но и дается целостный срез современного состояния теоретических, методологических, прикладных исследований в отечественной психологической науке. Представляется, что такая работа – случай беспрецедентный в отечественной психологии. Выявление взаимоотношений между психологическими понятиями – важнейший шаг к интеграции психологического знания.

Во-вторых, речь идет о подготовленном к печати издании «Научные подходы в современной отечественной психологии» (Москва, издательство Института психологии РАН) (Научные подходы, 2023). В книге представлены научные и исследовательские подходы, реализуемые в современной российской психологии. Впечатляет как значительный объем книги, так и то, что по полноте представленности различных научных подходов в современной психологии издание по сути представляет собой энциклопедию реальной методологии отечественной психологической науки, что делает обозримой практически всю палитру методологических возможностей современной российской психологии.

В-третьих, речь об издании «Методология советской психологии в период открытого кризиса: Антология» (Методология советской психологии, 2022). Составители и ответственные редакторы Н. Ю. Стоюхина, А. А. Костригин, А. Л. Журавлев, как и предыдущие упомянутые книги, издание опубликовано Институтом психологии РАН» в 2022 году. Значение этой работы для проблемы интеграции психологического знания, на наш взгляд, состоит в первую очередь в том, что оно расширяет представления о разнообразии методологических поисков в отечественной психологической науке в 1920-1930 гг. и создает возможность лучше понять развитие методологических идей в более поздние периоды истории, включая настоящее.

Хотя формально все перечисленные работы не направлены непосредственно на решение проблемы интеграции, но представляется, что важность и значение этих исследований для интересующей нас проблемы переоценить трудно. Стоит специально подчеркнуть, что все эти публикации подготовлены *коллективами авторов*. И, несомненно, стоит подчеркнуть, что *все эти объемные книги* увидели свет в издательстве Института психологии РАН, который является, на наш взгляд, лидером в разработке проблемы *интеграции психологического знания*. Вероятно, стоит заметить, что сколь-нибудь ощутимый прогресс в разработке проблемы интеграции возможен только как результат *коллективных усилий* представителей психологического сообщества, поскольку проблема интеграции психологического знания имеет *когнитивную природу*, но ее решение может быть достигнуто только во взаимодействии психологов, то есть находится скорее *в плоскости социальной*.

Теперь вернемся к анонсированному выше рассуждению. К сожалению, в современной отечественной психологии недостаточно представлено обсуждение проблем *философии психологии* (Мазилев, 2021). В частности, до обидного мало обсуждаются вопросы, связанные с темпоральными характеристиками развития психологической науки (Мазилев, 2021б). Не вдаваясь в детали, отметим, что могут быть выделены две полярные точки зрения на само развитие психологической науки: эволюционная и революционная.

Обсуждение перспектив психологии в контексте категории времени, возможно, кому-то представляется не самым актуальным. Здесь уместно заметить, что и в данном вопросе Институт психологии также является лидером, поскольку сотрудниками института проводится масштабное исследование, посвященное будущему психологии (Т.А.Нестик) (Нестик

<http://www.ipras.ru/cntnt/rus/media/on-layn-bibliote/intervu-o-budush.html> - Дата доступа 12.07.2023). По нашему мнению, это важнейший вопрос и для психологии, и для истории психологии. От того или иного решения этого вопроса зависит очень многое: к примеру, понимание того, что такое наука психология и какова роль ее прошлого для ее дальнейшего развития. Используя терминологию А.А.Ухтомского и М.М.Бахтина, можно говорить про «хронотоп психологии» (Мазилов, 2021б).

Эволюционная точка зрения. Начало можно проследить по меньшей мере от великого врача, естествоиспытателя и философа Гиппократ. Приведем перевод на русский язык оригинального гиппократовского высказывания: «Жизнь коротка, наука длинна, случай шаток, опыт обманчив, суждение затруднительно». Поразительно, насколько точно великому греку удалось отразить сложности научного исследования. Подчеркнем, что Гиппократ хотел сказать, что всей жизни не хватит для того, чтобы успеть постичь великую науку. Это классический вариант. Согласно ему, будущее есть только у того, у кого было прошлое. В основе лежит эволюция. Не все проблемы можно решить сейчас. Не будем далее проследивать историю этой идеи. В качестве более близкого к нашему времени приведем пример А.А.Ухтомского, который также расценивал актуальное как момент этого грандиозного временного процесса: «каждый из нас – только всплеск волны в великом океане, несущем воды из великого прошлого в великое будущее» (см. подробно (Мазилов, 2021).

Вторая позиция – позиция **революционная**. Это доминирующая позиция в психологии. Однако, нельзя не заметить, что в психологии она весьма коварна. Сейчас широкой известностью пользуется выражение Германа Эббингауза, которым он открывал свой знаменитый очерк психологии (1908, русский перевод 1911). Психология, по словам Г.Эббингауза, «имеет длинное прошлое, но краткую историю» (Эббингауз, 1911, с. 9). Тогда казалось, что история только начинается, что впереди свершения и открытия, которые все изменят, все пойдет по-другому, будет не как в «прошлом»... И, собственно, прошлое не имеет большого значения. Итак, искушение велико: начать с краткой истории, ибо длинное прошлое особенного значения не имеет. Важно, что история пишется победителями. Позиция и правда очень революционная. Забегая вперед, скажем, что такой взгляд нашел полную поддержку в современной философии науки. Т.Кун и назвал свою знаменитую книгу «Структура научных революций» (Кун, 2003), подчеркнув некумулятивность развития науки, акцентировав перемены постепенности и заявив, что до- и послереволюционные теории и факты *несоизмеримы*... При этом почему-то упускается из виду, что в рамках формирования научной парадигмы (в естественной науке, что и исследовал главным образом сам Кун) проходит требующая длительного времени и сил ассимиляция всего, что может быть вписано в эту парадигму (см. подробнее (Мазилов, 2020). Тем не менее, скажем честно, что подавляющее большинство современных психологов являются явными или неявными сторонниками именно революционной позиции.

Легко увидеть, что из этих позиций следуют принципиально различные **стратегии развития психологии**. Революционная предполагает, что все проблемы могут быть решены в краткосрочной перспективе, нужно лишь *правильно выбрать способ решения*. Эволюционная стратегия, напротив, предполагает, что проблемы и задачи высокой степени сложности не могут быть решены в сколь-нибудь краткие сроки, поэтому прежде, чем приступить к их непосредственному решению, *необходимо создать предварительные условия*, предпосылки, а это само по себе может быть достаточно трудоемким и весьма длительным процессом.

Таким образом, мы можем обозначить цель настоящей статьи. Она состоит в том, чтобы выделить *актуальные возможности и перспективные задачи* в решении проблемы интеграции психологического знания и на этой основе попытаться осмыслить стратегию решения данной проблемы.

Как представляется, подходы к решению тех или иных сложных психологических проблем (их часто называют «вечными») для представителей обозначенных стратегий будут существенно различаться.

С учетом этого соображения обратимся к рассмотрению вопроса об *идеалах интеграции*. Что может быть продуктом интеграции психологического знания? Как представляется, абсолютный идеал был обозначен Гераклитом и Конфуцием – понимать все как одно.

Если не вникать в детали, то ситуацию можно представить себе следующими образом.

1. Создание *общей универсальной теории* психического, удовлетворяющей запросы всех психологов, то есть позволяющей объяснить *любое психическое явление*.

2. Создание *общей универсальной методологии* исследования психического, удовлетворяющей запросы всех психологов, то есть позволяющей выстроить объяснение любого психического явления.

3. Создание *общей универсальной теории* психического и *общей универсальной методологии* исследования психического.

Представляется, что варианты 1-3 настолько оптимистичны и столь явно контрастируют с реальным состоянием психологической науки, что единодушно отвергаются как невозможные в настоящее время.

Соответственно, либо задача признается *неразрешимой*, теории и методологии объявляются несоизмеримыми, а исследователи получают неограниченную свободу в использовании любых средств исследования (что, заметим, многих вполне устраивает), либо декларируется отказ от интеграции в принципе (или с оговоркой: на современном этапе развития).

Возможна и постановка более скромных задач.

4. Создание *комплекса, совокупности различных теорий* психического.

5. Создание *комплекса, совокупности различных методологий* исследования психического.

Варианты 4-5 могут предполагать надежды на разработку в будущем *метатеории* психического, либо *метаметодологии* (или и метатеории, и метаметодологии). Более пессимистические (и либеральные) варианты могут допускать использование эклектических схем использования различных подходов.

Возможна дальнейшая дифференциация, когда на месте теорий и методологий *психического* оказываются теории и методологии среднего уровня, предназначенные для объяснения не психического в целом, а отдельных классов, групп и т.д. психических явлений. Проследить далее смысла не имеет.

Другие возможные подходы связаны с разработкой концепций *условий* эффективной интеграции, возможных *механизмов* интеграции знания, создания *эвристик* для осуществления интеграции и т.д., что заведомо отдаляет саму возможность реальной интеграции психологического знания.

В качестве отдельной группы подходов могут быть выделены те, которые претендуют на разработку конкретных локальных моделей интеграции, опираясь на опыт собственных исследований.

Поскольку настоящая статья никоим образом не претендует ни на обзор проводимых в данном направлении исследований, ни на создание сколь-нибудь полной систематики подходов к проблеме интеграции психологического знания, ограничимся сделанным выше перечислением.

Сформулируем нашу точку зрения на *возможности решения проблемы интеграции психологического знания*.

Выше было сформулировано положение о различных стратегиях развития психологической науки. Автор настоящих строк полагает, что более соответствующей реальности является *эволюционная стратегия*.

Как мы полагаем, в настоящее время проблема интеграции психологического знания в сколь-нибудь существенном масштабе решена быть не может. Главная причина, почему проблема не может быть решена в настоящее время, состоит, на наш взгляд, в том, что для ее эффективного решения требуются *согласованные действия* многих членов психологического сообщества. Это, как можно полагать, в настоящее время практически неосуществимо.

Именно поэтому считаем важнейшими инициативы Института психологии РАН, направленные на исследование понятий, систематизацию научных подходов в психологии, что рассматривается нами как необходимая пропедевтическая работа по *интеграции научного сообщества*. В этом отношении очень нужны дальнейшие обсуждения проблемы интеграции знания, демонстрация актуальности исследований и разработок по этой проблеме, популяризации этой проблематики, особенно среди психологов молодого поколения. Особое значение имеют позитивные примеры локальной интеграции, происходящей *естественно* как результат развития психологического знания, либо локальные результаты интеграции вследствие целенаправленной деятельности психологов и историков психологии.

Однако, на наш взгляд, это не означает, что какие-либо действия, имеющие отношение к потенциальной интеграции психологического знания, несвоевременны и не нужны.

Можно полагать, что в настоящее время речь может идти лишь о *подготовительной работе*, создании условий для интеграции. Для того, чтобы понять, почему проблема интеграции знания в психологии стоит острее, чем в других дисциплинах, а решается значительно сложнее, полезно получить ответы на некоторые вопросы.

Дальнейшие перспективы интеграции зависят от ответов на два важнейших вопроса:

1. В чем главные причины множественности подходов и трактовок в психологии?
2. Что надо делать, чтобы эту множественность преодолеть?

Попытаемся дать предварительные ответы на эти вопросы.

1. Множественность подходов и трактовок в психологии. Отметим с самого начала, что причин много, среди которых и объективные, и субъективные. В цикле специальных исследований, проведенных в последние годы, было показано, что положение дел в современной психологии может быть квалифицировано как кризис (Мазилов, 2001, 2002, 2019, 2021, Mazilov, 1997). Важно подчеркнуть, что в настоящее время речь идет о *кризисе доверия к результатам исследований* в области психологии (см. например, (Schmidt, Oh, 2016). Кризис заключается в том, что в современной психологии отсутствует необходимая репликация: повторные исследования, повторяющие проведенные ранее, не дают того же результата. Исследования, посвященные «кризису репликации» имели достаточно большой резонанс. Как было показано, кризис репликации является порождением общего перманентного кризиса в психологии (Мазилов, 2023, 2022а).

Действительно, психология в реальности оказывается множеством конкурирующих подходов, которые практически плохо соотносятся между собой, хотя могут использовать одни и те же термины (Мазилов, 2020, 2020е). Здесь не место для исторических экскурсов, хотя необходимо заметить, что проблема имеет выраженные корни, уходящие в глубь веков. Психе, душа с древних времен представляла собой загадку, в истории человечества мы находим множество *различных* ответов. Научная психология унаследовала от предшественников эту множественность трактовки психики. Попытки научной психологии уточнить понимание (за счет введения терминологического аппарата, в первую очередь, предмета науки, предмета и объекта исследования и др.) принципиально проблемы не решили. Эти понятия (и другие элементы научного аппарата, призванные внести однозначность в трактовку) не позволили внести необходимой ясности. Методы научной психологии понимались различно, множественным оказалось и объяснение. Ситуация осложнилась тем, что выяснилось: множественность подходов проистекает из самой природы психологического знания (о чем будет подробнее сказано ниже). Вышеизложенное можно выразить одной формулой: предмет психологического исследования настолько сложен, что необходимо предполагает множество различных подходов, изучающих психическое «с разных сторон» и «в различных аспектах». История научной психологии убедительно свидетельствует, что в психологии возникла конкуренция подходов. Основаниями для этого послужило то, что предмет понимался и трактовался узко-аналитически. Здесь нет возможности рассматривать этот вопрос подробно, отошлем читателя к соответствующим публикациям (Мазилов, 2022, 2022б, 2017).

Выше мы уже отмечали, что множественность подходов связана с самой природой психологического знания. Остановимся на этом вопросе – в силу его важности для темы нашей статьи – несколько подробнее.

Природа психологического знания и множественность подходов

Главное, как нам представляется, состоит в том, что в рамках психологии необходимо преодолеть существенное препятствие, связанное с пониманием специфики человеческого познания психического. Полагаем, что эта проблема в значительной степени недооценивается. Абстракции такого уровня, как психическое, не могут быть поняты без некоторого упрощения (Мазиллов, 2020в, 2022, 2021а). Как говорил Н.Г.Алексеев, необходимо используются моделирующие представления (Алексеев, 1971). Кроме моделирующих представлений важная роль принадлежит базовым категориям и идее метода (Мазиллов, 1998, 2017, 2020е). Не имея возможности охарактеризовать проблему во всей ее полноте и сложности, обратим внимание на важные моменты.

Выше мы уже говорили о роли, которую играют, к примеру, моделирующие представления. Покажем это на примере мышления. Известны десятки теорий мышления (анализ ранних теорий мышления приведен в книге (Мазиллов, 1998)). Вюрцбургская школа впервые выдвигает такое моделирующее представление, как *решение задачи*, которое в дальнейшем заняло доминирующие позиции в научных исследованиях мышления. Однако изобретение задачи не сильно способствовало унификации, так как задач оказалось великое множество: это и механические головоломки, и прохождение лабиринта, и задачи стандартные, и задачи, требующие догадки... Задачи, требующие специальных знаний (математические, физические, химические и т. д.), и задачи, таковых не требующие.

Понятно, различные задачи связаны с различными базовыми категориями, различными методами. Специальные исследования такую связь подтверждают (Мазиллов, 1998, 2020д, 2019). Выбор тех или иных задач всегда осуществляется автором так, чтобы подтвердилось исходное предположение, заложенное в *предтеории*. Из сказанного выше ясно, что сочетания моделирующих представлений, базовых категорий и идей метода приводят в результате проведенного исследования к формулированию *множества различных теорий*. Самое печальное в этой ситуации, на наш взгляд, то, что авторы, не уделяя традиционно должного внимания методологическому анализу, позиционируют свои научные результаты как *теории мышления вообще*, тогда как они таковыми не являются, ибо получены на конкретном специфическом материале. В самом лучшем случае это лишь *парциальная теория мышления*, но никак не общая. Если к сказанному добавить распространенное заблуждение, согласно которому теории несоизмеримы, то мы получаем набор психологических теорий мышления, не соотношенных между собой и претендующих на статус теорий мышления в целом. Добавим к этому, что в результате получается множество определений мышления, естественно, *различных*, но определяющих, по мнению авторов, мышление как таковое.

Как нам представляется, из этой ситуации есть выход. Впрочем, об этом уместно будет сказать позднее.

2. Условия преодоления множественности подходов (Что надо делать, чтобы эту множественность преодолеть?).

Про первое условие уже было сказано выше: интеграция в сколь-нибудь широких масштабах будет возможна только при условии *коллективных усилий* представителей психологического сообщества в данном направлении. На социальных условиях здесь останавливаться не будем.

Важно понимать, что современная психология имеет целый набор недостатков, которые выступают препятствиями на пути возможной интеграции.

Главным источником проблем выступает неопределенность с трактовкой предмета психологической науки. Источником затруднений является традиция, которая существует в психологии с времен Вильгельма Вундта. Согласно этой традиции реальный предмет научной психологии трактуется узко-аналитически. Традиция конструировать предмет узко-аналити-

чески, психологическое исследование строить как направленное на изучение единиц психического, перенося полученные результаты на целое (Мазилев, 2022, 2020б, 2020в), является, на наш взгляд, ошибкой, которая до сих пор не преодолена психологической наукой. В ранг методологического правила это положение, как известно, было возведено Л.С. Выготским как анализ по единицам.

Современная психология чрезвычайно далека от финальности, от построения обобщающих глобальных теорий (хотя бы потому, что наука пока не понимает подлинной природы психического) (Jung, 1967; Мазилев, 2020, 2022б), поэтому, выделяя единицы, мы не имеем никакой гарантии сохранения «одушевляющей связи» (Гете), без которой явление становится непригодным для исследования¹. Повторим, применительно к рассмотрению предмета психологии эта методологическая стратегия, порождающая узко-аналитические варианты трактовки предмета, представляется роковой ошибкой, т.к. судить о целом на основании его части, гипотетической «единицы», если нет уверенности, что выделение осуществлено верно. Подчеркнем момент, который часто упускается из виду: в силу природы познания психического (на этом мы останавливались выше) такой подход *неизбежно предполагает редукцию*, так как использует упрощающие моделирующие представления.

Неизбежным следствием узко-аналитической традиции исследований в психологии является также то, что *не происходит необходимой кумуляции знания* (точнее, она может происходить лишь в пределах того или иного узко-локального подхода), что не обеспечивает функции полноценного развития психологической науки в целом.

И последнее – last but not least – предмет должен иметь четкую архитектуру, то есть быть конструктивным.

На этом вероятно стоит закончить.

Впрочем, в дополнение к сказанному уместно добавить, несколько соображений, касающихся оценки того, возможны ли такие преобразования в психологии в принципе.

Наша позиция состоит в том, что полагаем такие метаморфозы вполне реальными.

Тезисно это можно сформулировать так.

1. Узко-аналитический подход к пониманию предмета может быть заменен на трактовку *предмета как совокупного*, т.е. охватывающего все пространство психической реальности.

2. На роль предмета психологии может претендовать такой конструкт (понятие), которое *не вызывает возражений* у большинства представителей психологического сообщества.

3. Предмет должен быть представлен конструктивно, т.е. должна быть выявлена его *четкая архитектура* (структурно-уровневая), что может потребовать некоторую коррекцию традиционной психологической терминологии. Между компонентами архитектуры (составляющими) должны быть установлены *функциональные взаимоотношения*.

4. Представление предмета как совокупного и его архитектуры должно создать *платформу* (площадку. основу) для *интеграции* теорий и фактологии, в первую очередь, для теорий и основных фактов тех или иных психических явлений. Необходим *методологический инструмент*, который бы позволил разделить имеющееся знание, касающееся явления, на то, что *сущностно значимо*, и то, что вызвано к жизни спецификой *исследовательского аппарата*.

5. Природа психологического знания, как мы пытались выше показать, такова, что в настоящее время научная психология может продуцировать лишь *частные теории*, которые привычно принимаются за *общие*. Поэтому – на пути к потенциальной более *общей теории* какого-то психического явления – необходимы скрупулезный анализ и выстраивание *частных теорий* для *группы, класса явлений и попытки их соотнесения*, в процессе этого анализа и сопоставления должно определиться совпадающее и различное, что поможет понять, чем именно обусловлены различия.

Завершая настоящую статью, подчеркнем, что интеграция, как путь к идеалу, задача чрезвычайно сложная и трудоемкая, требующая усилий многих представителей научного психологического сообщества, задача, решение которой требует значительного времени. В

современной психологии без труда можно увидеть ростки того нового, без которого интеграция научного знания в сколь-нибудь значительном объеме невозможна. В данном тексте мы намеренно не приводим перечень таких исследований, поскольку это задача специальной работы, явно превышающей по своему объему формат статьи. Хочется надеяться, что в самом скором будущем она будет опубликована. Представляется, что без предварительного создания условий для интеграции научного психологического знания, миссия может оказаться невыполнимой, а сама интеграция знания окажется недостижимым идеалом.

Библиографический список

1. Алексеев Н. Г. О психологических методах изучения творчества / Н. Г. Алексеев, Э. Г. Юдин // Проблемы научного творчества в современной психологии / под ред. М. Г. Ярошевского. Москва : Наука, 1971. С. 151-203.
2. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. Москва : Мысль, 1975. 550 с.
3. Карицкий И. Н. Психология в поиске своего единства // Интеграция в психологии. Сб. научных трудов. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023.
4. Конфуций. Афоризмы мудрости. Москва : Белый город, 2007. 448 с.
5. Кун Т. Структура научных революций. Москва : АСТ, 2003.
6. Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). Санкт-Петербург : Наука, 2014. 533 с.
7. Мазиллов В. А. Теория и метод в психологии: период становления психологии как самостоятельной науки. Ярославль : МАПН, 1998. 356 с.
8. Мазиллов В. А. Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль : МАПН, 2001. 112 с.
9. Мазиллов В. А. Актуальные методологические проблемы современной психологии. Ярославль : МАПН, 2002. 165 с.
10. Мазиллов В. А. Биосоциальная проблема в контексте методологии психологической науки // Психологический журнал. 2020б. Том 41. № 3. С. 122-130.
11. Мазиллов В. А. О психологических понятиях и методологии психологии // Вопросы психологии. 2020в. № 1. С. 71-83.
12. Мазиллов В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
13. Мазиллов В. А. Предмет психологии. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 186 с.
14. Мазиллов В. А. Психология в борьбе за существование // Методология современной психологии. Вып. 13. Москва-Ярославль : ЯрГУ, ЛКНИИ РАН, МАПН, 2021а. С. 259-286.
15. Мазиллов В. А. Психологическая наука в «строительных лесах» // Сибирский психологический журнал. 2020д. № 77. С. 23-43.
16. Мазиллов В. А. Психологи и время // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2021б. № 1 (41). С. 258-279.
17. Мазиллов В. А. Судьба научной психологии в XXI столетии: время и бремя выбора // Методология современной психологии. 2022. № 15. С. 220-234.
18. Мазиллов В. А. Научная психология в поисках своего предмета // Ярославский педагогический вестник. 2022а. № 3. С. 89-104.
19. Мазиллов В. А. Внутренний мир человека // Методология современной психологии. 2022б. № 16. С. 214-227.
20. Мазиллов В. А. Современная общая психология: ключевые методологические проблемы // Методология современной психологии. 2020е. Вып. 12. С. 92-110.
21. Мазиллов В. А. Предмет психологии, психологическое знание и объяснение // Психологическое знание: стадии исследовательского процесса / отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич. Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 11-35.
22. Мазиллов В. А. А.А. Ухтомский и будущее психологии // Наследие А.А. Ухтомского в свете современных проблем изучения и развития человека 145-летие А.А. Ухтомского и 30-

- летие Мемориального Дома-музея академика А.А. Ухтомского. Сборник материалов XIII-й межрегиональной конференции. Ярославль, 2021. С. 31-88.
23. Методология советской психологии в период открытого кризиса: Антология / сост. и отв. ред. Н. Ю. Стоюхина, А. А. Костригин, А. Л. Журавлев. Москва : ИП РАН, 2022. 749 с.
24. Научные подходы в современной отечественной психологии. Москва : ИП РАН, 2023.
25. Нестик Т.А. Интервью о будущем психологии. URL: <http://www.ipras.ru/cntnt/rus/media/on-layn-bibliote/intervu-o-budush.html> (Дата обращения - 02.06.2023).
26. Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
27. Разработка понятий в современной психологии. Том 2 / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
28. Разработка понятий современной психологии. Том 3 / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова, Г.А. Виленская. Москва : ИП РАН, 2021.
29. Эббингауз Г. Очерк психологии. Санкт-Петербург : Изд. О.Богдановой, 1911. 242 с.
30. Jung K. G. Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung fur die Psychologie // Ges.Werke. 1967. Bd. 8. S. 418-423.
31. Mazilov V. A. About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of Modern Russia. Moscow-Jaroslavl : International Acad. of Psychology, 1997. P. 126-134.
32. Schmidt F. L. The Crisis of Confidence in Research Findings in Psychology: Is Lack of Replication the Real Problem? Or Is It Something Else? / F. L. Schmidt, I.-S. Oh // Archives of Scientific Psychology. 2016. № 4. P. 32–37.

Примечания.

¹ - Во всем подслушать жизнь стремясь,
 Спешат явления обездушить,
 Забыв, что если в них нарушить
 Одушевляющую связь,
 То больше нечего и слушать.
 "Encheiresis naturae" - вот
 Как это химия зовет.
 Гете «Фауст», перевод Б.Л.Пастернака
 Тот же фрагмент в переводе Н.А.Холодковского:
 ... живой предмет желая изучить,
 Чтоб ясное о нём познание получить,
 Учёный прежде душу изгоняет,
 Затем предмет на части расчленяет
 И видит их, да жаль: духовная их связь
 Тем временем исчезла, унеслась!

УДК 159.9

В.А. Мазиллов

К.К. ПЛАТОНОВ В ПОИСКАХ СИСТЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу творчества выдающегося отечественного психолога К.К. Платонова. В статье исследуются методологические взгляды ученого, в частности, его разработки, направленные на создание системы советской психологии. Предпринята попытка выявления мотивов обращения ученого к этой проблематике, выявлены особенности

научного стиля исследователя. Особое внимание в статье уделено анализу работ ученого «О системе психологии» (1972) и «Система психологии и теория отражения» (1982). В статье предпринимается сравнительный анализ направления разработки системы психологии С.Л.Рубинштейном и К.К.Платоновым. Прослеживается эволюция взглядов К.К.Платонова на разработку проблемы системы психологии и системы психологической науки.

Ключевые слова: К.К. Платонов, психология, система психологии, система психологической науки, теория отражения, системный подход.

V.A. Mazilov

K.K. PLATONOV IN SEARCH OF A SYSTEM OF PSYCHOLOGY

Abstract. The article is devoted to the analysis of the work of the outstanding Russian psychologist K.K. Platonov. The article examines the scientist's methodological views, in particular, his developments aimed at creating a system of Soviet psychology. An attempt was made to identify the motives of the scientist's appeal to this problem, and the features of the scientific style of the researcher were revealed. Particular attention in the article is paid to the analysis of the works of the scientist "On the system of psychology" (1972) and "The system of psychology and the theory of reflection" (1982). The article undertakes a comparative analysis of the direction of development of the system of psychology by S.L. Rubinstein and K.K. Platonov. The evolution of K.K. Platonov's views on the development of the problem of the system of psychology and the system of psychological science is traced.

Keywords: K.K. Platonov, psychology, system of psychology, system of psychological science, theory of reflection, system approach.

В 2021 году исполнилось 115 лет со дня рождения К.К. Платонова (1906-1984), замечательного отечественного психолога ученого, внесшего значительный вклад в разработку многих областей психологической науки, среди которых психология труда и авиационная психология, военная психология, социальная психология, медицинская психология, психология личности, общая психология, история психологии, методология психологии, психология религии и др.

В рамках настоящей статьи сосредоточимся на вкладе ученого в разработку системы психологии. Как справедливо отмечали В.А. Кольцова и А.Л. Журавлев, «большое место в его научной деятельности занимала разработка методологических проблем психологии» (Кольцова, Журавлев, 2020, с. 324). Авторы констатируют, что К.К. Платонов «постоянно указывал на необходимость разработки принципов, системы понятий и категорий психологии. Ведущей категорией психологии К. К. Платонов считал категорию «взаимодействие», лежащую в фундаменте понятий «отражение» и «система»: на ее основе автор предпринял попытку объединения теории отражения и системного подхода в психологии. Разработка К. К. Платоновым системы понятий и категорий психологии осуществлялась при подготовке целого ряда психологических словарей, включающих активно используемые термины, представленные автором в системе понятий, в которой, в свою очередь, отражается системное строение объективно существующих психических реалий. Например, его «Краткий словарь системы психологических понятий» насчитывал 1192 понятия...» (Кольцова, Журавлев, 2020, с.324).

Как свидетельствуют мемуары К.К. Платонова, проблема системы психологии в его творчестве возникла не случайно.

Первый мотив можно увидеть в завете В.М.Бехтерева. К.К.Платонов рассказывает, что в девятнадцатилетнем возрасте в доме своего отца он в 1925 году встретился с В.М.Бехтеревым и, в частности, рассказал о своей научной работе, посвященной систематике амфибий и рептилий Украины. Бехтерев дал совет юному натуралисту: «Попробуйте когда-нибудь пе-

ренести опыт систематики животных и растений на классификацию психологических понятий. Ведь там еще долиннеевский хаос». С того дня этот завет Владимира Михайловича я нес и несу в душе до сих пор. Он вдохновил меня на все мои книги начиная с «Очерков психологии для летчиков» (1936–1948)» (Платонов, 2005, с. 219).

Указание на второй мотив тоже можно найти в мемуарах К.К.Платонова. Ученый отмечает, что «вышедшая в 1934 г. статья Сергея Леонидовича «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» и в 1935 г. его книга «Основы психологии» стали для меня, как и для ряда других психологов моего поколения, подлинно настольными книгами» (Платонов, 2005, с. 165). В этой же книге К.К.Платонов называет себя последователем школы С.Л.Рубинштейна: «Вскоре после кончины Сергея Леонидовича Екатерина Васильевна Шорохова, занявшая его должность, и П. Н. Федосеев, бывший тогда директором Института философии, пригласили меня на работу, поручив проблему «личность и труд». С тех пор и по данный момент, когда пишу эти строки, я член коллектива, созданного Сергеем Леонидовичем, и считаю себя последователем его школы» (Платонов, 2005, с. 174). В предисловии к учебнику «Основы психологии» С.Л.Рубинштейн пишет: «Настоящая книга представляет собой попытку создать целостную *систему психологии* (курсив мой – *В.М.*), охватывающую основной экспериментальный материал и проникнутую единством методологической концепции» (Рубинштейн, 1935, с. 6). Поэтому можно полагать, что К.К. Платонов в последние десятилетия своей жизни решил продолжить дело главы школы С.Л. Рубинштейна. Характерно, что К.К.Платонов в своей поздней работе 1982 года дает анализ этой попытки С.Л.Рубинштейна, на чем мы ниже остановимся. Однако заметим здесь, что в 1940 году С.Л.Рубинштейн существенно по-иному (по сравнению с книгой 1935 года) представляет построение системы психологии. Таким образом, в решении вопроса о системе психологии между позициями С.Л.Рубинштейна в редакции 1940 года и К.К.Платонова возникло существенное различие, к обсуждению которого мы в рамках настоящей статьи вернемся.

Прежде чем приступить к анализу рассмотрения работ К.К.Платонова, посвященных заявленному вопросу, необходимо хотя бы предельно кратко коснуться особенностей научного стиля К.К.Платонова. Представляется полезным указать черты научного стиля, отличающие исследования К.К.Платонова в области психологии, ибо они могут оказаться полезными для понимания его творчества в указанном направлении:

Первая характеристика научного стиля К.К. Платонова – *склонность к систематике.*

Вторая характеристика – *склонность к философии, прекрасное знание истории философии и истории психологии.*

Третья характеристика – *приверженность марксистско-ленинской философии.*

Четвертая характеристика – *умение видеть психические явления исторически, генетически, в развитии, склонность к диалектическому подходу при анализе психики.*

Пятая характеристика – *новаторский дух, бесстрашие в постановке новых задач.*

Шестая характеристика – *личное мужество в отстаивании своих взглядов, сочетающееся с отсутствием догматизма и способностью корректировать свои представления, открыто признавая, что ранее был не прав.*

Наконец, седьмая характеристика – *позиция «живого участника» (выражение К.К. Платонова) истории, позиция принимающего на себя ответственность за судьбу советской психологии.*

Выше уже упоминалось про «завет» Бехтерева. К.К.Платонов прямо указывает, что он помнил про него на протяжении многих лет: «Сорок пять лет занимаюсь психологией, я не забывал этих слов. Однако уровень психологической науки (очевидно, и уровень ее знания автором) не позволял дать хотя бы первоначальный эскиз этой системы. Широкое развертывание психологических исследований за последние годы, привлечение внимания ученых к общеметодологическим проблемам психологии, основательная разработка отдельных ее категорий создали условия для исследования взаимосвязей основных понятий психологической науки» (Платонов, 1972, с. 4). В другом месте он писал, что этот «завет» «наиболее полно

был реализован в небольшой книжке «О системе психологии» (1972), а затем в монографии «Система психологии и теория отражения» (Платонов, 2005, с. 219).

Выше также упоминалось о влиянии С.Л. Рубинштейна. Отмечалось, что «Основы психологии», в которой Рубинштейн ставил задачу создания системы, была настольной книгой для К.К.Платонова. Сам ученый писал о попытках Рубинштейна создать систему: «В определенной мере С.Л.Рубинштейн эту попытку реализовал. Последующие учебники всех авторов с незначительными изменениями принимали предложенную им систему понятий. В продолжение всей жизни Рубинштейн не оставлял разработок системы психологии. Первый параграф первой главы монографии «Бытие и сознание», имеющий подзаголовок «К постановке проблемы», он назвал «Теория отражения». Книга «Человек и мир» должна была, говорил С.Л.Рубинштейн своим ученикам, продолжить построение этой системы психологии» (Платонов, 1982, с. 6).

Что же, кроме недостатка времени, помешало Рубинштейну, согласно К.К. Платонову, более полно выполнить эту работу? По К.К.Платонову, Рубинштейн в течение всей жизни продолжал решать эту задачу. Кроме нехватки времени, Рубинштейну, согласно Платонову, не позволили «более полно выполнить эту задачу» три причины: 1) недостаточная изученность взаимоотношения теории отражения и теории психологии; 2) слабая разработанность теории систем и теории функциональных систем; 3) в процессе перестройки психологии мало участвовали представители других наук о человеке (Платонов, 1982, с. 6).

Как представляется, необходимо обратиться к вопросу об изменении позиций С.Л. Рубинштейна по вопросу системы психологии. В «Основах психологии» (1935) констатируется, что психология в начале XX столетия вступает в период кризиса, который носит методологический характер. Рубинштейн отмечает, что методологические основы современной зарубежной психологии требуют радикальной критики, а «огромный фактический материал, добытый экспериментальным исследованием за последние десятилетия, должен быть переработан советской психологией на основах нашей методологии» (Рубинштейн, 1935, с. 35). «Перед советской психологией стоит в настоящее время большая и ответственная задача: освоив весь добытый в предшествующем развитии психологической науки материал, реализовать в психологии марксистско-ленинскую методологию с тем, чтобы на этой новой основе разворачивать экспериментальное исследование, направленное на разработку теоретических проблем психологии и на разрешение важнейших вопросов, которые ставит перед психологией практика социалистического строительства» (Рубинштейн, 1935, с. 37).

К этой же проблеме С.Л.Рубинштейн возвращается в статье «Философские корни экспериментальной психологии» (1940). Прошло всего пять лет, но картина радикально меняется. Основы советской психологии уже заложены, поэтому Рубинштейн обращается к анализу *мировой психологии*, разумеется не афишируя этого. Идеология такого заявления просто не допустила бы. Поэтому для реконструкции действительных представлений Рубинштейна надо обратить внимание не только на явные формулировки, но и на *контекст*. С.Л.Рубинштейн дает *историческую панораму* становления психологии как науки, фиксирует несоответствие сложившейся в психологии методологии актуальным задачам и формулирует *условия, которые необходимо создать для завершения становления психологии как науки*.

С.Л. Рубинштейн в 1940 году отмечал: «Переход от простой совокупности еще не оформившихся в науку знаний к науке является для каждой области знаний, в том числе и для психологии, крупным событием, подлинными источниками и движущими силами которого очень важно уяснить себе для того, чтобы правильно понять ее дальнейшие пути и перспективы» (Рубинштейн, 1973б, с. 70). Нельзя не согласиться и с другим высказыванием С.Л.Рубинштейна из процитированной работы: «История психологии и формирования ее как самостоятельной науки не получила еще в мировой психологической литературе адекватного освещения» (Рубинштейн, 1973б, с. 68). С поры этой констатации прошло много времени, опубликовано огромное количество работ по истории психологической науки, оценка выдающегося отечественного психолога, к сожалению, не утратила ни своей актуальности, ни своей правоты. Согласно Рубинштейну, переломным периодом в развитии психологии явилась вторая половина

XIX века, когда психология вычленяется из философии и постепенно становится экспериментальной наукой. С. Л. Рубинштейн категорически возражал против формального решения вопроса о формировании психологии как самостоятельной науки, когда «дело изображается так, будто психология начала существовать с того времени, как Вундт создал свою лабораторию. Вся предшествующая история философско-психологической мысли представляется лишь малозначительной прелюдией к этому событию. Те ученые, которые как Фехнер и особенно Вундт, разработали на базе специальных физиологических исследований методику психофизиологического исследования и оформили психологию (физиологическую) как экспериментальную дисциплину, представляются основоположниками психологии, определявшими ее основы в целом. В результате получается необъяснимым парадокс: эклектики и эпигоны в философии, философские концепции которых являются показательным проявлением начинающегося упадка теоретической мысли, представляются не только учеными, которые, опираясь на полученное ими философское наследие и достижения физиологии, оформили психологию как определенную научную дисциплину, но и как ее вдохновители, как основоположники, у которых надо искать ее истоки» (Рубинштейн, 1973б, с. 69-70). С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что становление новой психологической науки «не может быть стянуто в одну точку»: «Это длительный, еще не законченный процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к тому же XVI–XVII веку или переломному периоду от XVII к XVIII веку, который выделил Энгельс для всей истории науки; вторая – ко времени оформления экспериментальной физиологической психологии в середине XIX столетия; третья – к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией» (Рубинштейн, 1973, с. 77).

Таким образом, согласно С.Л. Рубинштейну, психология на 1940 год не может считаться полностью сложившейся наукой. Причем, хочется обратить внимание на тот факт, что Рубинштейн имеет в виду явно *мировую науку*: только что приведенный отрывок не оставляет в этом сомнений. Отсюда, кстати, становится понятен и мотив, который побуждал Рубинштейна «создать систему» – система необходима для *завершения становления психологии наукой*.

Сам Рубинштейн пытался решить эти задачи. Его «Основы общей психологии» могут быть рассмотрены именно как попытка создания *системы мировой психологии*. В этом уникальном учебнике предпринимается грандиозная попытка объединить имеющееся в мировой психологии знание. В отличие от своих современников, нацеленных на уничтожающую критику буржуазной психологии, он предпринимает попытку *создания позитивной системы*. Создание системы предпринимается с позиций методологии, разработанной С.Л. Рубинштейном на основе марксовских идей.

Поскольку статья о К.К. Платонове, нельзя не привести здесь фрагмент из его воспоминаний, хорошо демонстрирующий что подлинный замысел великого психолога С.Л. Рубинштейна был не понятен современникам. Привожу фрагмент из книги Платонова: «вернусь немного назад, к началу 1940-х годов, когда вышел второй, более капитальный учебник Сергея Леонидовича. Предисловие к нему он начинал словами: «Настоящая книга выросла из работ над предполагавшимся 2-м изданием моих “Основ психологии”, вышедших в 1935 г. Но, по существу, как по тематике, так и по ряду основных своих тенденций - это новая книга». Она (ее уже не одно поколение студентов называет «кирпич») принесла ему звание члена-корреспондента АН СССР. Но она доставила ему и немало горьких минут, так как вначале была встречена в штыки некоторыми представителями старшего поколения психологов. Мне пришлось в 1946 г. присутствовать на очередной «проработке» в принятом тогда стиле этой замечательной книги. А.Н. Леонтьев, основной противник Сергея Леонидовича, будучи тогда редактором моих «Очерков психологии» и считая меня «своим человеком», раскрыл мне глаза на подоплеку этой проработки: «Как же можно ему простить то, что он обобщил сотни работ! Это ведь не его работа, а коллективная. Так ее и надо было оформлять, а то получился

плагиат!». Я тогда возразил маститому обвинителю, напомнив ему ленинский принцип «обсуждение коллегиальное, а решение единоличное», который, думаю, должен распространяться и на обобщения, тем более что в данном случае речь идет об учебнике!» (Платонов, 2005, с. 170-171).

Отметим, что это была не последняя попытка С.Л.Рубинштейна создать систему (см. Мазиллов, 2020). Будет совершенствоваться методология (работы Рубинштейна второй половины 1950-х гг.). Как можно полагать, последний проект подхода к созданию системы Рубинштейн реализовать не успел, он был выполнен после его смерти его последователями (см. Современная психология, 1963; Основные направления, 1966). Параллельно С.Л.Рубинштейн совершенствовал в последних монографиях 1950-х годов методологию психологии, разрабатывал соответствующие новой методологии методики (на примере исследования мышления).

Однако вернемся к исследованиям самого К.К. Платонова.

В книге 1972 года в отличие от Рубинштейна К.К. Платонов свою попытку построения ограничивает пределами советской, марксистской психологии: «Вполне понятно, что психологи-марксисты и не ищут «общего теоретического языка» с фрейдистами, персоналистами и другими течениями буржуазной психологии, иногда открыто и воинствующе идеалистическими, а иногда замаскированными, что не меняет их сути» (Платонов, 1972, с. 7). Ученый отмечает интерес зарубежных психологов к марксистской науке: «Вместе с тем именно два последних международных психологических конгресса убедительно показали, что западные психологи все более прислушиваются к теории и достижениям советской марксистской психологии» (Платонов, 1972, с. 7).

К.К.Платонов отмечает, что и на строительной площадке нашей психологии как и на зарубежной, также еще немало разногласия. Это можно видеть, знакомясь с докладами, обсуждавшимися в марте 1970 г. на симпозиуме по проблемам личности. Но в психологии разногласия, выражающая богатство идей и путей решения задач (которая, если она в меру, просто необходима для развития науки), усугубляется бытующей понятийной и терминологической нечеткостью: «Я думаю, что причина все еще неизжитой разногласия лежит в неопределенности психологических понятий и терминов, их выражающих, в отсутствии к ним должного внимания и, главное, в отсутствии даже попыток построения системы психологических понятий. Можно даже сказать, что ни одна наука не относится так небрежно к своим понятиям, так мало делает попыток для их уточнения и согласования, как психология. Ни в одной науке нет такой замены научных, взаимосвязанных терминов образными словами, как в психологии» (Платонов, 1972, с. 10).

Опираясь на философскую проработку в рамках *диалектического материализма*, Платонов предпринимает грандиозную по масштабам попытку на основе теории отражения упорядочить и уточнить значение психологических понятий.

К.К. Платонов предлагает свой вариант системы психологических понятий: можно дать следующую систему форм психического отражения: эмоции; ощущения; мышление; восприятие; чувства; воля; память (как следовые формы всех предыдущих). Вместе с тем эти формы психического отражения могут рассматриваться и как элементы сознания, и как элементарные способности, входящие в структуру более сложных способностей, и как элементарные виды деятельности (Платонов, 1972, с. 58).

К.К. Платонов предлагает и свой вариант проекта системы психологической науки.

Платонов подчеркивает, что, показывая взаимосвязи между психологическими науками и отраслями, он оперировал только уже широко признанными отраслями и науками. Подробно характеризуя внешние и внутренние критерии системы, ученый приходит к следующему выводу. Психика во всех ее формах и в ее развитии - предмет *психологической науки* или *психологии*. Термин «психологическая наука» объединяет систему знаний, предмет которой психические явления. Предмет науки - это тот теоретический аспект, специфический угол зрения, под которым данная наука рассматривает изучаемые ею объекты. Он раскрывается в системе ее категорий и понятий и определяет ее методы. (Платонов, 1972, с. 188).

Система психологии, согласно Платонову, выглядит следующим образом:

А. Теоретическая психология

Общая психология, *история психологии, философия психологии, методология психологии*.

Б. Отраслевые психологии

Психология развития: *зоопсихология*, психологическая генетика, детская психология, психология старости, психология аномального развития (олигофрено-психология, тифлопсихология, сурдопсихология).

Педагогическая психология: психология обучения, психология воспитания (психология профтехобразования, дефектопсихология, трудотерапия, исправительно-трудовая психология).

Медицинская психология: *патопсихология, нейропсихология, психофармакология, клиническая психология* (экстремальная психология, олигофренопсихология, тифлопсихология, сурдопсихология, трудотерапия), *психогигиена*.

Психология труда: психологическая трудовая экспертиза (психология профтехобразования), психология НОТ, *инженерная психология*.

Психология спорта, авиационная психология, *космическая психология*, военная психология.

Юридическая психология: правовая психология, криминальная психология, *оперативная психология, судебная психология, исправительно-трудовая психология* (психология труда юридических работников).

Общественная (социальная) психология: палеопсихология, историческая психология, этнопсихология, *психология религии, психология искусства*, экономическая психология (Платонов, 1972, с. 209).

Завершает свою книгу 1972 года К.К. Платонов оптимистично: «Есть все основания считать, что коллективное творчество советских философов и психологов такую систему психологии создаст, и уже в ближайшее время. Хотелось бы надеяться, что эта книга поможет этому. Римские консулы, передавая власть преемникам, заканчивали отчет о своей деятельности традиционными словами: Я сделал, что мог, и пусть, кто может, сделает лучше! Кончу так и я, но добавлю: ведь кто-то должен же был начать решать задачу, поставленную объективным ходом развития психологической науки». (Платонов, 1972, с. 210).

Отметим, что деятельность ученого в плане разработки системы психологии продолжалась и далее. К.К.Платоновым была проведена огромная кропотливая работа, в результате чего было подготовлено несколько вариантов словарей психологических терминов, дополняющих и конкретизирующих авторскую концепцию. Как нам представляется, особую ценность имеет словарь-хрестоматия (Платонов, 1974). В нем приведены в алфавитном порядке определения основных психологических понятий, извлеченные из публикаций ведущих советских психологов, что дает читателю возможность установить сходства и различия в определениях. Как нам представляется, К.К. Платоновым была проделана крайне важная работа, позволяющая установить диапазоны сходства и различий, что очень важно в свете решения проблемы интеграции психологического знания (Мазиллов, 2017). Как нам представляется, этот замечательный проект ученого не был по достоинству оценен не только представителями психологического сообщества, но и самим исследователем.

К.К. Платонов все эти годы продолжал работать над усовершенствованием и углублением разработанной системы психологии. Надежда исследователя на то, что представители психологического сообщества немедленно включатся в работу по упорядочению и уточнению психологической терминологии, не оправдалась, коллеги в должной степени не откликнулись на призыв ученого. Более того, К.К.Платонов очень скоро понял, что дело обстоит гораздо сложнее, нужна не только работа с терминами, но, в первую очередь, собственно методологическая работа, направленная на углубление понимания самого предмета психологии. Это обстоятельство, как можно полагать, побудило ученого

В 1982 году К.К. Платонов предпринимает новую попытку построения новой системы психологии. За прошедшие со времени первой версии (1972) годы набрал силу системный подход. В новой версии автор углубляет анализ отражения, дополняя его системным подходом.

Автор в самом начале делает принципиальное заявление, согласно которому, жалеет, что среди отдельных молодых специалистов – психологов заметна тенденция к некритическому заимствованию некоторых положений из зарубежного опыта: «Опора на принципы теории отражения и рефлекторной теории является неременным условием развития психологии как науки» (Платонов, 1982, с. 5). Платонов подчеркивает, что речь идет именно о *системе советской психологии*. Опора на марксистско-ленинские положения остается неизменной.

Представляется интересной интерпретация причин относительной неудачи С.Л. Рубинштейна в построении системы психологии в 1935 году. Согласно К.К. Платонову, Рубинштейн в течение всей жизни продолжал решать эту задачу. Кроме «нехватки времени», Рубинштейну, согласно Платонову, не позволили «более полно выполнить эту задачу» три причины: 1) недостаточная изученность взаимоотношения теории отражения и теории психологии; 2) слабая разработанность теории систем и теории функциональных систем; 3) в процессе перестройки психологии мало участвовали представители других наук о человеке (Платонов, 1982, с. 6).

К.К. Платонов в новой книге продолжает дорабатывать свою систему *марксистской психологии*. Выделяются формы психического отражения: память, эмоции, ощущение, мышление, восприятие, чувства, воля. Как указывает К.К. Платонов. «Сущность первого порядка психических явлений – это семь родов форм психического отражения, потребностей как отражения нужды в той или иной из этих форм, внимания как организации данных форм психического отражения, и психомоторике как их объективизации, а у человека в ее высшей форме как проявления единства сознания и деятельности» (Платонов, 1982, с. 147). «Сущности второго порядка каждого психического явления – это их содержание, определяемое отражаемым внешним миром в его общем значении» (Платонов, 1982, с. 147). К их числу автор относит сознание, способности, личность, деятельность. К.К.Платонов добавляет, что необходимо учитывать фактор времени: «Форма психических явлений зависит и от временного континуума, в который они включены. Поэтому каждый из них может выступать в трех видах: кратковременных психических процессах; в более обобщенных и длительных, но все же временных психических состояниях; и наиболее стойких, хотя также не неизменных, свойствах личности» (Платонов, 1982, с. 147).

Как справедливо зафиксировано в оценке деятельности ученого в области методологии, К.К. Платонов постоянно указывал на необходимость разработки принципов, системы понятий и категорий психологии. Ведущей категорией психологии К.К. Платонов считал категорию «взаимодействие», лежащую в фундаменте понятий «отражение» и «система»: на ее основе автор предпринял попытку объединения теории отражения и системного подхода в психологии» (Кольцова, Журавлев, 2020, с. 324).

Существенному пересмотру были подвержены и представления о собственно системе психологии.

В частности, отметим несколько моментов.

К числу несомненных заслуг К.К. Платонова в области философских проблем психологии следует отнести разработку ученым представлений о *методологии психологии*. Надо отметить, что до Платонова многие авторы обыкновенно ограничивались перечислением методологических принципов. Платонов подчеркивает: «Вряд ли можно будет вернуться к случайному перечислению принципов и отказу от анализа их иерархической взаимосвязи» (Платонов, 1982, с. 273). Согласно Платонову, методология психологии имеет свою четкую структуру: «В основе учений о принципах и об общих и конкретных методах психологии лежит их методология. В методологии психологии сейчас уже достаточно четко выделились следующие

шие подсистемы: методология предмета психологии и ее задач; ее категорий и понятий; системы ее наук, разделов, проблем и тем; ее истории; ее принципов; ее методов» (Платонов, 1982, с. 273).

В книге 1982 года К.К. Платонов преодолевает некоторые свои методологические представления десятилетней давности. Систему психологических наук в версии 1972 года он квалифицирует как попытку «уложить в двухмерную систему»: «Теперь уже очевидно, что построить систему психологических наук, располагая эти науки и отрастив линейном порядке, невозможно. Трудно ее уложить и в двухмерную систему блоков. Это показали, в частности, (...) мои попытки дать проект такой системы» (Платонов, 1982, с. 285).

Автором в 1982 году предлагается трехмерная модель «дерева психологии». Не рассматривая ее целиком, обратим внимание на следующее.

Платонов начинает с корней дерева. «Корнями дерева психологических наук являются философские проблемы психологии. Они разветвляются на теорию отражения, рефлекторную теорию психики и ее методологию с учением о принципах психологии. Методология в свою очередь делится на общую методологию психологии, частную методологию и быстро растущий корень, получивший название математической психологии» (Платонов, 1982, с. 286).

«Комлем» – переходом от корней в ствол - является история психологии. Выше лежит основной ствол общей психологии. Ее выделение из других психологических наук диктуется внутренними условиями всей психологической науки в целом... «Общая психология может быть объединена с историей психологии, ее философией (курсив мой – В.М.) и методологией в теоретическую психологию...» (Платонов, 1982, с. 286).

В таком случае, не ясно что выступает в качестве философии общей психологии, чем эта часть психологического знания отличается от философских проблем, помещенных автором «в корни».

Однако, К.К. Платонов не был удовлетворен и новой редакцией своей системы. Показательно, что в заключении к книге 1982 года ученый отмечает, что «существует ряд причин, тормозящих развитие психологической науки» (Платонов, 1982, с. 304). К ним он, в частности, отнес:

1) недооценку принципа иерархии в понимании форм отражения и как следствие отступление от ленинской теории отражения;

2) недооценку принципа системности, системных качеств и роли усложнения отражающих систем, препятствующую раскрытию диалектических переходов от одного класса отражения к другому и понимания психики в целом как предмета психологии (здесь и далее курсив мой – В.М.);

3) недооценку роли субъективного – атрибута психики как системного качества психического отражения и продукта организации коры мозга;

4) недооценку активности сознания, влекущую за собой подмену всех явлений активности деятельностью, являющейся не только ее высшей формой, и отсюда нечеткое понимание взаимодействия сознания, личности и деятельности;

5) различные подмены целого его частью при понимании личности;

6) линейное или плоскостное понимание системы психологических наук (Платонов, 1982, с. 304-305).

Как можно видеть, К.К. Платонов сохранил верность марксистско-ленинскому подходу в психологии, что в его представлении означало приверженность в первую очередь теории отражения и рефлекторному принципу. Как справедливо отмечает коллектив авторов, именно «диалектический материализм явился основанием разработки методологических принципов психологии: детерминизма, развития и общественно-исторической обусловленности психики, единства сознания и деятельности, рефлекторной природы психического, системного подхода, единства теории, эксперимента и практики и др.» (Глоточкин и др., 2005, с. 16). Преодолеть трудности, как уже отмечалось, К.К. Платонов планировал на основе соединения теории отражения и системного подхода.

Вместе с тем нельзя не отметить, что следование положениям философии марксизма обусловило и известную непоследовательность во взглядах К.К. Платонова. Как представляется, глубинной причиной явились внутренние противоречия в самой системе, в частности, ограниченность возможностей категории «отражение» для разработки проблемы предмета психологии.

Как становится ясно спустя десятилетия, программу полностью осуществить невозможно, поскольку построить систему психологии можно только на основе предметного единства. Поскольку мы пока не в состоянии понять сущность психического, необходимо использовать совокупный предмет психологии и в его пределах пытаться постичь его единство, определяя общность психических процессов, состояний и свойств человека. Пока же традиционная трактовка отражения явно не позволяет вывести из этого понятия личность, поэтому сознание, личность и деятельность остаются *не соединимыми* органично в предметном пространстве психологии. Как представляется, эти трудности можно преодолеть, если обратиться к трактовке совокупного предмета психологии как внутреннего мира человека (Шадриков, 2006, 2019, Шадриков, Мазилев, 2015).

Призыв К.К. Платонова, согласно которому «построение целостной системы психологии требует коллективных усилий» (Платонов, 1982, с. 306) не был в должной степени услышан и принят коллегами, поэтому проблема построения целостной системы психологии не решена и сегодня.

Библиографический список

1. Кольцова В. А. Платонов Константин Константинович. Жизнь и научное творчество / В. А. Кольцова, А. Л. Журавлев / Выдающиеся ученые Института психологии РАН ; Ред. А. Л. Журавлев. Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 303-328.
2. Мазилев В. А. С. Л. Рубинштейн и будущее психологии / Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления / Отв. ред. Н. В. Борисова, М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев. Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 164-184.
3. Мазилев В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 359 с.
4. Мазилев В. А. Предмет психологии. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 186 с.
5. Основные направления исследования психологии мышления в капиталистических странах / Под ред. Е. В. Шороховой. Москва : Наука, 1966.
6. Современная психология в капиталистических странах. Москва, 1963.
7. Платонов К. К. О системе психологии. Москва : Мысль, 1972. 216 с.
8. Платонов К. К. Система психологии и теория отражения. Москва : Наука, 1982. 309 с.
9. Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. Москва : Высшая школа, 1981.
10. Платонов К. К. Краткий психологический словарь-хрестоматия. Москва, 1974.
11. Платонов К. К. Структура и развитие личности. Москва : Наука, 1986.
12. Платонов К. К. Мои личные встречи на великой дороге жизни. Воспоминания старого психолога. Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
13. Платонов К. К. Личностный подход как принцип психологии / Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. Москва : Наука, 1969. С. 159-217.
14. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Изд. второе. Москва : Гос. уч.-пед. изд.-во мин. просв. РСФСР, 1946. 704 с.
15. Рубинштейн С. Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса / Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. Москва : Педагогика, 1973а. С. 19-46.
16. Рубинштейн С. Л. Философские корни экспериментальной психологии / Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. Москва : Педагогика, 1973. С. 68-90.
17. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. Москва, Санкт-Петербург : Питер, 2012. 224 с.

18. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание : О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. Москва : Изд-во АН СССР, 1957. 328 с.
19. Рубинштейн С. Л. Основы психологии. Москва : Гос. уч.-пед. изд.-во, 1935. 496 с.
20. Шадриков В. Д. Внутренний мир человека. Москва : Логос, 2006. 386 с.
21. Шадриков В. Д. Способности и одаренность человека. Москва : ИП РАН, 2019. 274 с.
22. Шадриков В. Д. Общая психология / В. Д. Шадриков, В. А. Мазилев. Учебник для академического бакалавриата. Москва : Юрайт, 2015. 411 с.

УДК 159.9

В.А. Мединцев

ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ НА ПРИМЕРЕ ТЕОРИЙ ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Ранее в моих публикациях была изложена идея о двух направлениях разработки интегративной проблематики в психологии. К дескриптивному направлению были отнесены работы по созданию универсального методологического инструмента для интеграции существующих психологических подходов. К прескриптивному направлению отнесены исследования по созданию универсальной общепсихологической теории для использования в новых исследованиях. Как один из возможных методологических инструментов дескриптивного направления в настоящем исследовании использован ТМ-метод описания процессов. Метод применён для интеграции триархической теории интеллекта (Р. Стернберг) и теории PASS. Показаны этапы их анализа и вариант интеграции в общую структуру, описывающую процессы мышления.

Ключевые слова: интеграция в психологии, теории мышления, процессы, предметы мысли, паттерны операций мышления.

V.A. Medintsev

INTEGRATION OF PSYCHOLOGICAL APPROACHES ON THE EXAMPLE OF THE THEORIES OF INTELLIGENCE

Abstract. In my former publications, the idea of two ways in the development of integrative problems in psychology was presented. The descriptive way included works on the creation of a universal methodological tool for integrating existing psychological approaches. The prescriptive way includes research on the creation of a universal general psychological theory for new research. As one of the possible methodological tools of the descriptive way, the TS-method for processes is used in this study. The method was applied to integrate the triarchic theory of intelligence (R. Sternberg) and the PASS theory. It is shown the stages of their analysis and the option of integration into a common structure of the processes of thinking.

Keywords: integration in psychology, theories of reasoning, processes, objects of reasoning, patterns of reasoning operations.

Исследования по проблематике интеграции психологического знания в последние десятилетия привели к созданию целого ряда теоретических подходов, так что на методологическом горизонте уже видны контуры проблемы их интеграции – об этом и о возможной перспективе конструктивного противодействия этой тенденции я писал, в частности, в (Мединцев, 2020). Вместе с тем задача создания наиболее эффективного методологического инструмента интеграции по-прежнему остаётся актуальной как для отдельных психологических

теорий, так и для интегративных подходов. В упомянутой и других публикациях были очерчены два типа разработок методологических инструментов интеграции, а именно *дескриптивных* и *прескриптивных*. Первые необходимы для интеграции существующих психологических теорий, вторые – для новых теоретических и эмпирических исследований. Далее в статье будет изложено исследование, в котором опробовано использование одного из возможных методологических инструментов *дескриптивной* интеграции.

Ранее (Балл, Мединцев, 2017) мы показали возможность универсального описания интеллектуальных процессов путём применения *Теоретико-множественного метода описания процессов* (ТМ-метода) к ряду теорий интеллекта. Были рассмотрены триархическая теория интеллекта (Р. Стернберг), модель интеллекта по Дж. Гилфорду, модель множественного интеллекта (Г. Гарднер), теория PASS (Naglieri J., Das J.). Теперь задача состоит в том, чтобы применить ту же методологию для интеграции психологических теорий на материале двух из упомянутых теорий интеллекта. Таким образом будет показана методология сравнения теоретических построений, а также предположение В. А. Мазилова о том, что фрагментированность психологического знания может быть преодолена путём установления связей между компонентами описаний одного и того же предмета, при этом должны быть обнаружены инвариантные структуры процессов, обеспечивающие сопоставимость различных теорий (Мазилев, 2021). Для сравнения и интеграции я выбрал *Триархическую теорию интеллекта* (далее ТТИ) и теорию PASS. Далее будут кратко изложены идеи и основные положения сравниваемых теоретических моделей, затем будет предложен вариант их интеграции.

ТТИ

Теория включает три субтеории: *контекстуальную*, которая связывает интеллект с внешним миром человека; *компонентную*, связывающую интеллект с внутренним миром человека; и *двустороннюю*, которая связывает интеллект как с внешним, так и с внутренним миром (здесь и далее по (Sternberg, 1984)).

Контекстуальная субтеория определяет интеллектуальное поведение с точки зрения целенаправленной адаптации, формирования и выбора реальной среды жизни человека. Нормальный ход разумного функционирования в повседневном мире, как полагает автор теории, влечет за собой адаптацию к окружающей среде; когда окружающая среда не соответствует чьим-либо ценностям, способностям или интересам, можно попытаться изменить окружающую среду так, чтобы достичь лучшего соответствия человека и окружающей среды; когда формирование не удается, может быть предпринята попытка выбрать новую среду, которая лучше подходит.

Компонентная субтеория определяет психические механизмы, ответственные за обучение, планирование, выполнение и оценку разумного поведения. *Метакомпоненты* интеллекта управляют обработкой информации и позволяют отслеживать ее, а затем оценивать; *компоненты производительности* выполняют планы, построенные метакомпонентами, это процессы, используемые при выполнении задачи; *компоненты приобретения знаний* выборочно кодируют и комбинируют новую информацию и выборочно сравнивают новую информацию со старой, чтобы обеспечить возможность изучения новой информации. Компонент – это элементарный информационный процесс, оперирующий внутренними представлениями объектов или символов. Компонент может переводить сенсорный ввод в концептуальное представление, преобразовывать одно концептуальное представление в другое или переводить концептуальное представление в моторный вывод. То, что считается достаточно элементарным, чтобы называться компонентом, зависит от желаемого уровня теоретизирования.

Двусторонняя субтеория состоит из утверждения о том, что контекстно-интеллектуальное поведение может включать либо адаптацию к новизне, либо автоматизацию обработки информации, либо и то и другое. Эффективная автоматизация обработки позволяет выделить дополнительные ресурсы на обработку новизны в среде; и наоборот, эффективная адаптация к новизне позволяет раньше автоматизировать опыт работы с новыми задачами и ситуациями.

По поводу последней субтеории отмечу следующее. Вопросы автоматизации и разавтоматизации как поведенческих, так и ментальных процессов подробно рассмотрены в психологической литературе, поэтому нет смысла здесь углубляться в эту тему. Просто ограничусь констатацией того, что при решении задач, в том числе адапционных, имеют место как автоматизированные, так и неавтоматизированные процессы. Их соотношение зависит от контекста (в частности, степени новизны задачи и необходимой информации), а также от уровня интеллектуального развития решателя, объёма его знаний и умений.

Теперь можно представить процессы, описываемые в ТП, трёхмерной таблицей, используя схематизм ТМ-метода для описания интеллектуальных процессов (Балл, Мединцев 2017). Ради краткости и упрощения изложения, не стану приводить формализованное представление процессов средствами математической теории множеств (с ними можно ознакомиться в указанной и других наших публикациях), ограничусь его содержательным описанием. Мы рассматриваем интеллектуальные процессы как такие, в которых происходит изменение *предмета мысли* – от его исходного до результирующего состояния. Это изменение происходит через преобразования предмета мысли *паттернами операций*.

В терминах ТМ-метода будем рассматривать процессы, предметом мысли которых являются задачи адаптации (физиологической, социальной, материальной). В соответствии с результатом мышления (изменённым предметом мысли) происходит его воплощение в действиях (что автор теории называет интеллектуальным поведением), а также происходит обретение новых знаний. К паттернам операций отнесём *метакомпонентные*, ответственные за общее управление компонентами приобретения знаний и паттерны *исполнения* (производительности) – для исполнения принятых решений. Кроме того, вводим паттерны операций *обретения знаний*, поскольку эти процессы отмечены как компоненты решения адапционных задач.

В соответствии с принятой трактовкой, обобщённое описание рассматриваемых в ТП процессов представим трёхмерной таблицей. Два её измерения (Предметы мысли и Паттерны операций) представлены явно (столбцы и строки); третье измерение, а именно результаты процессов с предметами мысли, представим содержимым выделенных ячеек (Таблица 1).

Таблица 1.

Процессы мышления (по ТП)

		Паттерны операций		
		<i>Метакомпонентные</i>	<i>Исполнения</i>	<i>Обретения знаний</i>
Предмет мысли (задачи)	Адаптация к среде	Окончательный вариант адаптац. планов	Интеллектуальное поведение реализ. адаптац. планов	Новые знания и умения
	Реформир. среды			
	Выбор среды			

Таким образом, предметами мысли являются три вида задач, к которым могут быть отнесены любые задачи нижележащих уровней. К примеру, решение математической задачи на экзамене можно рассматривать как часть задачи по адаптации к образовательной среде, решение математической задачи в профессиональной деятельности математика – как задачу реформирования научной среды. Судя по описанию теории, для решения всех типов адапционных задач используются одни и те же операции: обработка и трансформация имеющейся информации для построения окончательного варианта адапционного плана; в соответствии с окончательным вариантом плана происходит его реализация в интеллектуальном поведении; результатом решения каждой из задач является обретение новых знаний и умений. Соответственно, ячейки третьего измерения трёх видов адапционных задач, ради упрощения структуры таблицы, объединены.

PASS

Теория PASS (Naglieri, Das, 2012), как указывают авторы, основана на работах А. Лурии по функциональным специализациям мозговых структур. В аргументации теории сказано, что тесты интеллекта должны быть построены на теории интеллекта, а теория должна основываться на понимании базовых психологических процессов. Согласно А. Лурии, три функциональные модуля, соответствующие трём мозговым структурам, формируют четыре базовых психологических процесса (Лурия, 2003). Функция *первого* модуля обеспечивает регуляцию возбуждения коры головного мозга и внимание; *второй* кодирует информацию с помощью одновременных и последовательных процессов; *третий* формирует стратегию развития, стратегию использования, самоконтроля и контроля познавательной деятельности. В теории PASS сходным образом представлены базовые процессы: Планирование (Planning), Внимание (Attention), Симультанные (Simultaneous), Сукцессивные (Successive). Название теории – акроним указанных процессов (PASS). *Знания* и *умения* лица являются частью каждого из указанных процессов. Процессы *возбуждения* определяют неврологическую готовность, *внимание* инициирует когнитивную деятельность. Процессы *внимания* тесно связаны с ориентировочными реакциями, они позволяют организму сфокусироваться в нужном направлении, необходимое время сосредоточиваться на необходимых стимулах, не отвлекаясь на другие. *Симультанные* процессы включают объединение стимулов в группы путем установления взаимосвязи каждого аспекта поступающей информации со всеми другими ее элементами. *Сукцессивные* процессы вовлечены в обработку стимулов, организованных в серии. Эти процессы имеют разные функции, но при этом динамичны и образуют взаимосвязанную систему умственной обработки информации. Процессы *планирования* состоят в выборе и разработке планов или стратегий, необходимых в решении сложных задач. К этому типу процессов авторы подхода относят генерирование, оценку и исполнение плана, само-мониторинг и др. Отмечу, что к процессам планирования отнесены все процессы, которые А. Р. Лурия рассматривал как функции третьего модуля, а именно формирование стратегий развития, использования, самоконтроля и контроля познавательной деятельности.

Так же как и в случае теории ТТИ, проведём трактовку описания теории PASS как процессов с исходным и результирующим состоянием предметов мысли, паттернами интеллектуальных операций. На верхнем масштабном уровне будем рассматривать:

- паттерны возбуждения и внимания (ориентировочных реакций для сосредоточения на внешних и внутренних предметах мысли) ;
- паттерны сукцессивной и симультанной обработки стимулов и информации при восприятии;
- паттерны операций планирования (генерирования, оценки, исполнения планов и самомониторинга, поэтапного контроля соответствия: планов общей задаче, этапов генерирования – общему плану, исполнения – плану;
- предметами мысли являются внешняя информация, знания и умения лица, планы.

Как и в предыдущем случае, все процессы представим трёхмерной таблицей (Таблица 2).

Таблица 2.

Процессы мышления (по PASS)

		Паттерны операций			
		<i>Возбуждения и внимания</i>	<i>Сукцессивные (при восприятии)</i>	<i>Симультанные (при восприятии)</i>	<i>Планирования</i>
Предметы мысли	Внешняя информация	Воспринятая информация	Информация после обработки	Информация после обработки	Информация, использованная в плане
	Знания и умения	Компоненты знаний и умений, на	Компоненты знаний и умений, используе-	Компоненты знаний и умений, используемые	Знания и умения, обретенные в процессах планирования

		которых сосредоточено внимание	мые при восприятии информации	при восприятии информации	
	Планы	Избранные образцы планов	Избранные образцы планов после их обработки	Избранные образцы планов после их обработки	Окончательный план

Сравнение и интегративное представление

Теперь сравним описания процессы мышления в теориях ТТИ и PASS в универсальном схематизме ТМ-метода. В теории ТТИ мышление представлено процессами решения адаптационных задач, которые охватывают начало операций с имеющейся информацией и воплощение полученного плана в интеллектуальном поведении. В ТТИ понятие «задача» использовано как синоним понятию «процесс» (ср. «задача адаптации к среде» и «процесс адаптации к среде»), оно не привязано к какой-либо теории задач, в которых рассматривают структуру и предмет задачи (см., например (Балл, 1990)), поэтому в обобщённом для двух теорий представлении нет смысла его использовать. По тем же причинам три вида задач будем считать методологически сходными, то есть решение каждого вида задач происходит в процессах метакомпонентных, исполнения и обретения знаний. В теории PASS учтены процессы активация, внимания и восприятия информации, которые не выделены в отдельные группы в ТТИ, однако не учтены процессы исполнения планов, предусмотренные в ТТИ. В интегрированном описании имеет смысл представить и одни, и другие. Таким образом, в обобщённом представлении область описываемых процессов расширена по сравнению с каждой из теорий.

В современных нейропсихологических теориях сукцессивную и симультанную обработку информации рассматривают как подструктуры всех интеллектуальных операций уже на уровне активности отдельных нейронов и перцептронных структур (что, как мне представляется, и имел в виду А. Р. Лурия). Однако в модели мышления PASS произведено разделение процессов на сукцессивные и симультанные, причём только при восприятии, чем неоправданно ограничен набор рассматриваемых компонентов процессов. Поэтому в интегрированном представлении в числе паттернов интеллектуальных операций будут оба указанных вида обработки информации, которые возможны во всех процессах мышления.

Каждый из предметов мысли (задач взаимодействия со средой, по ТТИ) можно детализировать как компоненты процессов мышления в PASS: процессы получения и обработки внешней информация, процессы обретения новых знаний и умений, процессы планирования. Соответственно, в интегрированном представлении будут учтены следующие изменения предметов мысли:

внешняя информация трансформируется в использованную в плане информацию;

исходные знания и умения трансформируются в новые компоненты знаний и умений;

исходный план трансформируется в реализованный план.

Паттерны операций в рассматриваемых теориях также взаимодополнительны:

процессы возбуждения и внимания необходимы для реализации всех осознаваемых операций;

все процессы могут быть автоматизированными в различной мере;

паттерны планирования (в PASS) можно рассматривать как подмножество метакомпонентных процессов (в ТТИ); к другому подмножеству отнесём процессы обретения и трансформации знаний, интеллектуального поведения.

На основе сделанных обобщений составлена интегративная, для теорий ТТИ и PASS, трёхмерная таблица процессов мышления и их компонентов (Таблица 3).

Таблица 3.

Интегративная таблица процессов мышления теорий ТТИ и PASS

Предметы мысли	Паттерны операций			
	<i>возбуждения и внимания</i>	<i>Метакомпонентные</i>	<i>Исполнения</i>	<i>Обретения знаний</i>

		(суц., симулт., автом., неавтом.)	(суц., симулт., автом., неавтом.)	(суц., симулт., автом., неавтом.)	(суц., симулт., автом., неавтом.)
<i>Адаптация к среде, реформирование среды, выбор среды</i>	Внешняя информация	Воспринятая информация	Внешняя информация в структуре плана	Внешняя информация, использованная в реализации плана	Внешняя информация в структуре нового знания
	Знания, умения	Знания и умения, отобранные для формирования плана	Знания и умения в структуре плана	Знания и умения, используемые в реализации плана	Новые знания и умения
	Планы	Избранные образцы планов	Окончательный вариант плана	Корректированный в процессах реализации план	Реализованный план в структуре нового знания

Выводы

В этом исследовании я не ставил задачи обсуждать остродискуссионную проблематику необходимости и возможности интеграцию психологического знания. На эту тему уже много написано, в том числе и мной. Задача состояла в том, чтобы показать (а заодно и проверить) возможность интеграции теоретических построений на примере двух независимо разработанных теорий интеллекта. Как можно было убедиться, почти все компоненты этих теорий понятийно различны, при том, что описывают одну и ту же предметную область исследований – процессы мышления, – однако отнесены к различным (терминологически и содержательно) их составляющим. Для интеграции различных систем понятий необходим адекватный методологический инструмент. Адекватность в данном случае означает то, что такой инструмент должен давать возможность непротиворечиво и без потери содержания сначала свести интегрируемые системы понятий к общим для них концептам, а затем представить их в интегративной понятийной структуре.

В качестве методологического инструмента интеграции был использован разработанный нами с Г. А. Баллом *Теоретико-множественный метод описания процессов* (ТМ-метод). Метод предназначен для описания процессов в любых предметных областях исследований, его возможности были продемонстрированы в ряде наших публикаций. Теперь была поставлена иная задача, а именно проверить применимость этого метода для интеграции систем понятий в одной предметной области. Кроме того, как я отметил в начале работы, мой научный интерес касался проверки (в некотором первом приближении, разумеется) идеи В.А. Мазилова о наличии невыявленных методологических связей между различными теориями в одних и тех же предметных областях, и инвариантных структур, обеспечивающих сопоставимость теорий.

На мой взгляд в решении обеих обозначенных задач получен обнадеживающий результат: с помощью инструментов ТМ-метода представлена обобщённая структура двух теорий мышления. Инвариантной для обеих теорий, полагаю, можно считать структуру процесса мышления, представленную средствами ТМ-метода как *предмет мысли – паттерн интеллектуальных операций – изменённый предмет мысли*.

Разумеется, полученный в этом исследовании результат носит предварительный характер, в дальнейшем он может быть скорректирован, дополнен и оценён более досконально.

Библиографический список

1. Балл Г. А. Теория учебных задач: Психолого-педагогический аспект. Москва : Педагогика, 1990.

2. Балл Г. А. ТМ-метод в описании интеллектуальных процессов / Г. А. Балл, В. А. Мединцев // Теоретичні дослідження у психології / Збірник статей. За редакцією Г.О. Балла та В.Л. Зливкова. – К.: Педагогічна думка, 2017. С. 10–25.
3. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. Москва : Академия, 2003. 384 с.
4. Мазилев В. А. Интеграция психологического знания как методологическая проблема психологии // Интеграция в психологии: теория, методология, практика : сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции [4 мая 2021 г.] / под науч. ред. В.А. Мазилова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 28–38.
5. Мединцев В. А. Идея интеграции психологического знания // Теоретичні дослідження у психології: монографічна серія / Сост. В.О. Медінцев. Том XI. 2020. С. 2–22.
6. Naglieri J. A. Planning, Attention, Simultaneous, Successive (PASS) theory: A revision of the concept of intelligence / J. A. Naglieri, J. P. Das / In D.P. Flanagan & P.L. Harrison (Eds.), Contemporary intellectual assessment: Theories, tests, and issues (2nd ed.). New York : Guilford Press, 2012. P. 178–194.
7. Sternberg R. Toward a triarchic theory of human intelligence // Behavioral and Brain Sciences. 1984. 7(2), 269-287.

УДК 1 (091)

Е.Е. Михайлова

ИНТЕГРАЦИЯ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ В ИСТОРИОСОФИИ Н.И. КАРЕЕВА

Аннотация. На примере творчества Н.И. Кареева поднимается вопрос об имманентной репликации философского и психологического знания. Описан методологический подход Кареева и проиллюстрирован на примерах из его текстов. Как позитивист, Кареев движется в русле многофакторного анализа и последовательной аргументации событий исторического прошлого; как герменевт, он находит яркие дискурсивные характеристики людей прошлого. В замыслах Кареева история по форме есть процесс культурных коммуникаций, а по природе – процесс психологического взаимодействия. Историю во многом творят яркие личности, порожденные особой культурно-исторической средой.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, философия, историософия, психология, личность.

Е.Е. Mikhailova

INTEGRATION OF PHILOSOPHY AND PSYCHOLOGY IN N.I. KAREEV'S HISTORIOSOPHY

Abstract. On the example of N.I. Kareev's creativity, the question of the immanent replication of philosophical and psychological knowledge is raised. The methodological approach of Kareev is described and illustrated with examples from his texts. As a positivist, Kareev moves in the direction of multifactorial analysis and consistent argumentation of events of the historical past; as a hermeneutist, he finds vivid discursive characteristics of people of the past. In Kareev's plans, history in form is a process of cultural communication, and by nature is a process of psychological interaction. History is largely created by bright personalities generated by a special cultural and historical environment.

Keywords: N.I. Kareev, philosophy, historiosophy, psychology, personality.

Для успешного изучения смыслового потенциала гуманитарных наук видится полезным применять интегративный подход. Важность интегративного подхода заключается во «встрече» смыслов разных наук. Каждая сфера социогуманитарного знания имманентно вступает в диалог с другими науками, преодолевая, тем самым, собственную замкнутость и односторонность. Коммуницируя, представители каждой науки оказываются вынужденными задаваться новыми вопросами, обогащать терминологию, обмениваться методологическими приемами и актуализировать познавательные смыслы.

За тысячелетнюю историю философии было предложено около двух десятков различных пониманий ее предмета. Среди классических версии можно перечислить такие: всеобщие законы изменения и развития существующего; бытие в его всеобщих характеристиках (свойствах, отношениях, закономерностях изменения и развития); сознание, его структура, функции, возможности; познание, его структура, методы и законы развития; мировоззрение как особый вид знания, его структура, содержание и методы достижения истинного знания; человек в его всеобщих характеристиках; материя в ее всеобщих характеристиках и развитии; общая структура и развитие общества; мудрость и способы ее достижения; человеческая деятельность; универсальные ценности и другие. Из перипетий интеллектуально-духовного кризиса рубежа XIX-XX веков философия вышла обновленной, новым пониманием своего предмета: самосознающая себя культура; бытие, понимаемое как жизнь; человеческое бытие как экзистенция; понимание как главный способ познания; всеобщие принципы взаимоотношений Я и не-Я; лингвистический (шире – семиотический анализ общих понятий (категорий) и суждений (принципов) и другие (Ильин, 2019, с. 126).

Все перечисленные концепции различного понимания предмета философии в целом не исключают, а дополняют друг друга, все они одинаково законны и имеют право на существование. Принятие и обоснование каждой из концепций предмета философии имеет конструктивно-консенсуальный характер, где под конструктивным подразумевается создание интеллектуального пространства для нового знания, а под консенсусным – стремление согласиться на дальнейший разговор с учеными других отраслей знания. В каждой концепции делается акцент на особой стороне функционирования системы «человек – мир», которые, видимо не сводимы друг к другу или такой синтез не имеет значимого практического и теоретического смысла. Очевидный плюрализм в понимании предмета философии является неизбежным и отражает качественное многообразие всеобщих свойств и отношений явно вырисовывающейся системы «человек – мышление – мир» и каждого из трех ее основных элементов; а также олицетворяет конструктивный характер человеческого мышления.

Схожие тенденции наблюдаются и в психологической науке. Версии предмета психологии здесь также, как и в философии, группируются от классических – к неклассическим. Начиная с Античности велись поиски духовных явлений жизни на основе синтеза рационального и нравственного начала. В Новое время, особенно в XIX столетии, когда психология вышла из-под крыла философии и стала самостоятельной наукой, разрабатывались биологические и социологические выкладки. В новейшее время стали востребованными герменевтические и экзистенциальных средств постижения мира человека (Мазиллов, 2022; 2023; Слепко, 2021; 2023) и интегративно-типологизаторские инновации в методологии психологической науки (Рубцова, 2023).

Усиленный поиск общих смыслов предмета философии и психологии мотивирует обратиться к исследовательским истокам, в частности, к размышлениям мыслителей рубежа XIX-XX веков. Таковым может показаться Николай Иванович Кареев, профессор Петербургского университета, представитель позитивистской философии истории, многие годы изучавший проблематику социокультурного развития в контексте всемирной истории.

В русской позитивистской историософии есть тенденция, уже артикулированная исследователями. Все ее представители, будучи сторонником многофакторного анализа и поливариантного видения истории, культуры и общества, никогда не становились ортодоксальными адептами позитивного знания (Рыбас, 2017). Впервые это подметил русский религиозный философ В.В. Зеньковский, назвав историков-позитивистов «полупозитивистами». Н.И. Кареев

называл себя позитивистом «с поправками», т.е. исследователем, который понимает, что мир фактов так многообразен, что результаты «на выходе» исследования не могут быть безупречно чистыми, всегда остается место для сомнения и критики (Кареев, 1990). Собственно, так и можно обозначить методологическую позицию Кареева: позитивистскую по форме (многофакторный анализ) и герменевтическую, по настрою. Она предполагает понимание значимости новой критики источников, учитывающей переживания действующих лиц прошлого и пластичность культурно-исторической среды, в которую были погружены изучаемые персонажи.

Под термином «историософия» подразумевается философия истории, т.е. рефлексивно-теоретический поиск смысла истории. Сам Кареев представлял историософию достаточно широко: и как философскую теорию исторического знания, и как теорию исторического процесса, и как раздел, в котором пересекаются усилия философии и психологии. На его взгляд, философия осуществляет ценностный поиск смысла истории, а психология изучает поведение, действия и переживания субъектов прошлого, а также помогает учитывать интересы и приоритеты самого исследователя. Психология способна изучать субъективные стороны истории. Под таковыми Кареев подразумевает факты человеческого сознания – идеи, чувства, стремления людей прошлого, а также продукты их культурной деятельности – мифы, религию, философию, науку, литературу, искусство, мораль (Кареев, 1897, с. 220).

В рассуждениях Кареева видна явная логическая «дорожка», центрирующаяся вокруг человека – история, культура, психология, философия. История есть результат культурного взаимодействия. Поскольку человек есть субъект культуры, то это взаимодействие по своей природе носит психологический характер. Психическое взаимодействие порождает психический обмен, который со временем становится устойчивым, превращаясь в обычаи и традиции. Последние, собственно, и формируют ход истории. Рядом с философией и психологией, в замыслах Кареева, должна стоять еще и социология (Малинов, 2011). В этом разграничении ролей философия несет ценностную нагрузку, психология изучает природу взаимодействия участников событий прошлого, а социология вскрывает системные взаимоотношения людей в сфере политики, права и экономики (Кареев, 1897, с. 224).

Субъективный фактор в истории и культуре – это особая тема для Кареева. В его рефлексии, личность – это не только субъект истории, но и «мерило культуры» в четырех главных измерениях: антропологическом, нравственном, психологическом и социальном. Здесь Кареев внутренне соглашается с теорией подражания Габриэля Тарда, с теорией кооперации и солидарности Максима Ковалевского и с теорией героев и толпы Николая Михайловского. Историческая личность («крупная» – по выражению Кареева), способна ускорять, замедлять, разворачивать, останавливать на время и вновь запускать исторический процесс. Все зависит от внешних обстоятельств, от врожденных свойства субъекта истории и от социально-культурной среды.

Для Кареева личность – это не только субъект, творящий культуру, но и одновременно объект, испытывающий на себе её влияние. На событиях из прошлого историк показывает, как это суждение работает. Так, он берет пример, связанный с завоеваниями Александра Македонского. С одной стороны, Македонский – это объект эллинской культуры, с детства воспитанный на советах древнегреческого оратора Исократы, который считал необходимым завоевать Малую Азию, построить в ней города и заселить их переселенцами из Греции. С другой стороны, Македонский – это субъект культурного взаимодействия Запада и Востока. Его полководческий гений простимулировал процесс, в результате деятельности которого эллины вошли в контакт с совсем иными традициями и верованиями, положив начало многовековой ассимиляции народов Востока и запада.

Имеется еще один важный аспект понимания личности. Для Кареева личность – это важный участник культурного диалога. Из текстов русского профессора видно, что для него нет такого вопроса, кто важнее – человек или массы. Для него каждый человек уникален, с той лишь разницей, что один субъект может быть активным, как, например, Александр Македонский, а другой – не совсем. Например, известно, что Амасис II – фараон, правящий в VI

веке до н.э., активно помогал обустройству греков, переселяющихся в Египет. Кареев отмечает, что, возможно, процесс расселения эллинов длился бы гораздо дольше и с другими результатами, если бы не этот правитель, с его личными симпатиями к образованным грекам. В итоге, умелому участнику подобного диалога культур, Амасису удалось практически преодолеть вражду между греками-эмигрантами и коренным населением.

Другой пример из текстов Кареева иллюстрирует факт того, как историческая личность способна использовать разный арсенал для усиления коммуникаций. Царь Навуходоносор оценивается Кареевым как правитель, мечтавший не столько о покорении мира, сколько об укреплении пределов границ, доставшихся ему после дележа ассирийских земель между Вавилоном и Мидией. Именно с этой целью он приказал прорыть четыре канала между реками Тигр и Евфрат для прохода торговых судов, при нем была создана уникальная по тем временам система водоснабжения с искусственным водоемом и был основан торговый порт в устье Евфрата (Михайлова, 2023). Однако, не только монументальным строительством и приобретенными территориями значит для Кареева эта историческая личность. Царь Навуходоносор, в глазах русского профессора, символизирует тот факт, как важны для человечества коммуникации, познание и правильное общественное устройство, учитывающие интересы всех слоев населения.

В заключении можно сказать, что гуманистические взгляды Кареева отражают кредо русского стиля мышления, которое можно сформулировать следующим образом: теория познания ничего не значит без соотнесения ее с этической целью познания, а определение получаемого блага для человека – без соотнесения с силой личностного развития. Описанные в статье примеры ярко иллюстрирует методологический подход Кареева. Как позитивист он движется в русле последовательной аргументации, где все факты обоснованы и не вызывают сомнений; как сторонник понимающей психологии он находит яркие дискурсивные характеристики оживающего перед читателем прошлого.

Библиографический список

1. Ильин В. В. Введение в философию / В. В. Ильин, С. А. Лебедев, Б. Л. Губман / под ред. С. А. Лебедева. Москва : Проспект, 2019. 368 с.
2. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. Обе части в одном томе. Изд. 3-е, сокращ. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. 456 с.
3. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое / авт. вступ. и коммент. В. П. Золотарева. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 384 с.
4. Малинов А. В. Н.И. Кареев. Общая методология гуманитарных наук // Вече. 2011. № 22. С. 147-174.
5. Мазилев В. А. Методологические подходы в современной психологии // Методология современной психологии. 2023. № 18. С. 292-299.
6. Мазилев В. А. Научная психология в поисках своего предмета // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3 (126). С. 89-104.
7. Михайлова Е. Е. Начало культурного взаимодействия Востока и Запада в оценке Н.И. Кареева // Вестник тверского государственного университета. Серия «Философия». 2023. № 1 (63). С. 174-182.
8. Рубцова Н. Е., Леньков С. Л. Опросник «Интегративно-типологическая профессиональная направленность личности»: разработка второй версии // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 1 (130). С. 158-170.
9. Рыбас А. Е. Позитивная философия в России конца XIX – первой трети XX вв. Mauritius : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. 324 с.
10. Слепко Ю. Н. Объяснение в психологии и коммуникативная методология // Методология современной психологии. 2023. № 17. С. 274-383.
11. Слепко Ю. Н. Проблемы междисциплинарного взаимодействия психологии и естественных наук // Методология современной психологии. 2021. № 13. С. 372-380.

В.Н. Панферов, С.А. Безгодова, С.В. Васильева, А.В. Микляева

ЧЕЛОВЕК - УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Аннотация. В статье обосновывается тезис об универсальности человека как объекта психологического познания в науке и практике, раскрывающий один из ключевых аспектов интегративного подхода к психологии человека, который разрабатывается сотрудниками Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. На основе реализации принципа объект-предметного единства в качестве предмета психологического познания, позволяющего преодолеть констатируемый сегодня разрыв между психологической наукой и практикой, предлагается рассматривать психологию человека как объективацию его психического потенциала во взаимодействии с различными сторонами объективной действительности.

Ключевые слова: психология человека, психический потенциал, интегративный подход, объект-предметное единство, психологическое познание, наука, практика.

V.N. Panferov, S.A. Bezgodova, S.V. Vasileva, A.V. Miklyeva

HUMAN IS A UNIVERSAL OBJECT OF PSYCHOLOGICAL UNDERSTANDING IN SCIENCE AND PRACTICE

Abstract. The article substantiates the thesis about the universality of human as an object of psychological understanding in science and practice, revealing one of the key aspects of the integrative approach to human psychology, which is being developed in the Herzen State Pedagogical University of Russia. The authors propose to consider human psychology as the objectification of mental potential in interaction with various aspects of objective reality, based on the implementation of the principle of object-subject unity as a subject of psychological investigation, which contributes to overcome the existent gap between psychological science and practice.

Keywords: human psychology, mental potential, integrative approach, object-subject unity, psychological understanding, science, practice.

Введение. Дискуссии об объекте психологической науки активно ведутся на протяжении всего периода ее развития и уходят корнями в донаучный период осмысления закономерностей душевной жизни. Опираясь на «онтологическую бинарную оппозицию», противопоставляющую объект науки познающему его субъекту с опорой на принципиальные различия природы их бытия («объектное – субъектное»), а также на «гносеологическую бинарную оппозицию», дифференцирующих объекта и субъекта познания по их роли в реальном познавательном процессе («объективное – субъективное»), психологи в тех ее аспектах, которые сфокусированы на проблемах становления и развития психического потенциала *человека*, на протяжении многих лет лавирует в этом вопросе между двумя содержательно полярными точками зрения. Согласно первой из них, наиболее широкой распространенной, объектом психологического познания являются *закономерности психики* как особой формы жизнедеятельности человека. Вторая точка зрения позволяет выделить в качестве объекта психологического познания *человека*.

Причины констатируемой сегодня дуалистической трактовки объекта психологического познания, по нашему мнению, отражают историческую логику становления научно-психологического знания. Классические подходы к психологическому познанию, сложившиеся в парадигме экспериментальной психофизики и позднее нашедшие отражение в методологических принципах объективной психологии, бихевиоризма и когнитивизма, развивались

в логике, заданной методологической рамкой естественных наук, для которых характерно разделение субъекта и объекта познания при сохранении объект-предметного единства, обусловленного тем, что изучаемые свойства не отделяются от объекта исследования и рассматриваются как *ego* атрибутивные характеристики: объект исследования, становясь, в терминологии Г.В. Гегеля, «бытием-для-познающего субъекта», сохраняет при этом свой онтологический «объектный» статус. Однако в логике развития психологической науки, становление которой, как известно, происходило с опорой на методологию естественных наук, сохранить объект-предметное единство в полной мере не удалось.

Этому способствовало, в частности, доминирование психофизической парадигмы на первых этапах развития психологии как самостоятельной области научного знания, благодаря которому в фокусе внимания исследователей парадоксальным образом оказались свойства объекта психического отражения, а не те феномены «внутренней» активности человека, которые обеспечивают отражение этих свойств. В результате произошло «расщепление» объекта и предмета психологического познания, предполагающее изучение характеристик психического потенциала через анализ свойств объектов, с которыми взаимодействует человек как его носитель, что способствовало появлению и закреплению разрыва между представлениями о психической организации человека и его реальной жизнедеятельностью. Это, в свою очередь, существенно снизило практическую ценность научно-психологических знаний, сокращая возможности их применения для совершенствования инструментов психологической поддержки и помощи, обеспечив тем самым на долгие годы глубокий разрыв между психологической наукой и психологической практикой. Попытка преодоления этого разрыва была предпринята в психоанализе и, впоследствии, в экзистенциально-гуманистических концепциях личности, ориентированных на помощь конкретным людям, которые предложили, по сути, первые интегративные модели личности, стремящиеся, в отличие от классических аналитических моделей психики, целостно воспроизвести проявления психической организации человека в его взаимодействии с различными сторонами действительности. Будучи широко востребованными в практике, эти модели не нашли полного теоретико-методологического воплощения и не смогли встроиться в корпус научно-психологического знания, однако продемонстрировали продуктивность целостного подхода к психологическому познанию человека, в котором объектом становится *человек в единстве своих свойств*.

Сказанное выше определяет значимость для становления психологической науки развития идеи о том, что универсальным объектом познания в психологической науке и практике является целостный человек в единстве своих многообразных свойств. Ниже приведены аргументы, поддерживающие основную идею статьи, вынесенную в ее название.

Человек как объект психологического познания в науке. Научно-психологическое познание, преодолевающее обозначенный выше объект-предметный дуализм, предполагает опору на постулат о целостности человека. Традиции целостной трактовки человека, возникшие еще в античности и нашедшие первоначальное выражение в идее о человеке как микрокосме и затем прошедшие красной нитью сквозь труды ведущих философов средневековья, эпохи Возрождения, Просвещения, в XX веке получили новое развитие в труде П. де Шардена «Феномен человека» (де Шарден, 1987), в котором человек предстает «ключом к Универсуму», трансформирующим в ходе эволюционного процесса первичные формы жизни, возникающие в результате биохимического синтеза, в качественно иные, обеспечивающие достижение в социальном (коллективном) взаимодействии высших уровней адаптации к любым изменениям.

В контексте психологической науки эти идеи нашли наиболее полное воплощение в работе Б.Г. Ананьева «Человек как предмет познания» (Ананьев, 1969), в которой одними из ключевых идей являются положения о межпредметном синтезе в познании человека и интегративной функции психологической науки в знании о нем. Опираясь на классификацию наук Б.М. Кедрова, Б.Г. Ананьев последовательно развивал тезис о том, что человек

представляет единство свойств природы и общества. Основу его подхода составили теоретические и экспериментальные исследования индивидуального развития человека, синтезированные в *человекознание*.

Область человекознания, по Б.Г. Ананьеву – это одна из междисциплинарных областей научного знания, в которой осуществляется синтез знаний, составляющих предметные поля различных наук (естественных, технических, социогуманитарных), которые, однако «встречаются» в предметном поле психологии, раскрывая новые перспективы познания человека.

Отмечая, что «в ближайшее десятилетие теоретическое и практическое человекознание станет одним из главнейших центров научного развития» (Ананьев, 1969, с. 6), Б.Г. Ананьев обосновывал свой прогноз тремя важными тенденциями в развитии науки, отчетливо обозначившимися к середине XX века. Первая из них заключалась в том, что к этому времени проблема человека приобрела статус универсальной научной проблемы, актуальной для всех без исключения наук, в связи с осознанием решающей роли человека как субъекта познания в продуцировании научного знания. Вторая тенденция связана, по мнению Б.Г. Ананьева, с возрастающей дифференциацией научного знания о человеке, приводящей к его дроблению. Наконец, третья тенденция выражалась в увеличении внимания к междисциплинарным исследованиям, результаты которых позволяли бы дать комплексную характеристику человека в единстве его свойств, имеющих разнообразную природу. В работе «Человек как предмет познания» Б.Г. Ананьев обращал особое внимание на то, что именно «антропологизация» науки, предполагающая выдвижение на первый план человека в качестве универсального объекта научного познания, будет способствовать прогрессивному развитию «различных разделов естествознания и общественных наук в новом синтетическом человекознании» (Ананьев, 1969, с. 13), что, однако, возможно, только на базе прогресса в философском осмыслении целостного человека.

Обращая особое внимание на последствия систематического применения принципов комплексного исследования человека в научном познании, Б.Г. Ананьев подчеркивал, что именно междисциплинарное знание в наибольшей степени отвечает задачам осмысления практического потенциала научных открытий, с одной стороны, и задачам развития различных областей науки, с другой стороны. Развивая эти идеи, отметим, что сближение науки и практики обеспечивается в этом случае благодаря возможности реализовать принцип объект-предметного единства, возвращающий внимание психологов-исследователей к характеристикам человека как объекта научного познания, находящих отражение в его *психологии* и обеспечивающий возможность изучения *объективации психического* в многообразных формах взаимодействия человека с миром.

Психология человека представляет собой *онтологическую форму проявления* психической организации человека. Идеальная сущность психики объективируется во взаимодействии человека с миром и благодаря этому осознается как его внутренний психический потенциал. В научно-психологическом познании, реализующем принцип объект-предметного единства, психологические качества человека осмысляются как данность его психической организации, а человек предстаёт в роли носителя психологических качеств личности, в которых проявляются особенности его психического потенциала, что в совокупности позволяет трактовать психологию человека в качестве предмета научно-психологического познания.

Человек как объект психологического познания в практике. Психология человека, изучение которой, как было показано выше, является ключевым способом научного познания психической организации человека, в то же время представляет собой неотъемлемую составляющую любого аспекта общечеловеческой практики. Реализация принципа объект-предметного единства в контексте решения задач психологической практики с необходимостью приводит к анализу проявлений характеристик человека в его взаимодействии со средой, задачи повышения качества адаптации к которой составляют основное содержание практической деятельности в области психологии. В связи с этим в психологической практике человек как объект познания раскрывается в разнообразных эффектах социальной перцепции, в про-

цессе которой формируются целостные образы людей как партнеров по социальному взаимодействию. В этих образах снова обнаруживается *психология человека*, уже упоминавшаяся выше в качестве объекта научного познания, которая в данном контексте предстает в виде целостных образов – «психологических портретов», определяемых (объективирующихся) в понятиях о психологических качествах личности (например, «серая личность» и т.д.). В этих образах происходит интегральный психологический синтез внешнего облика с психологическим содержанием как внутренним качеством человека, что определяет их регуляторный потенциал во взаимодействии людей друг с другом, что, в свою очередь, позволяет рассматривать содержание этих образов в качестве основных «мишеней» психологической практики.

Заключение. Идеи об интеграции психологической науки и практики активно обсуждаются на протяжении последнего столетия. В частности, в отечественной психологии эти идеи нашли первоначальное воплощение в педологии и психотехнике. Однако последовавшее в конце 1930-х гг. свертывание деятельности этих направлений привело к переориентации психологической науки на преимущественно теоретические исследования. Возрождение психологии труда и расширение социально-психологических исследований в 60-е годы XX века вновь обратило внимание психологии на проблему соотносительности теоретических моделей психической организации человека и феноменологии человеческого взаимодействия с различными аспектами действительности. Одна из наиболее значимых методологических рамок интеграции психологической теории и практики была задана в концепции человекознания Б.Г. Ананьева, обладающей выраженным эвристическим потенциалом, и, в частности, послужившей основанием для возникновения *интегративного подхода к познанию психологии человека*, сложившегося в конце XX века в Герценовском университете (Панферов, 2015). Этот подход основан на понимании психологии человека как интегральной реальности взаимодействия людей с различными сторонами действительности, выступающей в качестве предмета научно-психологического и житейского познания психического потенциала человека. Будучи результатом функционирования человеческого сознания и решая задачу регуляции человеческих отношений, психология человека, таким образом, может рассматриваться в качестве ключевого фактора исторического развития человека и общества.

Интегративный подход к познанию психологии человека успешно реализуется в образовательной практике Герценовского университета на протяжении нескольких последних десятилетий в контексте преподавания учебной дисциплины «Основы психологии человека». В учебных пособиях, разработанных в этой методологической парадигме (например, (Панферов, 2002; Панферов, Волохонская, Микляева, 2016а; Панферов, Волохонская, Микляева, 2016б; Панферов, Микляева, Румянцева, 2009), реализован принцип целостной репрезентации психологии человека, что позволяет обучающимся увидеть практический потенциал психологической теории и теоретическую обоснованность психологической практики. В основе данного подхода лежит идея о человеке как универсальном объекте познания в науке и практике, обоснованная в представленной статье.

Библиографический список

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Ленинград : ЛГУ, 1969. 340 с.
2. де Шарден П. Т. Феномен человека. Москва : Наука, 1987. 239 с.
3. Панферов В. Н. Интегральный синтез психологии человека: в науке, в образовании, в социальном взаимодействии. Санкт-Петербург : РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 761 с.
4. Панферов В. Н. Психология человека. Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова, 2002. 254 с.
5. Панферов В. Н. Общая психология. Теоретические основы. Учебник и практикум / В. Н. Панферов, М. С. Волохонская, А. В. Микляева. Москва : Юрайт, 2016а. 296 с.
6. Панферов В. Н. Общая психология. Основные психические явления. Учебник и практикум / В. Н. Панферов, М. С. Волохонская, А. В. Микляева. Москва : Юрайт, 2016б. 373 с.
7. Панферов В. Н. Основы психологии человека / В. Н. Панферов, А. В. Микляева, П. В. Румянцева. Санкт-Петербург : Речь, 2009. 431 с.

КОММУНИКАТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ТЕХНОЛОГИИ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. В статье обсуждается актуальная для современной психологической науки проблема интеграции психологического знания средствами коммуникативной методологии. Рассматриваются различные подходы к интеграции психологического знания в отечественной и зарубежной психологии. Утверждается, что разработанная В.А. Мазилковым модель коммуникативной методологии позволяет значительно более позитивно решать проблему интеграции психологического знания за счет разработанной в ней инвариантной модели коммуникации. Последняя включает возможность анализа многочисленных теоретических и эмпирических данных на основе выделения так называемой предтеории, включающей следующие структурные компоненты: идею метода, базовую категорию, моделирующее представление, организующую схему. На примере анализа исследований разных психологических феноменов показана реальность интеграции психологического знания средствами коммуникативной методологии психологии. Утверждается, что актуальной и научно значимой задачей современной психологии является апробация и реализация технологии коммуникации исследований многочисленных феноменов, входящих в предмет психологической науки.

Ключевые слова: коммуникативная методология, интеграция, технология интеграции, предмет психологии.

Iu.N. Slepko

COMMUNICATIVE METHODOLOGY: FROM THEORY TO TECHNOLOGY OF PSYCHOLOGY INTEGRATION

Abstract. The article discusses the problem of the integration of psychological knowledge by means of communicative methodology, which is relevant for modern psychological science. Various approaches to the integration of psychological knowledge in domestic and foreign psychology are considered. It is alleged that the developed by V.A. Mazilov, the model of communicative methodology allows a much more positive solution to the problem of integrating psychological knowledge due to the invariant model of communication developed in it. The latter includes the possibility of analyzing numerous theoretical and empirical data based on the selection of the so-called pre-theory, which includes the following structural components: the idea of the method, the basic category, the modeling representation, the organizing scheme. On the example of the analysis of studies of various psychological phenomena, the reality of the integration of psychological knowledge by means of the communicative methodology of psychology is shown. It is argued that the actual and scientifically significant task of modern psychology is the approbation and implementation of communication technology for research on numerous phenomena that are part of the subject of psychological science.

Keywords: communicative methodology, integration, technology of integration, subject of psychology.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00089,
<https://rscf.ru/project/22-28-00089/>*

Обращаясь в настоящем тексте к обсуждению проблемы интеграции в психологии, необходимо отметить, в первую очередь, следующее. Вопросы и проблемы интеграции обсуждаются сегодня в самых разных отраслях научного знания - образовании (Евтеев, 2016), экономике (Арапова, 2019), социологии (Ню, 2020), психологии (Дорфман, Калугин, 2022), политике (Белых,

Иншакова, 2005), математике и информатике (Янаева, Керопова, Харченко, 2022) и мн.др. Это говорит на наш взгляд о высочайшей актуальности и потребности в интеграции научных и прикладных знаний при решении самых разных вопросов и проблем экономики, политики, общества, науки и др.

Последний вывод более чем актуален и для психологической науки, почти столетнее развитие которой в условиях методологического кризиса сопровождается непрерывным ростом научного знания о психологических явлениях, феноменах, процессах и др. Однако, несмотря на последнее, сегодня вряд ли представляется возможным говорить о единстве психологического сообщества в понимании предмета психологии; так же вряд ли мы можем со всей уверенностью назвать хоть один психологический феномен или явление, теория которого безоговорочно принималась бы в качестве единственно верной в психологическом сообществе. Конечно, все это можно назвать закономерными следствиями молодости психологической науки (да и многих других гуманитарных наук) в сравнении с науками естественными. Между тем объем данных о психических явлениях ежедневно растет, столь же стремительно возрастает число психологических концепций, что явно не приближает к единству в понимании психических явлений.

Сказанное вне всякого сомнения указывает на высочайшую актуальность и востребованность решения проблемы интеграции в психологии. Несмотря на все многообразие исследований, предметом которых является проблема интеграции, их можно условно дифференцировать на два типа. В первом случае речь идет о использовании феномена интеграции как методического средства работы практического психолога в решении тех или иных психологических проблем. При этом чаще всего речь идет о консультативной, терапевтической, развивающей работе с другим человеком (Дурманова, 2019; Суоми, 2022; Шемет, 2018). Исследований подобного типа в современной российской и зарубежной психологии проводится достаточно большое количество.

Особое место в современной российской психологии занимает разработка методологической проблемы интеграции, как проблемы, актуальность решения которой связана, в первую очередь, с развитием и функционированием самой психологической науки. Конечно, хоть сколь-нибудь полная систематизация подобного типа исследований не входит в задачи настоящей статьи. Между тем, можно выделить ряд направлений исследования феномена интеграции как методологической проблемы психологии. Во-первых, можно говорить о разработке проблем интеграции психологического знания (Дорфман, Калугин, 2022; Сергиенко, 2018); во-вторых, о разработке совокупности проблем внутри- (Приленский, Приленская, 2014) и междисциплинарной (Полтавцева, 2002) интеграции психологии; в-третьих, о интеграции российской психологии в мировую психологическую науку (Мироненко, 2018). Конечно, каждое из отмеченных направлений исследований анализирует трудности и препятствия реализации интегративных процессов. Однако, можно выделить и специальные исследования, в которых последние вопросы занимают специальное место и обсуждаются систематически (Козлов, 2018; Мазилев, 2021).

Отметим, что проблема интеграции не менее активно обсуждается и в зарубежной психологической науке. При этом краткий обзор подобного рода исследований позволяет говорить о том, что типы интеграционных исследований схожи в российской и зарубежной психологии. Так, можно говорить о исследованиях междисциплинарной интеграции психологии и эволюционной теории (Kraut, Rosenn, 2011), психологического и религиозного знания (Schottenbauer, Rodriguez, Glass et al., 2006); о исследованиях проблем внутридисциплинарной интеграции в когнитивных науках (Bender, 2022), психоаналитических теориях (Sedgwick, 2015), карьерном консультировании (Lindo, Cartwright, Ceballos et al., 2019), интеграции психометрических и нейропсихологических исследований (Llewellyn, 2008) и мн.др. При этом стоит особо отметить, что интеграционные тенденции в зарубежной науке носят исторически обусловленный характер. Например, разработка Р. Кеттеллом известной теории личности сопровождалась обсуждением проблем интеграции знаний о личности в психологии и социологии (Cattell, 1950). Развитие бихевиоризма сопровождалось обсуждением проблем интеграции знаний о поведении и разработкой принципов интеграции в объективной психологии (Mursell, 1924) и др.

Итак, и в зарубежной, и в отечественной психологии проблема интеграции обсуждается активно; она имеет исторически обусловленный характер. При этом важно разделять два типа интеграционных исследований, каждое из которых направлено на получение специфического результата. Во-первых, широко реализуется подход к интеграционной работе как методическому средству решения прикладных задач (например, в психологии это решение проблем интегрирования личности в процессе консультирования, терапии, развития и т.п.). Второй тип исследований связан с решением совокупности методологических проблем психологии - интеграции внутри- и междисциплинарной, интеграции психологических знаний, интеграции российской и зарубежной науки и т.д.

В настоящем исследовании мы бы хотели обратиться к обсуждению именно второго типа проблем интеграции, так как их значимость и актуальность для психологической науки сложно переоценить. Есть ряд существенных причин, обосновывающих особую актуальность решения данного типа проблем. Не претендуя на полноту, кратко обозначим их.

Во-первых, начиная с первых лет самостоятельного существования психологической науки, отделившейся от философии и физиологии, объем психологических знаний непрерывно возрастал и расширялся. В настоящее время вряд ли представляется возможным хоть сколь-нибудь приблизительный подсчет эмпирического и экспериментального материала о всем многообразии психических явлений, исследуемых психологами. Конечно, возможность получения обоснованных эмпирических данных является одним из признаков научности психологии, однако неконтролируемость роста этих данных часто приводит к размыванию определений и пониманий психологических явлений и феноменов. Не сложно вспомнить характерные примеры Г. Оллпорта, нашедшего 50 определений понятия личность, или пример Э. Боринга, определившего интеллект как то, что измеряется тестами интеллекта. Аналогичные печальные примеры легко привести и в отношении множества других психологических понятий и определений.

Во-вторых, следующей из первой является проблема воспроизводимости и верификации данных эмпирических исследований. Воспроизводимость исследований и получаемых психологами данных является еще одним важнейшим критерием научности дисциплины. Однако, в исследованиях, например, Brian Nosek и коллег было показано, что нельзя с полной уверенностью говорить как о возможности подтвердить результаты проанализированных им эмпирических исследований, так и опровергнуть их (Nosek, 2015). В ходе повторного анализа данных 100 экспериментальных и корреляционных исследований им было установлено более чем двукратное снижение надежности полученных данных. Выводы В. Nosek говорят не о невозможности воспроизвести результаты исследований, а о снижении их достоверности в ходе повторных измерений. Правда, несмотря на популярность работы В. Nosek (вместе с ним в проверке участвовали 270 других психологов), возникают сомнения в надежности самого подхода к проверке - стремясь максимально повторить условия анализируемых исследований, В. Nosek с коллегами вряд ли могли обратиться к «первичным» испытуемым для их повторной диагностики.

В-третьих, следствием первого и второго является непрерывное возрастание психологических концепций, подходов, теорий многочисленных психических феноменов, явлений, процессов и пр. Не сложно обнаружить в профильной литературе описания десятков, если не сотен, концепций и теорий мышления, творчества, интеллекта, способностей и др. Не сложно предположить также, что после обнаруженных Г. Оллпортом 50-ти определений понятия личность их число возросло существенно.

В-четвертых. Удивительно, что непрерывный рост и психологических данных, и их обобщений в виде концепций, подходов, теорий не приводит к появлению единого и общепринятого определения предмета психологической науки. В отечественной психологии формулировки предмета часто ограничиваются традиционным декларированием изучения психологией соответствующих процессов, свойств и состояний. В зарубежной психологии популярны исследования поведения, личности, когнитивных, бессознательных явлений и феноменов и мн.др. При всем этом хоть какого-то формального единства в определении предмета психологии не наблюдается. Это,

конечно, не отменяет того факта, что практически любой современный учебник по общей психологии дает определение предмета психологии, что можно называть решением проблемы на декларируемом уровне.

Конечно, отсутствие в качестве актуальной проблемы определения предмета психологии может быть обосновано относительной молодостью психологической науки и необходимостью поиска и описания всего многообразия психических явлений. И лишь после этого будет возможным решение проблемы предмета. Стоит напомнить, что история, например, физики как самостоятельной науки началась лишь в период Нового времени, история математики берет свое начало в Древнем Востоке и т.д. Однако на наш взгляд, это не отменяет того, что для развития психологической науки важным является задание относительно четких рамок, в которых может помещаться все пространство психического. Вместе с этим интеграционные процессы должны происходить непрерывно, систематизация и обобщение многочисленных данных психологических исследований должны обеспечивать сохранение границ психологической науки в рамках пространства психических явлений.

Реализация сказанного возможна различными способами. Например, средствами набирающего в современной отечественной психологии психометрического подхода к изучению понятий, подходов, направлений исследований (Журавлев, Костригин, 2023); средствами системно-сетевых технологий анализа психологических понятий (Журавлев, Сергиенко, 2022); средствами верификации психологических исследований (Nosek, 2015) и др. Однако при всех несомненных достоинствах указанных подходов, они не позволяют проникнуть в сущность анализируемых подходов, концепций, теорий. Последнее возможно на методологическом уровне их анализа, когда предметом аналитической работы становятся идеи авторов концепций. Разработка методологии и технологии анализа именно этого уровня психологического знания является наиболее трудоемкой и наиболее актуальной проблемой, позволяющей приблизиться и к решению проблемы интеграции, и к решению проблемы предмета психологии.

Одним из возможных подходов к решению проблемы интеграции психологического знания является разработанная В.А. Мазиловым коммуникативная методология психологической науки (Мазилов, 2008; Мазилов, 2017; Мазилов, 2021 и др.). Существенным достоинством последней является реальная возможность реализации интегративных процессов в психологии на основе технологии коммуникации имеющихся знаний о многочисленных психических явлениях, феноменах, проблемах и т.п. Кроме того, подход В.А. Мазилова заметно отличает от других его разработок на основе когнитивной методологии психологии, в которой было обосновано решение ключевых проблем методологии психологии - парадигмального статуса психологии, предмета, метода, факта, объяснения и др. Учитывая, что содержание коммуникативной методологии уже было неоднократно представлено в работах В.А. Мазилова (см., например, Мазилов, 2017, с. 333-345), здесь лишь кратко обозначим основные ее положения в виде тезисов.

Коммуникативная методология психологии

1. Коммуникативная методология является способом целенаправленной интеграции психологического знания.

2. Коммуникативная методология направлена на соотнесение психологических концепций с использованием специально разработанной теоретической модели. Последняя и позволяет интегрировать психологическое знание. Заметим, что интеграция знания нужна не сама по себе, а в целях расширения представлений о соотносимых психологических феноменах и явлениях, учета всех возможных аспектов функционирования этих феноменов, как результат - формулирование обобщенных теорий психических явлений и феноменов.

3. Особенно отметим также заботу автора о обосновании актуальности коммуникативной методологии не только задачами интеграции психологического знания, но и необходимостью преодоления ряда существенных трудностей в реализации интеграции, существующих и в отечественной, и в зарубежной психологии.

Во-первых, это наличие противоречия между декларируемым в сообществе стремлением к коммуникации и отсутствием реальных подвижек в этом процессе; декларации к интеграции являются, реальное интегрирование знания происходит крайне редко. В качестве заслуживающих

пристального внимания современных подходов к интеграции психологического знания можно привести цикл изданий сотрудников Института психологии РАН, приуроченный к юбилею Института (Журавлев, 2022), исследования научного коллектива РГПУ им. А.И. Герцена под руководством В.Н. Панферова (Панферов, Микляева, 2019), интегративный подход В.В. Козлова (Козлов, 2023) и ряд других. Здесь же отметим, что несмотря на хорошо известные в психологии модели интеграции психологического знания (Л.С. Выготский, К. Бюлер, К.К. Платонов, М.Г. Ярошевский, Б.Ф. Ломов, А.В. Петровский и др.), важнейшей задачей является систематизация интеграционных исследований в отечественной и зарубежной психологии. При этом такой анализ должен носить исторический характер.

Во-вторых, еще одним препятствием к целенаправленной интеграции знания является противоречие между установкой психологического сообщества на получение оригинальных и новых результатов и недостаточным вниманием к опыту исследований изучаемых проблем предшественниками. Автор коммуникативной методологии дал прекрасные примеры, иллюстрирующие это противоречие (Мазилев, 2017, с. 334-339), в связи с чем не будет останавливаться на этом подробнее. Заметим лишь, что установка на оригинальность и новизну часто связана с тем, что исследователю по разным причинам легче дать описание нового результата, чем обобщить опыт предшественников.

В-третьих, еще одним препятствием к интеграции, являющимся следствием использования психологией моделей организации естественных наук, является представление о принципиальной несоизмеримости психологических концепций и теорий. Подробное обоснование спорности применения идей Т. Куна о несоизмеримости теорий к психологии дано автором коммуникативной методологии. Поэтому здесь отметим лишь, что одним из существенных положений коммуникативной методологии является представление о возможности соотнесения и соизмерения концепций и теорий в психологии. Последнее, собственно, является средством реализации модели интеграции психологического знания.

Технология коммуникации и интеграции психологического знания

Как мы уже отмечали, материалом для коммуникации являются многочисленные концепции и теории психических феноменов, явлений, процессов, состояний и др. Принципиально важно разделять *теорию* как результат исследования - теоретического, эмпирического, экспериментального (теории мышления, интеллекта, творчества, способностей, совладающего поведения, личности, деятельности и т.п.) и *предтеорию* «как комплекс исходных представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследований» (Мазилев, 2017, с. 342). Таким образом коммуникативный анализ происходит на уровне именно предтеории, где могут быть выделены единые и специфичные для разных теорий представления о изучаемой проблеме, методе ее исследования, форме организации исследования проблемы. Именно выбор исследователем предтеории и определяет то, какие результаты конкретного исследования проблемы будут получены.

Предтеория как методологическая конструкция включает в себя совокупность универсальных *компонентов*, характеризующих предтеорию любой психологической проблемы. Эти компоненты следующие:

1. *Моделирующее представление* - это способ конкретизации изучаемой проблемы, определение того, как и в чем проявляется изучаемый феномен.

На примере феномена *мышления* В.А. Мазилевым было показано, что в психологии существует множество психологических форм его проявления. Мышление рассматривается как решение задач, соотнесение понятий, понимание выражений, построение умозаключений, прохождение лабиринта и др. Аналогично этому не так сложно выделить совокупности моделирующих представлений о, например, феномене *творчества*. Творчество может рассматриваться как эвристическая деятельность, развиваемая по собственной инициативе субъекта (Богоявленская, 2021); как «чувствительность к проблемам..., выявление трудностей; поиск решений, построение догадок или формулирование гипотез о недостатках...» (Торгенс, 1965, р. 663-664); как использование интуитивного опыта в процессе творческой деятельности (Журавлев, Ушаков, 2015; Пономарев, 1976) и др.

2. *Идея метода.* Используемое исследователем моделирующее представление (как и в чем проявляется изучаемая проблема) определяет метод его изучения. Так, если предметом исследования является непосредственный опыт, используется метод самонаблюдения (опросники, анкеты, интервью и т.д.); если предметом исследования является поведение, используется объективный метод (наблюдение, анализ продуктов деятельности и пр.).

В случае приведенных примеров с разными моделирующими представлениями о творчестве мы можем говорить о использовании в процессе его исследования как субъективных, так и объективных методов. Например, при изучении интуитивных характеристик творчества может быть использовано как наблюдение за действиями испытуемых в процессе решения задач, так и самоотчеты испытуемых о способах решения последних.

3. *Базовая категория.* Выбор метода исследования позволяет далее определить общую ориентацию исследования, направленную на изучение интересующего исследователя феномена. Общая ориентация задается выбором базовой психологической категории, отражающей изучаемый феномен в разных его аспектах и плоскостях. При изучении феномена может анализироваться ряд следующих аспектов:

- а) структурная организация феномена (базовая категория - структура);
- б) процессуальная организация феномена (базовая категория - процесс);
- в) функциональная организация феномена (базовая категория - функция);
- г) уровневая организация феномена (базовая категория - уровень);
- д) генетическая организация феномена (базовая категория - развитие).

Заметим, что именно на примере базовых категорий хорошо отражается ключевая цель интеграции психологического знания - она ведет не к выбору одной из конкурирующих концепций или теорий (лучшей теории), а к более полному объяснению феномена за счет анализа разных аспектов его организации.

Например, хорошо известные теории интеллекта (Дж. Кеттелл, Ч. Спирмен, Л. Терстоун, Дж. Гилфорд, Л. Пенроуз и Дж. Равен, Р. Амтхауер и др.) отличаются друг от друга представлением о структурной организации интеллектуальных способностей (одно- или многофакторная организация). Не вдаваясь в использованные авторами теорий доказательства, отметим, что можно доказать как правоту одних, так и правоту других (многое зависит, например, от того, какой тип многомерных методов статистики мы будем использовать). Выбор той или иной теории определяется часто предпочтениями их сторонников, но не отменяет того факта, что феномен интеллекта можно рассматривать и как общую способность (G-фактор), и как совокупность способностей (S-факторы). Аналогично сказанному можно выделить многообразие процессуальных, функциональных, уровневых, генетических особенностей интеллекта. И только комплексный анализ интеллекта во всем многообразии форм его организации позволит дать его полноценную картину.

4. *Организирующая схема.* Выбор базовой категории в объяснении и понимании изучаемого феномена определяет то, как будет организовано его эмпирическое или экспериментальное исследование. Соответственно, организирующая схема определяет выбор конкретных способов организации исследования, конкретных методик измерения, обработки данных и пр.

Итак, предложенная в коммуникативной методологии универсальная структура предтеории может быть использована при интеграции знаний о фактически любом психологическом феномене. К сожалению, в настоящее время явно недостаточно позитивных примеров интеграции с использованием технологии коммуникативной методологии. Это является актуальной и сверхзначимой задачей современной психологической науки. Подчеркнем еще раз, что коммуникативная методология направлена не на выбор лучшей из конкурирующих теорий, а на их сопоставление и формулирование более общих теорий, учитывающих все многообразие организации психических феноменов и явлений.

Библиографический список

1. Арапова Е. Я. «Интеграция интеграций» и перспективы БРИКС+ // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 4. С. 5-13.

2. Белых А. Г. Теория интеграции: общая политика как основа многонациональной интеграции / А. Г. Белых, А. О. Иншакова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2005. № 7. С. 43-54.
3. Богдавленская Д. Б. О понятии «творчество» и «одаренность» / В сб.: Психология творчества и одаренности. Москва : Ассоциация технических университетов, 2021. С. 5-13.
4. Дорфман Л. Я. Интеграция знания в современной психологической науке: кросс-теоретические интеграции и эмпирические модели / Л. Я. Дорфман, А. Ю. Калугин // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 32. № 3. С. 235-246.
5. Дурманова Т. Ю. Технология песочной терапии как способ интеграции детей и подростков, находящихся в социально опасном положении // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т. 2. № 8. С. 335-340.
6. Евтеев В. С. Проблема разграничения понятий «интеграция», «междисциплинарная интеграция», «интеграция математического образования» / В сб.: Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Сер. «Педагогика». Елец : ЕГУ, 2016. С. 223-230.
7. Журавлев А. Л. Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН) / А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5-14.
8. Журавлев А. Л. Функции и принципы наукометрического подхода в психологии / А. Л. Журавлев, А. А. Костригин // Методология современной психологии. 2023. № 18. С. 112-122.
9. Журавлев А. Л. Я.А. Пономарев и психология творчества: от классики к современности / А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 5-11.
10. Козлов В. В. Интегративная психология. Москва : МАПН, 2023. 748 с.
11. Козлов В. В. Интеграция психологии: мифы и реальность // Методология современной психологии. 2018. № 8. С. 143-154.
12. Мазилев В.А. Интеграция психологического знания как методологическая проблема психологии // СОТИС - социальные технологии, исследования. 2021. № 2 (108). С. 51-64.
13. Мазилев В. А. Методология психологической науки. История и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
14. Мазилев В. А. Интеграция психологического знания: методологические проблемы. Ярославль : МАПН, 2008. 122 с.
15. Мазилев В. А. Предмет психологии. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 186 с.
16. Мироненко И. А. Об отношении российского профессионального сообщества к проблеме интеграции мировой науки / В сб.: Современное состояние и перспективы развития психологии отношения человека к жизнедеятельности. Сб. научных трудов, посвященный 125-летию со дня рождения В. Н. Мясищева. Владимир : ВлГУ, 2018. С. 54-60.
17. Нью Ч. Многонациональная интеграция и региональная экономическая интеграция // Экономика и социум. 2020. № 7 (74). С. 334-340.
18. Панфёров В. Н. Принцип целостности в интеграции психологического знания / В. Н. Панфёров, А. В. Микляева // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 5-14.
19. Полтавцева Л. И. Криминалистика и психология: история, современное состояние и перспективы интеграции // Юрист-Правоведь. 2002. № 2 (5). С. 19-26.
20. Пономарев Я. А. Психология творчества. Москва : Наука, 1976. 302 с.
21. Приленский Б. Ю. Кризис клинической психотерапии и пути его интеграции / Б. Ю. Приленский, А. В. Приленская // Методология современной психологии. 2014. № 4. С. 232-237.
22. Сергиенко Е. А. От дифференциации к интеграции подходов и категорий в современном психологическом знании / В сб.: Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. Москва : ИП РАН, 2018. С. 308-331.
23. Суоми И. П. От интеграции личности к интеграции семьи и общества / В сб. Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация. Материалы Международной научно-практической конференции. 2022. № 10. С. 155-163.
24. Шемет И. С. Концепция интеграции психики как теоретическая основа практической психологии // Методология современной психологии. 2018. № 8. С. 359-370.

25. Янаева М. В. Методы и подходы к интеграции данных, проблемы интеграции информационных систем / М. В. Янаева, А. С. Керопова, А. С. Харченко // Оригинальные исследования. 2022. Т. 12. № 8. С. 38-46.
26. Bender A. Toward Greater Integration: Fellows Perspectives on Cognitive Science // Topics in Cognitive Science. 2022. Vol. 14. Iss. 1. Pp. 6-13.
27. Cattell R. B. The integration of psychology with moral values // British Journal of Psychology. 1950. Vol. 41. Iss. 1-2. Pp. 25-34.
28. Kraut R. E. Comment on relationships and the social brain: Integrating psychological and evolutionary perspectives / R. E. Kraut, I. Rosenn // British Journal of Psychology. 2011. Vol. 103. Iss. 2. Pp. 25-34.
29. Lindo N. A. Identification and Integration of Career Theory: Students' Perspectives on the Process / N. A. Lindo, A. D. Cartwright, P. Ceballos, Ch. Conner, J. Edwards, S. Blalock // The Career Development Quarterly. 2019. Vol. 67, Iss. 1. Pp. 62-76.
30. Llewellyn D. J. The Psychology of Risk Taking: Toward the Integration of Psychometric and Neuropsychological Paradigms // The American Journal of Psychology. 2008. Vol. 121. No. 3. Pp. 363-376.
31. Mursell J. L. The Principle of Integration in Objective Psychology // The American Journal of Psychology. 1924. Vol. 35. No. 1. Pp. 1-15.
32. Nosek B. Estimating the reproducibility of psychological science // Science. 2015. Vol. 349. Iss. 6251.
33. Schottenbauer M. A. Religious coping research and contemporary personality theory: An exploration of Endler's (1997) integrative personality theory / M. A. Schottenbauer, Rodriguez B. F., Glass C. R., Arnkoff D. B. // British Journal of Psychology. 2006. Vol. 97. Iss. 4. Pp. 499-519.
34. Sedgwick D. On integrating Jungian and other theories // Journal of Analytical Psychology. 2015. Vol. 60, Iss. 4. Pp. 540-558.
35. Torrance E. P. Scientific Views of Creativity and Factors Affecting Its Growth // Daedalus. 1965. Vol. 94. No. 3. Pp. 663-681.

УДК 159.9

В.А. Толочек

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ: УПОВАНИЯ И БАРЬЕРЫ

Аннотация. Обсуждаются условия организации и проведения междисциплинарных исследований в психологии; сложности и барьеры (условия, требующие согласования), условия успешной реализации (необходимость перехода к новым парадигмам, отсутствие успешных прецедентов, не разработанность основных вопросов методической интеграции (критериев согласования разных методов исследования, единиц оценки, дизайна работ и пр.), ограничения потенциала и квалификация ученого; сложности публикации материалов междисциплинарных исследований; отсутствие социального запроса и др.

Ключевые слова: психология, междисциплинарные исследования, методология.

V.A. Tolochek

INTERDISCIPLINARY RESEARCH IN PSYCHOLOGY: HOPES AND BARRIERS

Abstract. The conditions for organizing and conducting interdisciplinary research in psychology are discussed; difficulties and barriers (conditions that require coordination), conditions for successful im-

plementation (the need to move to new paradigms, the lack of successful precedents, the lack of development of the main issues of methodological integration (criteria for the coordination of different research methods, assessment units, work design, etc.), capacity limitations and qualifications of a scientist, difficulties in publishing materials of interdisciplinary research, lack of social demand, etc.

Keywords: psychology, interdisciplinary research, methodology

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 22-28-00250: «Профессиональная карьера: ресурсный подход»)

Введение. В трудах методологов и ведущих ученых в последние десятилетия настоятельно воспроизводятся тезисы о целесообразности проведения междисциплинарных исследований, о грядущем переходе от разделов разделенной психологии к изучению научных проблем как системообразующих единиц научного знания (Зинченко, 2003; Карпов, 2021; Карпов, 2015; Мазилев, 2017; Мазилев, 2020; Шадриков, 2010; Шадриков, 2013; Шадриков, 2015; Юревич, 2005 и др.). Но заметного продвижения на этом пути пока еще нет. Причин этой ситуации - «схизиса» методологической рефлексии и актуальной практики научных и прикладных исследований в психологии, - много. Ключевыми видятся несколько: необходимость перехода к новым парадигмам (что крайне сложно и болезненно для каждого из пионеров-первопроходцев); почти полное отсутствие успешных прецедентов (как формы, как опыта реализации новых научных технологий в гуманитарных дисциплинах); не разработанность основных вопросов методической интеграции (критериев согласования разных методов исследования, единиц оценки, дизайна работ и пр.); ограничения потенциала и квалификация ученого; сложности публикации материалов междисциплинарных исследований.

Оставляя методологам-специалистам и ведущим ученым обсуждение и разработку базовых вопросов методологии междисциплинарных исследований, остановимся на опыте реализации таких исследований (точнее, преимущественно малоуспешных попыток) в психологии спорта, психологии труда, организационной психологии (1978-2023). *Цель:* методологическая рефлексия опыта проведения научно-исследовательской и научно-практической работы. *Методы:* критический анализ литературных источников; рефлексия практики работы психологов в организациях и социальных группах.

Междисциплинарные исследования как перспектива эволюции психологии.

Едва ли можно настаивать на том, что современное состояние современной академической психологии безупречно хорошее, что желать лучшего просто нельзя, что достигнуто ее идеальное состояние. (Достаточно весомые аргументы можно найти в трудах и в заметках Дж. Брунера, В.П. Зинченко, А.В. Карпова, В.А. Мизилова, А.Р. Лурия, В.Д. Шадрикова и др., чтобы не стремиться еще что-то добавлять). Полагаю, мы просто привыкли к этому комфортному состоянию «нормальной науки» (по Т. Куну): есть «каноны», признанные авторами, редакторами журналов и сборников, рецензентами; почти обо всем, представленного как предмет исследования, можно сказать «актуально»; проведя прилежно даже небольшую работу можно акцентировать и выделить ее научную новизну, подчеркивать теоретическую значимость и пр. Удобно продолжить «линию» 10-15-летних разработок коллег (легко выделять устоявшиеся и хорошо аргументированные точки зрения, их достоинства и недостатки); несложно и уловить новый «тренд», поддержать, добавить «детали». Всегда легко работать, следуя «канонам» - есть основания надеяться, что коллеги также отметят твое участие в своих сходных по тематике публикациях; комфортно с предсказуемым успехом выступать с научным докладом. Словом, в любой сфере, в научной в т.ч., сравнительно легко следовать «проторенными путями». Любое движение в пространство малоизвестного сопряжено с множественными рисками, избыточными психофизиологическими затратами, внутриличностными, межличностными и социально-психологическими конфликтами. В ситуациях альтернатив выбор «нормального человека» предсказуем. При всей притягательности предполагаемых результатов междисциплинарных исследований должны быть дополнительные стимулы и мотивы.

Междисциплинарные исследования: барьеры внешние, барьеры субъективные.

Размышляя о сложностях организации и проведения междисциплинарных исследований (МИ) на первое место можно смело ставить множественные затруднения, ожидающие каждого ученого, подошедшего к границам возможностей доминирующей парадигмы. Длительное непонимание причин неудовлетворительного объяснения результатов НИР, мучительные длительные поиски и первоначально слабые решения, резкие и критические реакции коллеги и рецензентов — цена каждой попытки выхода в новое информационное пространство. Если к этим издержкам добавить необходимость поиска единомышленников для полноценной реализации междисциплинарного исследования, то складывается почти полная картина, когда естественные сложности ординарной НИР возводятся в квадрат и в куб. Но и в случае успешного его завершения, вероятны появления конфликтных ситуаций разного рода (в сфере искусства они нередки; почти после каждого «оглушительного успеха» соавторы болезненно «делят славу», подчеркивают свою ведущую роль). В скоромном опыте автора — предложения создания и совместного использования баз собранных эмпирических данных — кажется, ни одного раза не были полноценно реализованы ни одним из исследователей (даже в случаях открытого доступа к базам для всех). Оказывается, что даже уже собранные эмпирические данные крайне сложно включать в профессиональную картину мира (ПКМ) каждого отдельного ученого, работающего по «своей» теме.

Следующая причина - почти полное отсутствие успешных прецедентов (как формы, как опыта реализации новых научных технологий), едва ли нуждается в развернутой аргументации. У разных людей это не получается по разным причинам. Нет опыта, который можно было бы интегрировать; нет примеров, на которых можно учиться, крайне мало успешных проектов, которые могли бы вдохновлять. Воплощением таких проектов могли бы стать лонгитюдные исследования, но на «российской почве» они не приживаются. Напомню, что Б.Г.Ананьев задумал свою программу лонгитюдного изучения развития человека почти за 10 лет до ее частичной реализации, что проведена она была лишь когда ученый стал деканом, директором НИИ, академиком. На многих крупных научных конференциях обычно представлен крайне широкий спектр работ, но трудно припомнить случаи, когда их авторы объединялись бы для задач последующих совместных междисциплинарных поисков.

Несомненно важной выступают и вопросы методической интеграции (согласования методов исследования, единиц оценки, критериев выделения интегративных оценок и пр.). В этой связи выделим и сошлемся на близкую автору позицию коллег, аргументированно представленную в ряде научных публикаций, в т.ч. - и в монографии (Костин, Голиков, 2014). Много успешнее проводятся разработки даже очень широкого спектра научных и научно-практических вопросов в русле одной научной школы (Бодров, 2001; Карпов, 2021; Карпов, 2015; Поваренков, Слепко, Цымбалюк, 2019; Слепко, Поваренков, 2019; Толочек, 2015; Толочек, 2021; Шадриков, 2010; Шадриков, 2015). Итак, не разработанность основных вопросов методической интеграции (критериев согласования разных подходов, принципов, методов исследования, «единиц», дизайна работ и пр.) выступает не последним препятствием даже на стадии замысла и планирования междисциплинарных НИР.

Еще одна весомая причина, о которой принято умалчивать (в силу этических аспектов и др.) - ограничения потенциала и квалификация ученого, его социальных и профессиональных компетенций. Такие ограничения есть почти всегда и почти у всех. Один еще молод и неопытен, другой — опытен, но уже социально не мобилен; один чрезмерно скромно и не позволяет себе мыслить широко, другой — смел и вольно рассуждает о сложных явлениях. Более важно — есть стадии естественного становления человека как ученого, масштаб мышления или «зацикленность» в границах первоначальных замыслов, эвристики методик, жестко очерченного предмета исследования. Приведу показательный пример. В 1980-х гг., в работе со сборными командами в спорте высших достижений была широкая представленность представителей многих научных специализаций и дисциплин. Многим молодым явно недоставало опыта, методической и методологической культуры, но, как правило, все хорошо знали и понимали спорт (вследствие собственной успешной спортивной карьеры, активного и продолжительного личностного погружения в эту сферу). Для многих оставался открытым вопрос: почему лучшие спортсмены (призеры

и чемпионы мира, Европы, Олимпийских Игр) никак не «проявляются» в наших методиках, не получают ожидаемых тестовых «высоких оценок», их отличающих от аутсайдеров? Мы регулярно это обсуждали, обменивались своими данными в надежде, что у другого, использующего другие методики, что-то может быть более про-явленным. Тогда мы еще не знали, что это - общая «беда психометрики», общая особенность стандартных методик. (Автору этой статьи потребовалось около 30 лет, чтобы выйти в мета-позицию и найти приемлемое объяснение этих эффектов, выделить корреляты, дескрипторы, описать механизмы обеспечения эффективности деятельности единоборца (Толочек, 2015; Толочек, 2016)).

Назову еще одну причину, вероятно, отталкивающую наших коллег даже от робких замыслов - сложности публикации материалов междисциплинарных исследований. Как правило, в научных публикациях акценты ставятся на методических аспектах проведенной работы; обсуждать сложности и неудачи в ее организации и в научных поисках не принято; каждый выход за пределы «однозначно определенного предмета» и даже батареи методов - использование не типичных методов организации и проведения исследования, жестко пресекается анонимными рецензентами, поощряемых редакторами научных журналов. Ученые любят повторять ставшую афоризмом фразу Нильса Бора: «Это, конечно, сумасшедшая теория. Однако она мне кажется недостаточно сумасшедшей, чтобы быть правильной новой теорией». Но попробуйте представить в любой ВАК-й журнал статью, не соответствующую давно сложившимся представлениям о том, как должна быть написана статья, проведено исследование, представлены его результаты, и вы убедитесь, что комфортнее следовать по «наезженной колее».

Упомянем и социально-психологические аспекты проблемы. Междисциплинарные исследования не могут не быть сложно организованными, продолжительными по времени, включающими разных людей, представляющими разные ведомства и социальные групп. И нередко даже на начальной стадии начинается «борьба партий», противоборство оппонентов, неконструктивная активность лиц, не включенных в проект, и усматривающих для себя угрозу в случае его успешной реализации. (В нашем опыте, в опыте коллег, работавших в спорте высших достижений, нередки случаи, когда после первых успехов спортсменов отношения их тренера и ученых быстро разлаживаются. Один из наших крупных научных проектов в этой сфере, организованный и начатый в 198г-м г. через 3 месяца был разрушен влиятельными оппонентами.).

Хорошие исследователи редко бывают выдающимися «дипломатами». Для успешной реализации междисциплинарных проектов лидер должен также обладать особыми профессиональными компетенциями, успешно справляться с особыми социальными ролями, быть привлекательным как личность. В отличие от типичного для нас моно-ученого, ученый-координатор, ученый-интегратор — такие как И.В.Курчатов, С.П.Королев, Б.Г.Ананьев, Б.Ф.Ломов, - встречается крайне редко.

Заключение. Согласимся — будущее психологии за междисциплинарными исследованиями. К условиям его приближения отнесем организационные формы, инициируемые и создаваемые в масштабах государства (тематические проекты научных фондов, тематики тех НИР, которые формально именуется «госзаданием»; обращение крупных организаций для решения актуальных научно-практических задач в продолжении нескольких лет; научно-психологическое сопровождение управления человеческими ресурсами крупных организаций и т.п.). Все это возможно лишь тогда, когда названные учреждения и институты будут иметь *многолетние планы развития* (чего пока нет).

К условиям, побуждающих корпус ученых к планированию и реализации масштабных проектов, отнесем оптимальную возрастную структуру научных кадров, достойную зарплату, позволяющие формировать стабильные ВТК (временные трудовые коллективы, а точнее — вневременные) ученых разных возрастов и квалификации, разной специализации, способных в продолжении долгих лет передавать и принимать «эстафету лидерства». К условиям, охлаждающим намерения ученых, отнесем возможность получения «зачетных баллов малой кровью» (требуемое количество публикаций за 5 лет, индексы в РИНЦ и т.п.).

Так, например, для полноценной реализации проекта «Профессиональная карьера: Российская Федерация, XXI ст.» требуется изучение как феномена «карьера», так и его восприятия нашими современниками и удовлетворенности карьерой, успешности «вертикальной» и «горизонтальной» карьеры и состояния здоровья человека; обследование не нескольких тысяч представителей четырех-пяти сфер деятельности, четырех возрастных групп (подростков, учащихся средних и высших учебных заведений, действующих профессионалов и лиц, завершивших трудовую жизнь) на протяжении 20-40 лет; привлечение специалистов разных сфер знания (психологов, социологов, философов, экономистов, медиков, физиологов, правоведов), а точнее, их активное участие, их «погруженность» в проблему.

Для реализации подобного проекта его автору недостаточно быть всего лишь академиком, деканом, директором НИИ. Нужно еще что-то (активное участие руководителей 4-5 министерств, 10-15 организаций и предприятий и пр.); главное - должен вызреть соответствующий *социальный запрос* (каким потенциалом человеческих ресурсов мы должны и будем обладать через 10, 20, 30, 40 лет; как они должны быть распределены по сферам деятельности, по регионам страны; какой должна быть система профессиональной подготовки и переподготовки, медицинского сопровождения и профессиональной реабилитации и т.д.). В отсутствие реального социального запроса на такой масштабный проект едва ли можно ожидать «симметричного ответа» ученых. «Идеи не носятся в воздухе», к сожалению, «не носятся» и даже еще не вызревают.

Библиографический список

1. Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности. Москва : ИП РАН, 2001. 511 с.
2. Зинченко В. П. Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара (методология психологии). Том 1. / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль : МАПН, 2003. с. 98-134.
3. Карпов А. А. Теория и практика психологического анализа деятельности. Ярославль : Филигрань, 2021. 316 с.
4. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5 т. Т. 1: Метасистемный подход. Москва : РАО, 2015. 546 с.
5. Костин А. Н. Организационно-процессуальный анализ психической регуляции сложной деятельности / А. Н. Костин, Ю. Я. Голиков. Москва : ИП РАН, 2014. 448 с.
6. Мазилев В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
7. Мазилев В. А. Предмет психологии. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.
8. Поваренков Ю. П. Системогенез деятельности профессионала / Ю. П. Поваренков, Ю. Н. Слепко, А. Э. Цымбалюк. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. 162 с.
9. Слепко Ю. Н. Психология учебной деятельности школьника: Системогенетический подход / Ю. Н. Слепко, Ю. П. Поваренков. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. 263 с.
10. Толочек В. А. Стили деятельности: ресурсный подход. Москва : ИП РАН, 2015. 366 с.
11. Толочек В. А. Типовые стили спортивной деятельности как психологический феномен: ресурсы эффективности // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 70-82.
12. Толочек В. А. Психология труда. Санкт-Петербург : Питер, 2021. 496 с.
13. Шадриков В. Д. Профессиональные способности. Москва : Университетская книга, 2010. 320 с.
14. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. Москва : ИП РАН, 2013. 386 с.
15. Шадриков В. Д. Общая психология / В.Д. Шадриков, В.А. Мазилев. Москва : Юрайт, 2015. 411 с.
16. Юревич А. В. Психология и методология. Москва : ИП РАН, 2005. 312 с.

**ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
ИНТЕГРАЦИИ В ПСИХОЛОГИИ**

И.В. Антоненко

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИУМА

Аннотация. Сделан обзор существующих методологий интеграции. Описаны виды и критерии социальной интеграции. Среди них виды интеграции: общая, экономическая, политическая, правовая, социальная в узком смысле, культурная, моральная, этническая, языковая, информационная, духовная и другие. Более подробно исследована психологическая интеграция общества. Рассмотрена проблема социального доверия и основные положения социально-психологической концепции доверия. Показана прямая корреляция между уровнем доверия в обществе и его интегрированностью. Продемонстрировано, что доверие является надежным психологическим критерием интеграции социума.

Ключевые слова: социум, интеграция, методология, социальная интеграция, психологическая интеграция, доверие.

I.V. Antonenko

PSYCHOLOGICAL CRITERION OF SOCIETY INTEGRATION

Abstract. A review of existing integration methodologies is made. The types and criteria of social integration are described. Among them are the types of integration: general, economic, political, legal, social in the narrow sense, cultural, moral, ethnic, linguistic, informational, spiritual and others. The psychological integration of society is studied in more detail. The problem of social trust and the main provisions of the socio-psychological concept of trust are considered. A direct correlation is shown between the level of trust in society and its integration. It is demonstrated that trust is a reliable psychological criterion for the integration of society.

Keywords: society, integration, methodology, social integration, psychological integration, trust.

Введение. Социум может быть исследован в различных отношениях, для психологии важны его психологические характеристики. Существуют разные виды социумов в зависимости от совокупности критериев, по которым происходит их классификация. Например, более эффективные и менее эффективные общества в экономическом отношении, по типам политических систем, по преобладанию укладов в экономике, по типам производства, по особенностям культуры, по видам социальных структур, закрытые и открытые, по доминированию определенных групп в обществе, по типу преобладающего мировоззрения, по степени свободы или уровню счастья в обществе и т.п. Собственно, любой важный критерий может быть положен в основу классификации видов общества.

Среди существенных и актуальных критериев социального анализа выделяется проблема уровня интегрированности общества и проблема критериев его интеграции. В целом, критерий интеграции общества является комплексным и социальную интеграцию надо исследовать по основным социальным сферам и институтам, а также трансинституциональную интеграцию. Более интегрированные общества являются более эффективными, а люди в них более успешными и удовлетворенными, менее интегрированные общества имеют больше различных издержек, в них порождается больше внутренних проблем, в силу чего их продуктивность существенно ниже, а люди менее результативны и менее удовлетворены своим существованием.

Со второй половины XX столетия на один из первых планов как в практическом, так и научном отношении выходит проблема личного и социального доверия, значимость которой

к настоящему времени только возрастает. Доверие также является важной социально-психологической проблемой, к которой за последние семьдесят лет обратилось огромное число исследователей. Многие специалисты полагают, что степень социального доверия тесно коррелирует с уровнем интеграции общества: при высоком показателе доверия в обществе оно имеет более высокую величину единства, при низком – его структура имеет тенденцию к атомизации.

Методология интеграции. К теме интеграции как методологической проблеме обращались разные исследователи. В частности, А. Уайт и ряд других философов реализуют всеобщую интеграцию, основываясь на «теории всего» (White, 2014). А. Джадж и многие другие специалисты рассматривают интеграцию всей науки через понятие трансдисциплинарности, выделяя четыре ее вида (Judge, 2005). К. Уилбер разработал интеграционный подход, объединяющий данные ряда наук о человеческом бытии (Уилбер, 2004). Н. В. Киреева исследует процессы социального интегрирования и интегрированный социум (Киреева, 2014). С методологией интеграции работает ряд психологов. Так, В. А. Мазилев разработал коммуникативную методологию, которая позволяет осуществлять процессы интеграции между различными парадигмами, школами и теориями психологии. Согласно автору, «теоретическую основу коммуникативной методологии составляет концепция соотношения теории и метода в психологии» (Мазилев, 2016). В. Е. Клочко осуществляет интеграцию психологии через трансспективный анализ (Клочко, 2005). А. В. Юревич выделяет в сфере психологии три вида процессов интеграции: вертикальные, горизонтальные и диагональные (Юревич, 2005). В. Н. Панферов разрабатывает методологию интегрального синтеза психологии (Панферов, Безгодова, 2015). К методологическим проблемам интеграции психологии также обращаются В. М. Аллахвердов, И. Е. Гарбер, И. Н. Карицкий, В. А. Мединцев, Ю. Н. Слепко, В. Ф. Турчин и др. В частности, И. Н. Карицким предложены следующие методологические подходы к интеграции психологии: через уровневую интеграцию методологических принципов, через генеральную классификацию методов психологии, через метаметодологическое пространство и через интегральную теорию психологической практики (Карицкий, 2005; 2016; 2017; 2022). Краткий обзор проблем методологии интеграции показывает, что эта тема является одной из самых актуальных в различных разделах современной науки. Рассмотренные методологические разработки по проблеме интеграции в различных сферах человеческой деятельности и науки составляют теоретическую и методологическую основу нашего подхода к исследованию психологической интеграции социума.

Виды социальной интеграции. Социологи говорят, что общество характеризуется параметром интегрированности с древнейших времен, и различают разные виды его интегрированности. Помимо общей интеграции общества выделяют, прежде всего, экономическую, политическую, правовую, социальную в узком смысле, культурную, этническую и духовную интеграцию. При этом в рамках экономической интеграции социума различают: производственную, сервисную (услуговую), торговую (коммерческую), финансовую, банковскую и другие. Экономическая интеграция общества является наиболее старой и фундаментальной, другие виды интеграции базируются и эволюционируют из нее. Интеграционные процессы в обществе тесно переплетаются с процессами его дифференциации и автономизации отдельных его сфер и институтов, собственно, являясь единым процессом социального развития. Политическая интеграция происходит из экономической как специфический процесс соотношения и согласования ранее дифференцированных социальных частей, страт, групп. В рамках политической интеграции существуют дифференционно-интеграционные процессы политических организаций, видов власти и политической борьбы. Правовая интеграция осуществляется в основном через осуществление деятельности по законодательной нормированности общества. Социальная интеграция в узком значении может трактоваться двояко как, собственно, процессы установления связей между различными частями общества и в более специальном смысле как виды социальной помощи. В первом случае это коммуникация между классами, стратами и социальными группами, различные

виды социальной мобильности, как горизонтальной, так и вертикальной, процессы этнического и межконфессионального взаимодействия, связей на бытовом уровне, внутри семей и между семьями и т.д. Во втором – процессы интеграции и ассимиляции в общество, его подсистемы и институты специфических групп населения, которые нуждаются в поддержке: детей, иммигрантов, инвалидов, малоимущих, сирот, пенсионеров, особых групп больных, людей с зависимостями, исправившихся преступников, других уязвимых слоев населения (Добреньков, Кравченко, 2014; Дюркгейм, 1996; Штомпка, 2005; Friedrichs, Jagodzinski, 1999; Lockwood, 1969; Münch, 1995).

Важнейшими являются культурная, духовная, образовательная, научная и информационная интеграции в обществе. Они распространяются различными путями: через взаимодействие разных типов культур, не только национальных, но и групповых, классовых, через СМИ, моральные и другие социальные нормы и установки, образ жизни, одежду и моду, привычки, способы потребления, общение во время обучения, занятий спортом, отдыха или развлечений, виды социальных практик, как открытых, так и закрытых, через субкультуры и т.п. Большую роль в социальной интеграции играет язык, реализуя функцию языковой интеграции в обществе, вместе с тем выступая интеграционным медиумом для всех других видов социальной интеграции. Кроме естественного языка в обществе существуют и другие формы языковой коммуникации-интеграции: общепринятые символы, в том числе жесты, мимика, стандартные эмоциональные проявления, различные знаково-символические системы: нотная запись, знаки дорожного движения, спортивная символика, условные обозначения предметов или ситуаций и т.д. Духовная интеграция в обществе осуществляется через интеграцию идеологическую, религиозную, психологическую и нравственную (Антоненко, 2006; Антоненко, Карицкий, 2015; 2017; Добреньков, Кравченко, 2014; Дюркгейм, 1996; Штомпка, 2005).

Психологическую интеграцию выделим отдельно и рассмотрим специально. Социологи обычно не рассматривают психологическую интеграцию общества, хотя все виды социальной интеграции на субъектной и субъективной стороне имеют личность человека, его психику и сознание, т.е. вне сознания индивидов никакая социальная интеграция не может состояться. Но этот аспект выносится за скобки, тем самым, исследователи исходят из предпосылки, что все субъекты в отношении к социуму равны или хотя бы достаточно сходны, чтобы вывести понятие некоего усредненного субъекта. Но по факту субъекты, как в их объективности, так и субъективности, не равны: ни в отношении обладания материальными благами, ни в аспекте власти, ни в плане социальных представлений, ни со стороны своего поведения и т.д. В том числе, они носители специфической личности, особого характера, отличительной направленности интересов, индивидуального набора способностей, навыков, умений, компетенций, своеобразной ментальности и т.п. Хотя проблема интеграции личности, индивидуума в общество стоит и в социологии, в психологии она решается более аутентичными способами. В целом, под психологической интеграцией общества понимается его интеграция по психологическим критериям. Вместе с тем, в общем плане психологическая интеграция социума реализуется через интеграцию всего многообразия типов личности, темпераментов, характеров, способностей, компетентностей, специализаций, в том числе таких крайних, как экстраверты и интроверты, нейротики и эмоционально устойчивые, независимые и зависимые, ригидные и подвижные, социально приспособленные и неприспособленные, интеллектуально развитые и неразвитые, конформные и неконформные, эгоистичные и альтруистичные, склонные к физическим действиям и склонные к ментальным действиям, честные и лживые и других. Такого рода интеграция социума – интеграция всего психологического многообразия индивидов путем создания социального единства через их взаимную комплементацию.

В то же время, существуют другие сквозные психологические факторы и критерии интеграции общества, которые обнаруживаются на всех уровнях его функционирования: в макросистеме социума, в его мезогруппах и микросистемах, малых группах и организациях. Это

– доброжелательность, взаимопомощь, сплоченность, сотрудничество, доверие, справедливость, порядочность, общность целей, взаимопонимание, альтруизм, оптимизм, сочувствие, сострадание, ответственность, добросовестность, трудолюбие, дисциплинированность, культурность, образованность, профессионализм, заботливость, чувство удовлетворения, уважение, вежливость, признание другого, терпимость, неконфликтность, стабильность ценностей и другие позитивные психологические проявления. Обратные этим психологические характеристики детерминируют процессы дезинтеграции в обществе. Перечисленные позитивные качества взаимосвязаны, одни вызывают другие, это, скорее, психологический комплекс социальности, а не отдельные свойства. Все эти качества являются взаимонаправленными, действуют в обе стороны, это не качества отдельной личности, а всех или большинства субъектов интегрированного общества и, тем самым, психологические качества самого общества. Доброжелательность, взаимопомощь, сплоченность, сотрудничество, доверие, справедливость, порядочность, взаимопонимание и т.д. собирают, «склеивают» общества, тогда как противоположное качество его разъединяют, разделяют, атомизируют. Среди позитивных психологических качеств общества особо выделим личное и социальное доверие (Антоненко, 2004; 2006; 2016; Купрейченко, 2008; Скрипкина, 2000; Фукуяма, 2005; Штомпка, 2005).

Проблема социального доверия. Проблема доверия в гуманитарных и социальных науках стала наиболее активно разрабатываться со второй половины XX столетия. Особый интерес к ней проявили социологи и психологи, хотя определенная доля исследований имеется и в других областях гуманитарного и социального знания. Соответственно, в социологии и психологии представлено значительное число эмпирических исследований и концептуализаций по данной теме. Значимые социологические исследования доверия представлены работами следующих авторов: К.Аоки, А.Байер, Б.Барбер, Р.Бахманн, О.С.Боровинских, П.Бурдье, Ю.В.Веселов, К.Вольф, Э.Гидденс, А.С.Горшунова, Л.Гудков, П.Т.Динесен, С.Йохо, Дж.Интравиа, К.Кастельфранки, П.М.Козырева, Дж.Коулман, Н.Ланктон, Н.Луман, Х.Макнайт, Б.З.Мильнер, Г.Моллеринг, Е.В.Реутов, Г.Ф.Ромашкина, Г.А.Саймон, М.Сасаки, А.Селигмен, Дж.Р.Сирл, Н.Г.Скворцов, К.М.Сондерсков, К.Стоянов, Э.Стюарт, Дж.Трипп, П.Уоррен, Ю.В.Ушакова, Р.Фальконе, Ф.Фукуяма, М.Шеффер, П.Н.Шихирев, И.Н.Шорина, Х.Шрадер, П.Штомпка и др.

Н.Луман определяет доверие как «генерализованное ожидание того, что другой человек будет сдерживать свою свободу, свои неупорядоченные возможности разнообразной деятельности, поступая в согласии со своей личностью..., делая ее социально явленной». Он отмечает, что доверие может быть проявлено только по отношению к тому, что знакомо человеку. Э.Гидденс полагает, что доверие – это вера в надежность человека или системы. Он различает в современном мире социальные системы с высоким и низким уровнем доверия. Ф.Фукуяма трактует доверие в качестве ожидания, которое существует в данном сообществе в отношении поведения других и которое основано на нормах сообщества. А.Селигмен исходит из того, что доверие является необходимым компонентом всех устойчивых социальных систем, а проблема построения доверия «определяет специфику современности». П.Бурдье пишет о том, что политический капитал это, прежде всего, доверительный капитал граждан. В работе П.Штомпки «Trust: a sociological theory» (1999) подведен итог исследованиям доверия социологами в XX столетии, автор подчеркивает возросшую значимость исследований доверия в конце столетия и намечает новые перспективы его изучения. Более современные исследования доверия в XXI столетии направлены на изучение места и роли доверия в социальных системах, его значения для людей, сообществ и общества, среди них существуют как макросоциологические, так и микросоциологические исследования доверия, при этом специалисты различают генеральное, внегрупповое, внутригрупповое и соседское доверие (Фукуяма, 2005; Штомпка, 2005; Dinesen, Schaeffer, Sønderkov, 2020).

В психологии особое внимание проблеме доверия уделили И.В.Антоненко, Э.Аронсон, И.Атватер, А.В.Белянин, Д.Биггерстафф, Д.Бирн, Р.Бэрн, Р.Вердербер, Д.С.Витакер, П.Глассер, К.Даффи, Б.Джонсон, В.П.Зинченко, Н.Керр, И.С.Кон, Дж.Коттлер, Р.Кочюнас, В.Н.Куницына, А.Б.Купрейченко, Х.Кутсурэс, В.И.Лебедев, С.Линдсколд, Д.Майерс,

А.Г.Маслоу, И.В.Мерсиянова, Н.Миллер, А.Н.Моховиков, Н.Ошероу, М.Палуди, Э.Пратканис, Д.Пруйт, К.Р.Роджерс, Д.Рубин, К.Рудестам, Дж.Рэмпел, Дж.А.Симпсон, Р.Харрис, Т.П.Скрипкина, М.Суджан, Х.К.Сунг, П.Уолтерз, У.Уэйс, С.Файн, К.Фопель, Э.Фромм, С.Хассен, Р.Б.Хейз, К.Ховлэнд, Дж.Холмс, Х.Хуанг, Р.Чалдини, Э.Шостром, Э.Эриксон, Т.Ямагиши и др. Так, Э.Эриксон исходит из того, что базовое доверие к миру у человека формируется в самом раннем возрасте. К.Р.Роджерс, А.Г.Маслоу, Э.Шостром, К.Рудестам, К.Фопель, Дж.Коттлер, Р.Кочюнас и другие психотерапевты полагают, что доверие является самым важным аспектом психотерапии и основой самоактуализации. Э.Фромм исследует недостаток доверия между людьми в современном обществе. Ряд социальных психологов (Э.Аронсон, Р.Вердербер, Д.Майерс, Э.Пратканис, Р.Харрис и др.) отмечают, что современные способы фабрикации доверия стали весьма эффективны. В.П.Зинченко исследует основные факторы онтогенеза доверия. В.И.Лебедев изучал проблему доверия в экстремальных условиях. Т.П.Скрипкина поставила основной задачей своих работ по доверию «показать место, роль, функции доверия как целостного социально-психологического явления в жизнедеятельности человека». А.Б.Купрейченко исследовала вопросы доверия и недоверия в жизни человека и общества. В последние годы ряд авторов обратились к изучению психологических основ доверия, уровню доверия в различных современных обществах и последствиях этих различий, доверия как основы психологической безопасности, проблеме доверия и здоровья, доверия к техническим системам и, в частности, к роботам и искусственному интеллекту (Антоненко, 2006; 2016; Купрейченко, 2008; Скрипкина, 2000; Banks, Koban, Chauveau, 2021; Simpson, 2016; Sujana, Huang, Biggerstaff, 2019).

В наших работах мы рассматриваем доверие как психическое образование (функциональный орган), формирующееся на ранних этапах онтогенеза субъекта и имеющее определенные стадии формирования: взаимодействие субъекта с объектами среды, опыт взаимодействия, как отвечающий или не отвечающий его потребностям, как результат происходит формирование определенного уровня доверия к отдельным факторам среды, который определяет, с одной стороны, субъективные представления и реакции, а с другой, дальнейшие условия взаимодействия со средой. Выделены основные структурные элементы доверия и исследованы их характеристики: субъект, объект, отношение, деятельностное содержание, функциональный орган, субъектные, объектные, средовые и ситуационные факторы, ситуация, социально-психологический механизм, социально-психологические функции доверия. Доверие представляет собой вторичное, встречное, эквивалентное отношение, обусловленное паттернами объектного отношения. Были выделены виды доверия: частное, генерализованное, межличностное, предметное, абстрактное, социальное, личностное, определены их характеристики. Проанализированы основные функции доверия: совместной деятельности, редуцирующая, интегрирующая, стабилизирующая, перцептивная, интерактивная, коммуникативная, ориентирующая, эффективизирующая, управленческая, предсказательная, личная, психологическая, обобщающая и фоновости. В конечном счете, был разработан ряд моделей доверия, имеющих свои практические приложения: как социально-психологического отношения, как лично- и рассеяно-направленной позитивности, векторные модели, как встречного эквивалентного отношения, факторная модель, структурно-факторная модель, объектные и предметные модели, деятельностная модель, социально-психологического механизма доверия, ситуационная модель, как метаотношения, механизма внутренней детерминации доверия, динамическая модель и др. (Антоненко, 2004; 2006; 2016).

Уровень социального доверия как критерий интеграции. Как в исторической ретроспективе, так и современные общества типологизируются по качеству и уровню доверия. Качество доверия определяется его особыми характеристиками, в том числе, наличествующими видами доверия, его реализованными функциями и социальными уровнями, на которых доверие существует или отсутствует. То есть в одних обществах доверие осуществляется как личное, межличностное, частное, но не реализовано как социальное и генерализованное доверие, существует на микроуровнях социальной организации и не действует на макроуровне.

Аналогично, в отдельных обществах проявлены только отдельные функции доверия, а в других – их большая часть. Скажем, если доверие не реализовано как социальное доверие, то в большинстве социальных ситуаций оно не проявляет функции интегрирующую, управленческую, предсказательную, обобщающую и фоновости. При этом уровень доверия в обществе различается для каждого вида доверия, для каждого социального уровня и в отношении реализации его функций. Хотя может быть построена на основе эмпирических данных многофакторная типология обществ по видам и уровням доверия, часто требуется только общее понимание уровня доверия в обществе, в частности, для анализа степени интеграции / дезинтеграции общества. В этом случае могут быть выделены пять видов обществ: с высоким уровнем доверия, со средним уровнем, с доверием и недоверием на одном уровне, со средним уровнем недоверия и с высоким уровнем недоверия.

Ранее мы выделили виды социальной интеграции общества: экономическую, политическую, правовую, социальную в узком смысле, культурную, этническую, духовную, языковую и другие. Все виды социальной интеграции взаимосвязаны и, собственно, являются аспектами общей интеграции социума. Общества могут быть интегрированы на очень высоком уровне, на высоком уровне, на среднем уровне, на низком уровне или на очень низком уровне. Во многих эмпирических исследованиях показано, что степень экономической интеграции социума напрямую связана с уровнем доверия в нем. Доверие между акторами экономической деятельности снижает различные издержки и непроизводительные расходы, недоверие – наоборот, их увеличивает. Простейший пример: недоверие между оптовым продавцом и покупателем, когда один из них опасается сделать предоплату, а другой – поставить товар без предоплаты, приводит к тому, что они обращаются к банковской гарантии, стоимость которой может достигать от 1 до 10%, соответственно, на эту величину увеличивается стоимость товара. Недоверие к качеству и количеству товара приводит к тому, что покупатель на стадии приема обращается к независимому эксперту (например, Торгово-промышленной палате), чтобы произвести оценку этих параметров товара, что также увеличивает конечную стоимость товара. Существует и ряд других моментов существенного увеличения расходов товаров. Все аспекты недоверия между коммерческими агентами, связанные с производством, транспортировкой, участием третьих сторон и реализацией товара, могут увеличить стоимость товара в 2-3 раза – это экономическая цена недоверия. Соответственно, доверие между торговыми партнерами снимает эти дополнительные расходы и снижает стоимость товаров для конечного потребителя. Таким образом, доверие между экономическими деятелями ведет к устранению промежуточных звеньев между ними и большей их связанности, интегрированности. Если уровень социального доверия достаточно высок, то это имеет прямым результатом более высокую степень социальной интеграции.

Аналогичным образом это касается политической, правовой, социальной в узком значении, культурной, этнической, духовной, языковой и информационной интеграции общества. Если в обществе существует строгое разделение властей, соблюдаются законы, политические силы доверяют друг другу, действуют в общем правовом поле, соблюдают договоренности, в обществе низкий уровень коррупции и высокий статус моральных норм, то такое общество более интегрировано. Если между социальными группами, в том числе этническими и конфессиональными, существует доверие, то это ведет к прямому росту интеграции между ними. Наличие общего языка в социуме ведет к большему пониманию людьми друг друга, более частому общению и росту доверия между ними, поскольку люди становятся друг для друга более предсказуемыми, что в свою очередь обуславливает процессы большей связанности между ними. Доверие к СМИ еще один интегратор социума, а недоверие к массовой информации разъединяет людей и социальные группы.

Доверие является, прежде всего, психологической категорией, оно отражает определенные психические состояния людей и их отношение: к себе, другим, семье, друзьям и знакомым, соседям, разным малым и большим социальным группам, организациям, различным социальным явлениям и обществу в целом. Состояние доверия определяется как особый

набор физиологических и психических проявлений. Со стороны психической сферы оно характеризуется как спокойное, расслабленное, комфортное, позитивное, теплое, сопровождающееся чувствами безопасности и надежности, открытости миру и другим, несущее радость, дающее энергию, в нем присутствует ощущение удовлетворенности, оно способствует общению, взаимопониманию, близости, примирению позиций, чувству свободы, самораскрытию, творчеству, готовности к сотрудничеству, взаимопомощи, эмоциональному и интеллектуальному обмену, духовным проявлениям. Недоверие как психическое состояние, в противоположность этому, напряженное, настороженное, имеющее многообразные негативные паттерны, закрытое, отстраненное, сковывающее, угнетающее, вызывающее беспокойство, ощущение ненадежности и опасности, чувство неудовлетворенности и обманутости, лишаящее энергии, вызывающее осторожность, страх и злость, оно создает сложности во взаимопонимании и взаимодействии, ограничивает, сковывает эмоциональные, интеллектуальные и творческие проявления и т.п.

Как видно, уже психологические характеристики доверия определяют его интеграционный потенциал, точно также как свойства недоверия определенно проявляют его разрушительную и дезинтеграционную направленность. Вместе с тем, мы показали прямую связь уровня доверия в социуме с его интегрированностью, как в целом, так и в отдельных отношениях: экономическом, политическом, правовом, социальном, личностном, культурном, психологическом, нравственном, образовательном, этническом, духовном, языковом, информационном и других. Конечно, доверие не должно рассматриваться в отрыве от социального контекста и других социально-психологических проявлений. Доброжелательность, взаимопомощь, сплоченность, сотрудничество, справедливость, порядочность, общность целей, взаимопонимание, альтруизм, оптимизм, сочувствие, сострадание, ответственность, добросовестность, трудолюбие, дисциплинированность, культурность, образованность, профессионализм, заботливость, чувство удовлетворения, уважение, вежливость, признание другого, терпимость, неконфликтность, стабильность ценностей – все это целостный комплекс позитивного психологического потенциала хорошо интегрированного социума. И, с одной стороны, доверие вырастает из него, но, с другой, будучи само по себе интеграцией этого комплекса, интегральным феноменом, лучше других психологических характеристик релевантно выражает степень интеграции социума. Таким образом, именно доверие, степень доверия, является психологическим критерием интеграции социума.

Заключение. Рассмотрев общие проблемы методологии интеграции, мы показали основные пути и способы интеграции в различных сферах современной человеческой деятельности и науки. Далее были выделены виды социальной интеграции, из которых наиболее существенными были признаны: общая, экономическая, политическая, правовая, моральная, социальная в узком смысле, образовательная, научная, культурная, этническая, языковая, информационная, духовная и психологическая. Под психологической интеграцией общества мы понимаем его интеграцию по психологическим критериям. Было показано, что социальная интеграция тесно связана с психологической интеграцией общества. Психологическая интеграция реализуется через целостный комплекс позитивных психологических параметров, ключевой категорией которого является доверие. В силу этого доверие является психологическим критерием интеграции социума: уровень доверия в обществе определяет степень его интегрированности.

Библиографический список

1. Антоненко И. В. Доверие: социально-психологический феномен. Москва : Социум; ГУУ, 2004.
2. Антоненко И. В. Социально-психологическая концепция доверия. Москва : Флинта; Наука, 2006.
3. Антоненко И. В. Социальная психология доверия // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей в 8 ч. Ч.7 / под ред. В.С. Белгородского и др. Москва : МГУДТ, 2016. С. 31-39.

4. Антоненко И. В. Социальная психология системогенеза одежды и моды / И. В. Антоненко, И. Н. Карицкий // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Мат-лы VII Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Ю.П. Поваренкова. Ч.2. Ярославль : Литера, 2015. С. 168-170.
5. Антоненко И. В. Социальная психология моды в ее генезисе / И. В. Антоненко, И. Н. Карицкий // Перспективы психологической науки и практики: сборник статей. / под ред. В.С. Белгородского и др. Москва : РГУ им. А.Н.Косыгина, 2017. С.420-426.
6. Добренъков В. И. Социология / В. И. Добренъков, А. И. Кравченко. Москва : Инфра-М, 2014.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Москва : Канон, 1996.
8. Карицкий И. Н. Специфический и всеобщий метод психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т.3: Метод психологии / под ред. В.В.Новикова, И.Н.Карицкого, В.В.Козлова, В.А.Мазилова. Ярославль : МАПН, 2005. С.111-135.
9. Карицкий И. Н. Психологические практики в социальном пространстве // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей в 8ч. Ч.7 / под ред. В.С.Белгородского и др. Москва : МГУДТ, 2016. С.214-221.
10. Карицкий И. Н. Интегральная модель психологической практики // Интегративный подход к познанию психологии человека / В.Н.Панферов, В.В.Знаков, Е.Ю.Коржова и др. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2017. С.107-121.
11. Карицкий И. Н. Методологическая интеграция психологии // Интеграция в психологии: теория, методология, практика. Сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под науч. ред. В.А.Мазилова. Ярославль : ЯГПУ, 2022. С.18-23.
12. Киреева Н. В. Социальное интегрирование и интегрированный социум: интеграция как процесс и структура // Философия и культура. 2014. № 5. С.651-665.
13. Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансперспективный анализ). Томск, 2005.
14. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. Москва : ИП РАН, 2008.
15. Мазилев В. А. Коммуникативная методология и интеграция психологического знания // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. С.181-191.
16. Панферов В. Н. Методология интегрального синтеза в психологической науке / В. Н. Панферов, С. А. Безгодова // Психологический журнал. 2015. № 1. С.20-33.
17. Скрипкина Т. П. Психология доверия. Москва : Академия, 2000.
18. Уилбер К. Интегральная психология: сознание, дух, психология, терапия. Москва : АСТ, 2004.
19. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. Москва : АСТ, 2005.
20. Юревич А. В. Методы интеграции психологического знания // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль : МАПН, 2005. С.377-397.
21. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. Москва : Логос, 2005.
22. Banks J. Forms and Frames: Mind, Morality, and Trust in Robots across Prototypical Interactions / J. Banks, K. Koban, Ph. Chauveau // Human-Machine Communication. 2021. 2(1). P. 81-103.
23. Dinesen P. T. Ethnic Diversity and Social Trust: A Narrative and Meta-Analytical Review / P. T. Dinesen, M. Schaeffer, K. M. Sønderskov // Annual Review of Political Science. 2020. № 23. P.441-465.
24. Friedrichs J. Soziale Integration / J. Friedrichs, W. Jagodzinski. Sonderband der KZfSS. 1999.
25. Judge A. Transdisciplinarity-3 as the Emergence of Patterned Experience // Journal of the Interdisciplinary Crossroads. 2005. V.2. № 2.
26. Lockwood D. Soziale Integration und Systemintegration // Zapf W. Theorien des sozialen Wandels. 1969. S.124-137.

27. Münch R. Elemente einer Theorie der Integration moderner Gesellschaften. Eine Bestandsaufnahme // Berliner Journal für Soziologie. 1995. Heft 1. S.5-4.
28. Simpson J. A. Psychological Foundations of Trust // Current Directions in Psychological Science. 2016. №16 (5). P.264-268.
29. Sujan M. A., Huang H., Biggerstaff D. Trust and psychological safety as facilitators of resilient health care // Working Across Boundaries. CRC Press, 2019. P.125-136.
30. White A. Toward a Philosophical Theory of Everything. Bloomsbury Publishing, 2014.

УДК 159.9

Т.В. Бугайчук

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К КОНЦЕПТУ «ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»

Аннотация. Автор рассматривает актуальную для современной науки категорию идентичности, опираясь на интегративный подход и интегративный характер самого явления идентичности. Основная научная идея статьи касается проблемы гражданской идентичности. Данный научный концепт представлен через структурные компоненты: когнитивный, ценностно-мотивационный, деятельностный, и многоаспектный характер его развития, требующий интеграции знания из разных научных областей.

Ключевые слова: гражданская идентичность, интегративный подход, идентичность, структура гражданской идентичности, самосознание личности.

T.V. Bugaychuk

INTEGRATIVE APPROACH TO THE CONCEPT "CIVIL IDENTITY"

Abstract. The author considers the category of identity, relevant for modern science, based on the integrative approach and the integrative nature of the very phenomenon of identity. The main scientific idea of the article concerns the problem of civic identity. This scientific concept is presented through structural components: cognitive, value-motivational, activity, and multidimensional nature of its development, requiring the integration of knowledge from different scientific fields.

Keywords: civic identity, integrative approach, identity, civic identity structure, self-awareness of a person.

Проблема идентичности и идентификационных процессов в психологической науке актуализирована давно. В научной литературе представлено описание различных отечественных и зарубежных подходов к этому понятию (Антонова, 1996; Иванова, 2001; Поваренков, 2003), даны характеристики и особенности структурной организации этого психического явления, описаны закономерности формирования и развития идентичности в различных сферах жизни личности. В своих работах мы делаем акцент на отдельной стороне идентификации, а именно – гражданской идентичности, которая рассматривается нами с позиции научного концепта (Бугайчук, 2022). В процессе работы с понятием мы столкнулись с рядом научных проблем, требующий решения, а именно – с одной стороны, безусловно, гражданская идентичность – это компонент самосознания личности, который должен изучаться психологической наукой (социальная психология, политическая психология, психология личности, дифференциальная психология и др.), а с другой стороны, закономерности, механизмы и условия становления гражданской идентичности могут быть представлены и исследованы только с учетом знания таких наук как политология, социология, философия, культурология, педагогика, что делает сам предмет «гражданской идентичности» многозначным, комплексным и, конечно, интегративным (Мазилев, 2022).

Начнем с уточнения понятия «гражданская идентичность», опираясь на интегративный подход. Семантический анализ категории «идентичность» в психологической науке позволяет нам определить ее как результат процессов самосознания, таких как самоопределение, самоанализ, самоотождествление. Все эти процессы основаны на рефлексии деятельности и ценностно-мотивационной сфере личности. Идентичность – это структурное образование, которое развивается в процессе деятельности, и в зависимости от ряда факторов и условий в тот или иной период жизни доминирует один из структурных компонентов, поэтому компоненты идентичности развиваются гетерохронно. Что касается гражданской идентичности, то можно отметить, что суть данного психического явления такая же, но только в основе процессов идентификации заложено развитие личности как гражданина. Гражданская идентичность – это составляющая как личностной идентичности, так и социальной идентичности личности, нельзя четко провести разделительную линию в этом вопросе. Поэтому гражданская идентичность формируется под влиянием большого количества факторов. К ним мы можем отнести социальные группы – семья, группа детского сада, школьный класс, неформальные группы, интернет-группы, гражданское общество, религиозные организации и др., а также собственные процессы личностного развития. Воздействующие на становление гражданской идентичности факторы и условия позволяют определить ее интегративный характер, их изучение и обоснование требует привлечение знаний из разных наук (философии, педагогики, политологии, социологии, филологии, истории, культурологии, религиоведения, психологии и т.д.). Только интеграция (трансдисциплинарность) всех областей научного знания, изучающих вопросы гражданственности, патриотизма, развития гражданского общества позволит дать представление о многофакторном, многоаспектном формировании гражданской идентичности личности.

Структурная организация гражданской идентичности личности, которая включает в себя когнитивный, ценностно-мотивационный и деятельностный компоненты, также говорит об интегративности этого понятия.

В наших исследованиях мы достаточно подробно изучали структуру гражданской идентичности и выявили, что становление гражданской идентичности должно начинаться в дошкольном возрасте – это период формирования самосознания и развития ценностно-мотивационной сферы личности, именно в этот период гражданская идентичность личности «запускается», начиная с когнитивного компонента, который характеризуется формированием таких качеств как гражданственность и патриотичность. И от того, какое отношение у ребенка к ним вырабатывается в этот период становления личности, во многом зависит и последующее его гражданское поведение, и гражданская позиция. К сожалению, приходится констатировать, что только у 10% детей в возрасте 6-8 лет (по результатам наших опросов обучающихся 1-2 классов) есть представление о понятиях «патриотизм» и «гражданин», у остальных 90% опрошенных детей эти понятия не сформированы, нет понимания, а, соответственно, и поступков в этом направлении. Поэтому формированием когнитивного компонента важно заниматься, начиная с дошкольного возраста, и новые направления образовательной политики государства, касающиеся вопросов гражданского воспитания, должны вводиться уже в дошкольных образовательных организациях.

Ценностно-мотивационный компонент гражданской идентичности личности также начинает формироваться в дошкольном возрасте, но активно развивается в младшем школьном и подростковом возрасте в процессе образовательной деятельности (русский язык, родная литература, история России, разговоры о важном и т.д., а также мероприятия волонтерского и патриотического характера).

Деятельностный же компонент гражданской идентичности личности активно начинает развиваться в юношеском возрасте и в период молодости, когда развитие личности противоречиво и характеризуется, с одной стороны, ориентацией на идеи независимости и жизненной активности, которые связаны не только с профессиональным и личностным самоопределением, но и выбором общественно-политической позиции, а с другой стороны, эти возрастные периоды характеризуются «жизнью в кредит», они обычно не обладают личной самостоятельностью в принятии решений, касающихся их жизни. Подобная двойственность рождает определенные сложности в процессе становления гражданской идентичности молодого поколения (Коряковцева, 2022). Именно

поэтому в своих работах мы часто упоминаем идеи развития русского духа, представленные в трудах философа Н.А. Бердяева (Бердяев, 2008). Говоря о развитии личности, он отмечал в первую очередь развитие духовной сущности, которую необходимо возвращать в подрастающем поколении на нравственной основе с опорой на «активность духа» и «активность действий», чтобы избежать деструктивных явлений развития. Внутренняя духовная пустота порождает ощущение бессмысленности жизни, отсюда - «бегство» молодежи в виртуальную «нереальную жизнь»: наркотики, алкоголь, Интернет-зависимость, компьютерные игры и другие поведенческие аддикции. Выделенные нами в структуре гражданской идентичности первые два компонента – ценностно-мотивационный и когнитивный - способствуют формированию «активности духа» молодого поколения: базисных ценностных ориентаций, в том числе – патриотизма, этических, правовых, политических знаний, материальной и духовной культуры общества, системы нравственных норм в виде общественных установок и законов, принятых государством, которые предписывают, как следует действовать (в нравственном смысле), культурном коде человека, традиционных ценностей. Деятельностный компонент развивает «активность действий»: реальное поведение личности, ее умение выполнять социально-нравственные обязанности, усвоение общественных ценностей в собственной деятельности. И хотя все три компонента тесно взаимосвязаны, очевидно, что развитие «активности духа» должно предшествовать развитию «активности действий», чтобы избежать асоциализации молодых людей и возникновения деструктивных молодежных сообществ.

Важно говорить о том, что процесс гражданской идентификации личности не несет идеологической нагрузки и направлен на формирование таких черт личности, как активность, самостоятельность, способность принимать решения, ответственность, инициативность и др. Поэтому цель гражданского воспитания должна в первую очередь быть направлена на формирование у ребенка активной гражданской позиции, приобщение его к сознательному, ответственному участию в общественной жизни страны и преобразованию социальной действительности на благо своего народа и Родины. В тесной связи всех субъектов образования и областей развития личности возможно сформировать гражданскую идентичность. Нельзя отделить личность от общества и государства (Слепко, 2022). Система развития гражданского самосознания у молодого поколения должна быть последовательной, многоступенчатой, многофакторной, комплексной. Такая система будет эффективна только тогда, когда она основывается на понимании идентичности как интегративном явлении.

Таким образом, развитие гражданской идентичности должно носить интегративный характер и основываться на интегративном подходе. Гражданское воспитание – это как часть общественной (социальной) практики, так и личностного саморазвития. Следовательно, сегодня требуется расширение пространства такой социальной практики, в ходе которой молодой человек осознавал бы себя Гражданином. В процессе формирования гражданского общества происходит интеграция в вопросах социализации и демократизации и самого общества, и государства, и отдельных граждан, и отношений между ними. Условием такого развития является субъект-субъектное взаимодействие всех членов гражданского общества – человека, общества и государства. Решение проблемы гражданской идентичности осуществляется не только ресурсами молодежного самоуправления, но и требует поддержки как в плане развития гражданского образования, так и в плане грамотного сопровождения специалистов в сфере молодежной политики, что возможно только при понимании интегративного характера изучаемого нами научного концепта. В целом современное понимание гражданской идентичности основывается на ее интегративном характере, и только учет интегративности ее формирования, сложности и многоаспектности условий ее развития позволит говорить о сформированности гражданской идентичности, уйти от кризисных проявлений идентичности.

Библиографический список

1. Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131-143.

2. Бердяев Н. А. Русская идея. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. 318 с.
3. Бугайчук Т. В. О социокультурной трансформации и развитии гражданской идентичности у молодого поколения россиян: интегративный подход // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2022. № 2 (44). С. 219-230.
4. Иванова Н. Л. Социальная идентичность и проблемы образования. Ярославль : ЯГПУ, 2001. 228 с.
5. Коряковцева О. А. Государство и молодежь: проблемы гражданского взаимодействия // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 20-32.
6. Мазилев В. А. Интеграция в психологии: актуальные проблемы и новые перспективы // Интеграция в психологии: теория, методология, практика. Сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под научной редакцией В.А. Мазилова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. С. 51-64.
7. Поваренков Ю. П. Психологическая характеристика профессиональной идентичности // Кризис идентичности и проблемы становления гражданского общества. Сборник научных трудов. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2003. С. 154–163.
8. Слепко Ю. Н. Результаты воспитания в контексте современных данных о развитии школьника // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2022. № 5. С. 393-399.

УДК 159.9.07

М.Ю. Елагина, Н.Е. Комерова

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ПОСТРОЕНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО У СТУДЕНТОВ

Аннотация. В данной статье представлены результаты интеграции различных аспектов психологического знания в решении проблемы понимания процессов построения образа будущего у студентов технического университета. Раскрыты вопросы реализации принципов интеграции в рамках психологии личности, возрастной психологии и гендерной психологии. Проанализированы результаты эмпирического исследования представлений о возможном будущем, а также о смысложизненных ориентациях студентов в контексте гендерного аспекта. Смысложизненные стратегии построения образа будущего включают оптимальное использование механизмов достижения и ослабление факторов сдерживания и сопротивления. У юношей, обучающихся в техническом университете, сформированность представлений о будущей профессии выше, чем у девушек, при этом по уровню самосознания у девушек результаты значительно выше.

Ключевые слова: образ будущего, смысловая сфера, смысложизненные ориентации, юношеский возраст, гендер, неопределенность, временная перспектива.

M.Yu. Elagina, N.E. Komerov

MEANINGFUL STRATEGIES FOR BUILDING THE IMAGE OF THE FUTURE OF STUDENTS

Abstract. This article presents the results of integrating various aspects of psychological knowledge in solving the problem of understanding the processes of building an image of the future among students of a technical university. The issues of implementing the principles of integration within the framework of personality psychology, developmental psychology and gender psychology are disclosed. The results of an empirical study of ideas about a possible future, as well as about the meaningful life orientations of students in the context of the gender aspect, are analyzed. Meaningful

strategies for building an image of the future include the optimal use of achievement mechanisms and the weakening of deterrents and resistance factors. Boys studying at a technical university have a higher degree of formation of ideas about their future profession than girls, while in terms of the level of self-awareness, girls have significantly higher results.

Keywords: image of the future, semantic sphere, meaningful life orientations, adolescence, gender, uncertainty, time perspective.

Вопросы интеграции тесным образом связаны с реализацией в психологических исследованиях междисциплинарного подхода. В данной статье представлены результаты проведенного исследования в рамках психологии личности, возрастной психологии и гендерной психологии.

Процессы построения образа будущего крайне близки к процессам формирования готовности к самоопределению и самореализации (Петрова, 2002). Ценностное отношение ко времени жизни является одним из факторов, определяющих актуальную жизнь личности в настоящем, его установки на построение будущего (Елагина, 2021).

Произошедшие в последние годы геополитические события, в том числе природного характера, усилили ситуацию неопределенности и неоднозначности в оценке их последствий и эффектов, стимулировали рост уровня тревожности и напряженности психики, породив в ряде случаев возникновение нетипичной для современного человека ситуации «вынужденной самоизоляции». Данные факторы оказали влияние на все сферы человеческой жизни, усилилась тревога о будущем.

Нами был проведен социально-психологический опрос 336 респондентов, проживающих в г. Ростов-на-Дону, в возрасте от 18 до 60 лет, и на вопрос «как часто вы думаете о будущем?» 88,6 % респондентов думают о будущем «часто» или «очень часто» и лишь 11,4% «редко» или «никогда». Отмеченная статистика актуализирует проблему изучения формируемых представлений человека о реальности в условиях неопределенности, об осмысленности жизни и картине образа возможного будущего, особенно у юношей и девушек в период их обучения.

Теоретико-методологической базой изучения представлений о будущем и смыслозначимых ориентаций стали работы таких ученых как Ф. Зимбардо, К. Левина, Ж. Нюттена, С.Л. Франка, И.В. Абакумовой, К.А. Альбухановой-Славской, Ф.Е. Василюка, Е.И. Головаха, Д.А. Леонтьева, Р.М. Шамионова и др. (см., например, (Елагина, 2021)).

В современных условиях неопределенность прогнозирования будущего личности определяется трудностью построения долгосрочных планов, в связи с чем тема изучения образа будущего является весьма актуальной. Так, Н.П. Шилова, П.П. Бруданов изучают образ будущего юношества в контексте трех стратегий: планирование, описание эмоциональных отношений и самоотношение (Шилова, 2020). Они констатируют, что гендерные различия в представлении об образе будущего становятся значимыми в старшем школьном возрасте.

Е.В. Болдырева, М.Ю. Елагина, анализируя процесс построения образа будущего, рассматривают проблему гендерного неравенства, описывают барьеры на пути продвижения женщин в карьере, выделяют копинг-стратегии для достижения успеха и баланса между работой и личной жизнью (Болдырева, 2021).

М.С. Яницкий с соавторами анализируют ценностно-смысловую направленность и социокультурные детерминанты образа будущего студенческой молодежи (Яницкий, 2019). Авторы делают вывод, что две трети представителей студенческой молодежи обнаруживают сформированную ценностно-смысловую направленность образа желаемого будущего, характер которого определяется принадлежностью к конкретной социокультурной среде.

О.Р. Тучина описывает карьерные ориентации молодежи в зависимости от представлений о будущем. Автор отмечает, что динамический аспект профессионализации влияет на формирование образа будущего в сторону большей конкретности, определенности и позитивного отношения (Тучина, 2020).

Е. Mangone предпринимает попытку анализа будущего в период бедствий (на примере пандемии), так автор заключает, что в случае бедствий время сжимается исключительно к настоящему. В краткосрочной перспективе люди стараются как можно скорее преодолеть социальную и институциональную чрезвычайную ситуацию, обусловленную катастрофой, а затем активизировать действия сообщества, направленные на воссоздание будущего (Mangone, 2021).

Результаты исследований Zena R. Mello, Sarah J. Barber, Sara A. Vasilenko, Julie Chandler, Ryan Howell показали, что размышления о будущем обладают самыми высокими значениями у подростков и молодых людей и самыми низкими у взрослых среднего и старшего возраста, тогда как осмысление настоящего учащается вместе с увеличением возраста респондентов (Mello, 2021).

Таким образом, при общей разработанности темы образа будущего в психологической литературе – в недостаточной степени изучены именно смысложизненные стратегии отношения к будущему у студентов, а также сформированность их целей, общей осмысленности жизни.

Для изучения особенностей смысложизненных ориентаций использовался тест «Смысложизненные ориентации» в модификации Д.А. Леонтьева (Леонтьев, 2020); для описания образа будущего – «Методика изучения образа возможного будущего» В.Н. Петровой (Петрова, 2002).

Эмпирической базой исследования выступил Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону).

В исследовании участвовали студенты в возрасте 18-20 лет в количестве 132 человека, из них 52 девушки и 70 юношей. Обследование проходило с использованием бланков и применением гугл-формы. Для изучения уровня осмысленности жизни и представлений об образе возможного будущего выделены две группы: юноши и девушки.

«Методика изучения образа возможного будущего» В.Н. Петровой относится к разряду проективных методов, являясь современным модифицированным вариантом известного Теста неоконченных предложений, и содержит следующие шкалы: пространственно-временная жизненная перспектива; смысловая жизненная перспектива; уровень самосознания; социальная зрелость (субшкалы «влияние микросоциума» и «влияние макросоциума»); готовность к профессиональному самоопределению (Петрова, 2002). Результаты проведенного исследования характеризуются распределением средних значений по всем 5 шкалам опросника, что демонстрирует у студентов средний уровень сформированности образа возможного будущего. При этом выявлены гендерные различия в образе возможного будущего. Рассмотрим эти различия подробнее.

Шкала «Готовность к профессиональному самоопределению» отражает готовность личности самостоятельно планировать свою профессиональную карьеру, принимать решения относительно выбора профессии и перспектив роста. На исследуемой выборке получены результаты, отражающие закономерность, что юноши обладают более сформированными представлениями о профессиональной самореализации, занимают более активную жизненную позицию в отношении профессиональной карьеры, чем девушки, что можно объяснить традиционно «мужскими» задачами финансового обеспечения будущей семьи, а также вариативностью психологического пространства профессионального самоопределения, спецификой обучения юношей в техническом вузе, их профессиональными интересами (Рубцова, 2012).

Шкалы «Влияние микросоциума. Социальная зрелость» и «Влияние макросоциума. Социальная зрелость» отражают отношение к ближайшему окружению и обществу. У юношей на исследуемой выборке также более высокие показатели, что говорит о более сформированном уровне социальной зрелости, отношении к государству, культуре, семье и дружбе. Однако, по шкале «Уровень самосознания» выше результаты у девушек, что можно интерпретировать как сформированность их представлений о своих личностных качествах, уверенность в себе, степень осознанности желаний и планов.

Различия по шкале «Смысловая жизненная перспектива» между юношами и девушками не выражены. Данная шкала в рамках методики отражает фундаментальное доверие к жизни, умение планировать, навыки целеполагания. Выявленную закономерность можно обосновать и интерпретировать психологическими новообразованиями и особенностями юношеского возраста.

Также не выявлены гендерные различия у студентов по шкале «Пространственно-временная жизненная перспектива», что отражает общую, не зависящую от пола, способность к структурированию будущего и установление его целевой, смысловой и временной связи с настоящим.

Интересны результаты, полученные по методике теста «Смысложизненные ориентации». По всем шкалам методики юноши получили более высокие баллы, чем девушки, что говорит о большой осмысленности жизненного пути, сформированности жизненных целей, удовлетворенности жизнью на данном ее этапе. Однако, данные различия выражены лишь на уровне тенденции и находятся в рамках средних нормативных показателей, что отражает характерные возрастные особенности, а также определенную «однородность» выборки. Исследуемая когорта представляет студентов, только вступивших в период совершеннолетия, имеющих большие планы, но вследствие отсутствия опыта данные планы весьма неконкретные.

На основании исследования представлений об образе возможного будущего у юношей и девушек были представлены следующие результаты. Юноши демонстрируют большую сформированность представлений о будущей профессии, более конкретно представляют развитие профессиональной карьеры. Также в группе юношей отмечены более высокие показатели влияния микро- и макросреды, что определяет уровень социальной зрелости, отношение к семье и обществу, культуре, государству в целом. Таким образом, в среднем юноши обладают более высокой направленностью на достижение успеха, признание, профессиональную самореализацию, нежели девушки. Однако, по уровню самосознания у девушек результаты значительно выше, что объясняется большей направленностью девушек на себя, сформированностью представлений о себе как о личности, уверенностью в своих силах, степенью осознанности желаний. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют в пользу выдвинутого предположения о том, что образ возможного будущего у юношей и девушек может отличаться в социальной зрелости и уровне самосознания.

В рамках изучения осмысленности жизни были представлены результаты по шкалам: цели в жизни, результативность жизни, процесс жизни, локус контроля – Я; локус контроля – Жизнь; общий уровень осмысленности жизни. По всем показателям баллы у юношей выше, чем у девушек, и данный факт говорит о большей сформированности целей жизни, удовлетворенности ее процессом и результатом на данном отрезке, что согласуется с выводами по методике изучения образа возможного будущего. Однако, результаты общей осмысленности жизни юношей и девушек находятся в рамках средних нормативных показателей, что объясняется начальным этапом профессионального и личностного становления и, в связи с этим, представления о будущем часто определены слабо. Таким образом, гипотеза о возможном различии в смысловых ориентациях юношей и девушек также частично подтвердилась.

В целом в выводах исследования отмечается, что в современных условиях риска и неопределенности особенно важным становится проблема изучения самого процесса продвижения личности в желаемых и возможных профессиональных и личностных направлениях развития, а способ создания образа будущего заключается в обеспечении оптимального использования механизмов достижения и ослабление факторов сдерживания и сопротивления.

Библиографический список

1. Болдырева Е. В. Баланс работы и семьи: особенности формирования профессиональной карьеры женщин / Е. В. Болдырева, М. Ю. Елагина // Молодой исследователь Дона. 2021. № 5(32). С. 89-92.

2. Елагина М. Ю. Особенности ценностно-смысловой сферы студентов с разным отношением к временной перспективе / М. Ю. Елагина, Н. Е. Комерова // Актуальные проблемы науки и техники: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 17–19 марта 2021 года. Ростов-на-Дону: ДонГТУ, 2021. С. 627-628.
3. Петрова В. Н. Методика изучения образа возможного будущего // Сибирский психологический журнал. 2002. № 16-17. С. 32-36.
4. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). Москва : Смысл, 2000. 18 с.
5. Рубцова Н. Е. Вариативное психологическое пространство профессионального самоопределения // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2012. № 4. С. 34-42.
6. Тучина О. Р. Карьерные ориентации молодежи в контексте представлений о будущем // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 3. С. 125-137.
7. Шилова Н. П. Изменение представлений об образе будущего в юношеском возрасте / Н. П. Шилова, П. П. Бруданов // Психолог. 2020. № 4.
8. Яницкий М. С. Ценностно-смысловая направленность и социокультурные детерминанты образа собственного будущего студенческой молодежи / М. С. Яницкий, А. В. Серый, О. А. Браун, Р. О. Балабашук // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2019. Т. 30. С. 92-103.
9. Mangone E. The future after a pandemic and the ethics of responsibility // SN Soc Sci. 2021. 1. 25.
10. Mello Zena R. Thinking about the past, present, and future: Time perspective and self-esteem in adolescents, young adults, middle-aged adults, and older adults / Zena R. Mello, Sarah J. Barber, Sara A. Vasilenko, Julie Chandler, Ryan Howell // British Journal of Developmental Psychology. 2021. 40, 1.

УДК 159.9

Е.С. Калачева

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В данной статье представлен опыт отечественных психологов в исследовании личности в современной психологии. Особое внимание уделяется развитию личности, факторам ее развития, а также свойствам личности. Также в статье представлены ключевые положения С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева и В. С. Филатова в области изучения личности, рассмотрены их теории.

Ключевые слова: личность, развитие личности, воспитание, формирование и становление личности, психология личности, психические свойства личности.

E.S. Kalacheva

THE MAIN APPROACHES TO THE STUDY OF PERSONALITY IN MODERN PSYCHOLOGY

Abstract. This article presents the experience of Russian psychologists in the study of personality in modern psychology. Special attention is paid to the development of personality, factors of its development, as well as personality traits. The article also presents the key positions of S. L. Rubinstein, A. N. Leontiev and V. S. Filatov in the field of personality study, their theories are considered.

Keywords: personality, personality development, upbringing, formation and formation of personality, personality psychology, mental properties of personality.

В современной психологии значительное внимание уделяется изучению таких феноменов как «мотивация», «эмоции», «ощущения», «восприятие», «внимание», «память», «мышление» и т.д. Данные психические явления не могут существовать сами по себе, их единый носитель - человек. Можно сказать, что мы рассматриваем психические явления только тогда, когда рассматриваем их в системе функциональных органов целостной личности.

Переходя к проблеме личности, важно заметить, что «мы имеем дело не с некоторой устойчивой системой, которую можно назвать личностью, все-таки будет уместно говорить о личности как о процессе, а не о результате» (Нуркова, Березанская, 2015, с. 454), ведь по своей природе личность носит динамичный характер.

В психологии отсутствует единое, точное и общепринятое определение «личность». «Но более или менее единое представление о том, что такое личность на интуитивном уровне все же существует. Личностью обычно называют человека, который отличается от других людей устойчивыми психологическими свойствами и определенными, последовательными поступками» (Немов, 2023, с. 25). Только когда человек находится в обществе – является частью коллектива, тогда можно сказать, что через общение он развивается как личность, понимает человеческую сущность. «Человек не рождается личностью, а становится ею в процессе социального развития» (Филатов, 1967, с. 67).

Структура личности в современных концепциях представлена у многих психологов по-разному и имеет многочисленное количество трактовок. Так, например, у У. Джеймса структура личности состоит из следующих компонентов: самооценка, я (образ я), и я-концепция. Личность по З. Фрейду состоит из трех компонентов – Ид, Эго и Супер-эго» (Немов, 2023, с. 38). Существенное внимание привлекла к себе структура личности (иерархия потребностей) по А. Маслоу, в которой представлена упорядоченная и динамичная система потребностей. Потребности человека можно разделить на материальные и духовные, а также естественные, прирожденные и приобретенные за всю жизнь.

Переходя к факторам развития личности, можно сказать, что на развитие личности влияют социальные, биологические, природные, индивидуально-психологические особенности человека и др. факторы. В результате сложного взаимодействия названных факторов личность выступает как системное психическое образование человека. «При этом и социальные, и биологические, и природные, и другие факторы своим содержанием не прямо перенесены в личность, а представлены в ней как бы в снятом виде, как отраженные в виде образов, представлений, понимания смысла, интересов и т.п.» (Леонтьев, 2005, с. 81).

Для того, чтобы определить основные черты личности, необходимо понимание того, что они разделены по «критерию истинности черт - наличие нейропсихологической структуры». Мотивационной сфере присущи такие черты: стремление к удовольствию (пищевая мотивация), сексуальность (половая мотивация). Эмоциональная сфера характеризуется тревогой (тревога), боязливостью (страдания) и т.д. Интеллектуальная сфера – способности, интеллект, талант и т.д. Также можно выделить базовые нравственные черты: воля, альтруизм, эмпатия, эгоизм и т.д. (Шадриков, Мазилев, 2023, с. 385).

В психологии принято выделять такие психологические образования, как свойства личности, в взаимосвязи с другими психологическими феноменами, образующие характер, волю, способности человека и др.

Переходя к истории развития психологии можно сказать, что многие психологи, такие как Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др., в своих работах уделяли особое внимание проблеме личности. В советской психологии фундаментальные проблемы психологии личности решались в работах, прежде всего, С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева.

С. Л. Рубинштейн в своей теории о самосознании личности считал, что изучении психологии деятельности напрямую исходит от изучения личности как субъекта этой деятельности: было «по существу изучением психологии личности в ее деятельности – ее мотивов (побуждений), целей, задач» (Рубинштейн, 2002, с.739). Можно сказать, что существующие пси-

хические явления – функции, процессы, психические свойства деятельности – входят в личность и составляют единство. С. Л. Рубинштейн предполагает, что изучение личности не останавливается только на изучении психических свойств личности, а также ее способностей, темперамента и характера, а продолжается раскрытием самосознания личности. «Прежде всего это единство личности как сознательного субъекта, обладающего самосознанием». Исходя из вышесказанного можно подвести итог, что для полного понимания психологии личности С. Л. Рубинштейн выделяет 2 положения: 1) психические свойства личности в ее поведении, в действиях и поступках, которые она совершает, одновременно и проявляются, и формируются; 2) психический облик личности во всем многообразии ее свойств определяется реальным бытием, образом жизни и формируется в конкретной деятельности (Шишова, 2014, с. 61).

А. Н. Леонтьеву принадлежит одна из наиболее известных теорий личности в отечественной психологии. А. Н. Леонтьев, как и многие психологи, утверждает, что понятие «личность» «выражает целостность субъекта жизни; личность не состоит из кусочков» (Леонтьев, 2005, с. 73). Однако, можно сказать, что личность представляет собой «целостность особого рода», так как личностью не рождаются, о чем было сказано выше. А. Н. Леонтьев предлагает структуру развития личности, где личность человека развивается не за счет генов и психофизиологических процессов, которые даны с рождения, а за счет «предметной человеческой деятельности, анализ ее внутреннего строения: ее опосредствований и порождаемых ею форм психического отражения» (Леонтьев, 2005, с. 76).

Говоря о понятии «личность», следует рассмотреть также идеи В. С. Филатова, который также как С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев определил проблему психологии личности, понятие личности и затронул роль труда в развитии личности. В своей докторской диссертации, которая посвящена философским проблемам психологии характера, В. С. Филатов определил проблему психологии личности через изучение ее со стороны внутреннего, душевного мира, а также влияния на нее коллектива-общества. Личность по мнению В. С. Филатова «носитель тех или иных личных, присущих только ей индивидуальных качеств и свойств, выступающих в их сложном сочетании. Эти качества и свойства выражаются в поведении человека, в отношении к другим людям...» (Филатов, 1967, с. 67).

Одними из важных основ развития личности школьника В. С. Филатов «рассматривает потребности человека, преобразуемые в процессе деятельности в ее мотивы», также интересы помогают раскрыть особенности личности ребенка. К данным понятиям можно добавить еще мировоззрение, убеждение, идеалы, которые «не исчерпывают психологической характеристики человеческой личности. К основным психическим свойствам личности относятся также темперамент, способности и характер...» (Филатов, 1967, с.77).

В заключении вышесказанного в сравнение можно привести один из трудов В. С. Филатова – дневник психологических наблюдений «Ребёнок открывает мир», в котором можно заметить, что он уделял значительное внимание психологии личности, а также вопросам воспитания. Значение ведения дневника наблюдений имеет смысл для изучения психологии, именно ранний возраст интересен и важен в вопросах формирования личности.

Из регулярных наблюдений В. С. Филатова за своим внуком можно сделать вывод, что на развитие личности в раннем детском возрасте влияет формирование и развитие таких психических процессов, как эмоциональные и познавательные, а также индивидуальных свойств и качеств личности (Филатов, 1966). Главный вывод, который можно сделать, что В. С. Филатову удалось представить «целостную картину духовного развития ребёнка как процесс становления личности, а не как развитие его отдельных психических качеств», что в целом подтверждает и прослеживается в теориях психологов, которые занимались данной проблемой.

Библиографический список

1. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность / А. А. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, Е. Е. Соколова. Москва : Смысл, 2005. 431 с.

2. Немов Р. С. Общая психология. В 3 томах. Т. III. В 2 книгах. Кн. 1. Теория личности : учебник и практикум для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023. 349 с.
3. Нуркова В. В. Общая психология / В. В. Нуркова, Н. Б. Березанская. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2015. 604 с.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 720 с.
5. Филатов В. С. Личность и ее направленность // Курс психологии : учебно-методическое пособие для студентов-заочников педагогических институтов; Под ред. М. В. Гамезо. Москва : Просвещение, 1967. С. 66-78.
6. Филатов В. С. Ребенок открывает мир : Из дневника психол. наблюдений. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1966. 183 с.
7. Шадриков В. Д. Общая психология / В. Д. Шадриков, В.А. Мазилев. Москва : Юрайт, 2023. 411 с.
8. Шишова Е. О. Психология личности. Казань, 2014. 75 с.

УДК 159.9

Д.М. Крупин

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ДИСТАНЦИОННОГО ФОРМАТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Данная статья сосредоточена на проведении обзорного анализа зарубежной литературы последних лет, рассматривающей проблемы дистанционного формата профессиональной деятельности с точки зрения психологии труда. Проведен анализ трех научных статей. Выделяются основные проблемы в исследованиях, даются авторские комментарии касательно выделенных проблем. Основные проблемы, выделяемые в этом исследовании: влияние частоты опосредованного общения и применения удаленного формата работы на уровень ощущения изолированности и психологического дистресса у сотрудников; роль социальной изоляции на рабочем месте и техностресса в формировании аффективной принадлежности у новичков в рабочих коллективах; влияние поддержки со стороны организации и непосредственно руководителя на аффективную приверженность новичков в рабочих коллективах при гибридной форме работы; влияние отношения к онлайн-сеансам психотерапии и опыт их проведения на частоту применения онлайн-психотерапии; изменения основных аспектов терапевтических отношений при смене очного формата психотерапии на онлайн формат. В данной статье проведена систематизация выделенных социально-психологических рисков дистанционного формата профессиональной деятельности.

Ключевые слова: психология труда, профессиональная деятельность, дистанционный формат работы, гибридный формат работы, техностресс, психологический дистресс, аффективная принадлежность, социальная изоляция, отношение к дистанционной работе.

D.M. Krupin

SOCIO-PSYCHOLOGICAL RISKS OF REMOTE FORMAT OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Abstract. This article focuses on the review analysis of foreign literature of recent years, considering the problems of remote format of professional activity from the point of view of labor psychology. An analysis of three scientific articles is conducted. The main problems in the studies are highlighted, the author's comments concerning the highlighted problems are given. The main problems highlighted in this study are: the influence of the frequency of mediated communication and the use of remote work format on the level of feeling of isolation and psychological distress in employees;

the role of social isolation in the workplace and technostress in the formation of affective commitment in newcomers to work teams; the influence of support from the organization and directly the manager on the affective commitment of newcomers to work teams in hybrid work form; the influence of attitudes towards online psychotherapy sessions This article systematizes the highlighted socio-psychological risks of remote format of professional activity.

Keywords: psychology of work, professional activity, distant work format, hybrid work format, technostress, psychological distress, affective commitment, social isolation, attitude towards distant work.

Сама концепция дистанционного формата профессиональной деятельности не нова, еще в 70-х годах прошлого столетия на фоне нефтяного кризиса она была популярной темой для обсуждения в академических кругах. По мере развития и распространения технологий, в частности компьютеров и интернета, дистанционный формат работы плавно переходил из теоретической плоскости в прикладную, и в 21 веке стал активно развиваться и набирать популярность, как альтернатива для очной работы из офиса, применимая для все более широкого спектра профессий. В 2020 году на фоне пандемии COVID-19 дистанционная работа стала резко применяться в больших масштабах по всему миру. Такой резкий и неожиданный переход не мог пройти бесследно и в данный момент многие предприятия, что в предковидный период скептически относились к применению дистанционного формата профессиональной деятельности, впоследствии стали активно использовать такой формат. Также стоит отметить появление нового формата работы – гибридного, совмещающего в себе как элементы очного, так и дистанционного форматов.

На фоне активного использования новых форм организации профессиональной деятельности возникает потребность в их исследовании в психологическом ключе, а именно обнаружение и оценка психологических изменений, происходящих при применении различных форм организации труда.

В статье Вард Ван Зонен и Ану Е. Сивунен «Влияние удаленной работы и частоты опосредованного общения на уровень ощущения изолированности и психологического дистресса» рассматривается влияние удаленной работы и частоты общения (в первую очередь виртуально, т.е. посредством телефонной связи, мессенджеров и платформ, таких как zoom) на уровень ощущения изолированности от рабочего коллектива и психологического дистресса (Van Zoonen & Sivunen, 2022).

Авторы, обосновывая свою работу важностью межличностного общения, социальных взаимоотношений на рабочем месте и формирования и поддержания чувства принадлежности к рабочему коллективу, пишут о негативном влиянии перехода на дистанционный формат работы, в особенности таком резком, как в период пандемии COVID-19, в частности о феномене физической изоляции. Они рассматривают информационные технологии, позволяющие удаленным сотрудникам поддерживать межличностные и профессиональные взаимоотношения, как ресурс, поскольку, по мнению авторов, опосредованная коммуникация является благоприятным фактором, позволяющим достигать поставленных рабочих целей, упрощать возникающие рабочие задачи и снижать требования к работе, возникшие из-за влияния удаленного формата работы на рабочие процессы.

Вард Ван Зонен и Ану Е. Сивунен характеризуют психологический дистресс как чувство неудовлетворенности и негативный аффект, которые обычно ассоциируются со стрессом, связанным с рабочими процессами (Van Zoonen & Sivunen, 2022). Учеными было установлено, что изоляция, связанная с физическим дистанцированием во время COVID-19, влияет на психологический дистресс, особенно выражено у пожилых людей и сотрудников, работающих непосредственно с клиентами, например, у медицинского персонала (Van Zoonen & ter Hooft, 2022). Однако, другими исследователями было замечено, что данные воздействия также характерны и для представителей других профессиональных групп (Tuzovic & Kabadayi, 2020). В своем обзоре Тузович и Кабадаи (Tuzovic & Kabadayi, 2020) предпо-

жили, что переход на удаленную работу и (само)изоляция могут привести к чувству одиночества и проблемам с мужским здоровьем, а исследования среди дистанционных работников также показали, что изоляция может увеличить психологическое напряжение (Bentley и др., 2016).

Основываясь на проанализированной литературе, Вард Ван Зонен и Ану Е. Сивунен, составили следующие гипотезы своего исследования: частота удаленной работы усиливает ощущение изолированности, частота опосредованного общения смягчает ощущение изолированности, влияние частоты удаленной работы на изоляцию, смягчается частотой опосредованной коммуникации, воспринимаемая изоляция усиливает психологический дистресс, частота удаленной работы усиливает психологический дистресс через восприятие изоляции, частота опосредованного общения смягчает психологический дистресс (Van Zoonen & Sivunen, 2022).

В ходе проведения эмпирического исследования на первом этапе было опрошено 5452 респондента, из которых 3184 были приглашены на участие во втором этапе. Из 3184 человек 1895 прошли второй этап. Среди респондентов преобладали женщины (76,6%); 23,3% составляли мужчины. Средний возраст респондентов составил 46 лет. Средний опыт работы респондентов составил 11 лет, средняя продолжительность рабочей недели 38 часов. 11,7% респондентов сообщили, что занимают руководящие должности. Большая часть респондентов работала в государственных структурах (45,3%).

В результате проведенного исследования, авторами было доказано, что частота удаленной работы действительно усиливает ощущение изолированности сотрудников, а частота опосредованного общения смягчает это ощущение (Van Zoonen & Sivunen, 2022). Однако, данные факторы оказывают свое воздействие независимо друг от друга, кроме того, ощущение изолированности и психологический дистресс оказывают друг на друга влияние.

Данное исследование в первую очередь интересно тем, что в нем рассматривается фактор изоляции от рабочего коллектива и фактор общения, а также подтверждается их воздействие на психологический дистресс, который, если остается без внимания со стороны сотрудника и руководителя, может привести к ухудшению психического здоровья человека, снижению эффективности его работы, а также перерасти в один из факторов, вызывающих профессиональное и эмоциональное выгорание сотрудника. Результаты данного исследования говорят о необходимости реализации опосредованного общения между работниками, для уменьшения ощущаемого ими чувства изолированности, а также формировании и поддержании межличностных отношений между ними. Также, в связи с эффектом изоляции, который ощущают сотрудники, можно предположить, что гибридный график работы будет более предпочтителен, т.к. он предоставляет больше возможностей для формирования и поддержания межличностных отношений сотрудников и чувства их принадлежности к рабочему коллективу, частично сохраняя преимущества удаленного формата профессиональной деятельности.

В исследовании «Аффективная приверженность новичков в гибридных условиях работы: Исследование усиливающих и подавляющих факторов и посреднической роли в адаптации новичков» за авторством Алессандры Маццеи, Сильвии Раваццани, Альфонса Бутера, Сары Конти и Кьяры Фисичеллы, посвященном фактору развития аффективной приверженности новичков в гибридных рабочих контекстах, рассматривается роль социальной изоляции на рабочем месте и техностресс, как недостатков удаленного компонента гибридных рабочих условий, а также воспринимаемой сотрудником организационной поддержки и поддержку со стороны руководителя, в качестве факторов, оказывающих позитивное влияние на аффективную приверженность новичков в рабочих коллективах (Mazzei и др., 2023).

По мнению исследователей, гибридные рабочие графики перенимают как достоинства, так и недостатки очной и удаленной работы, например, удаленный компонент, с одной стороны, способствуют повышению производительности сотрудников и их автономии; сокращению личных расходов и времени на дорогу, а также улучшению баланса между работой и

личной жизнью (Mazzei и др., 2023). Однако, его недостатки, такие как риски возникновения социальной изоляции, трудоголизма и техностресса; потеря поддержки коллег и сокращение неформального общения, также нельзя игнорировать.

Рассматривая процесс адаптации новичков, как переход от статуса аутсайдера в организации к статусу вовлеченного, преданного полноценного сотрудника с помощью поддержки и обучения, Алессандра Маццей, Сильвия Раваццани, Альфонс Бутера, Сара Конти и Кьяра Фисичелла, проводя обзор научной литературы, пришли к выводу, что для удовлетворения потребности новичков и поддержать их процесс вхождения в должность, организация должна использовать ряд способствующих факторов, например, разработку и проведение программ ориентации, заключающихся в обучении новых сотрудников и ознакомление их с рабочими процессами организации; изучение и использование тактик социализации – способов, которыми организация структурирует опыт людей, приспособляющихся к новой роли и организации; обучение и применение агентов социализации, которые являются инсайдерами организации, такими как руководители и коллеги, облегчающие адаптацию к новой роли и организации путем предоставления новичкам информации, обратной связи, ресурсов и поддержки (Mazzei и др., 2023).

Авторы рассматривают социальную изоляцию на рабочем месте как убежденность человека в том, что он не имеет связи со своими коллегами, ощущением отсутствия поддержки и неформального взаимодействия с ними, а также отсутствия дружеских отношений с членами рабочего коллектива (Mazzei и др., 2023).

Техностресс в данном исследовании, определяется как стресс, возникающий в результате взаимодействия пользователя (сотрудника) с электронными устройствами и виртуальными средами, информационной перегрузкой, связанной с многозадачностью виртуальных сред и приложений, частых обновлений систем, вызывающих чувство неопределенности и необходимость изучать дополнительный материал, для эффективного взаимодействия с устройствами и средами, а также ощущением необходимости постоянного нахождения онлайн и готовности взаимодействовать с коллегами и начальством.

Воспринимаемая организационная поддержка определяется как степень, в которой люди чувствуют, что их организация заботится о них. В литературе доказана связь между воспринимаемой организационной поддержкой и аффективной приверженностью, в том смысле, что, когда сотрудники считают, что организация заботится о них, они чувствуют себя приверженными организации (Mazzei и др., 2023).

Кроме того, исследователями подчеркивается особая значимость воспринимаемой поддержки со стороны руководителя (Mazzei и др., 2023). Именно восприятие благоприятного отношения со стороны руководителя увеличивает воспринимаемую организационную поддержку что положительно влияет на аффективную приверженность организации. В соответствии с определением воспринимаемой организационной поддержки, воспринимаемую поддержку руководителя можно рассматривать как степень, в которой у сотрудников формируется впечатление, что начальство заботится об их благополучии, ценит их вклад и оказывает поддержку.

Рассматривая процесс адаптации новичков как медиатор аффективной приверженности, авторы исследования пришли к выводу, что наиболее важными аспектами адаптации новичка являются: ясность исполняемой им профессиональной роли, заключающаяся в обладании достаточной достоверной информации об его обязанностях, целях его собственной рабочей деятельности и целях деятельности организации в целом; адекватная самооценка своих профессиональных способностей; социальная интеграция в рабочий коллектив и знание организационной культуры предприятия.

Основываясь на изученных литературных источниках, Алессандра Маццей, Сильвия Раваццани, Альфонс Бутера, Сара Конти и Кьяра Фисичелла сформировали следующие гипотезы своего исследования (Mazzei и др., 2023): гибридных рабочих условиях социальная изоляция на рабочем месте оказывает негативное влияние на аффективную приверженность

новичков; в гибридных рабочих условиях техностресс оказывает негативное влияние на аффективную приверженность новичков; в гибридных рабочих условиях воспринимаемая организационная поддержка положительно влияет на аффективную приверженность новичков; в гибридных рабочих условиях воспринимаемая поддержка руководителя положительно влияет на аффективную приверженность новичков; в гибридных рабочих условиях адаптация новичков опосредует взаимосвязь между социальной изоляцией на рабочем месте и аффективной приверженностью новичков; в рабочих условиях адаптация новичков опосредует взаимосвязь между технострессом и аффективной приверженностью новичков; в гибридных рабочих условиях адаптация новичков опосредует взаимосвязь между воспринимаемой организационной поддержкой и аффективной приверженностью новичков; в гибридных рабочих условиях адаптация новичков опосредует взаимосвязь между воспринимаемой поддержкой руководителя и аффективной приверженностью новичков.

В результате проведения исследования, были подтверждены гипотезы 1, 3 и 4, т.е. в гибридных рабочих контекстах аффективная приверженность новичков отрицательно связана с социальной изоляцией на рабочем месте и положительно связана с воспринимаемой организационной поддержкой, а также с воспринимаемой поддержкой руководителя. Это означает, что, во-первых, социальная изоляция на рабочем месте негативно воздействует на аффективную приверженность новичков и эффективность их адаптации: во-вторых техностресс не оказывает достаточного влияния на аффективную приверженность; в-третьих доказано, что поддержка новичков со стороны организации и отдельно со стороны руководителя являются отдельными факторами, положительно влияющими на аффективную приверженность новичков как в очных, так и в гибких рабочих условиях; в-четвертых, адаптация новичка опосредует взаимосвязь между социальной изоляцией на рабочем месте и аффективной приверженностью, в то время как она не опосредует связь между воспринимаемой организационной поддержкой и воспринимаемой поддержкой руководителя и аффективной приверженностью новичков в гибридных рабочих контекстах (Mazzei и др., 2023). Похоже, что в гибридных рабочих контекстах восприятие организационной поддержки и поддержки руководителя поддерживает развитие аффективной приверженности и в том случае, если процесс адаптации еще не завершен. Это может означать, что, хотя в гибридных рабочих контекстах процесс адаптации может быть замедлен, новички все равно могут начать чувствовать аффективную приверженность, если они воспринимают поддержку организации и руководителя (Mazzei и др., 2023).

Данное исследование поднимает довольно интересную тему: влияние гибридного формата работы на онбординг и развитие аффективной приверженности у новичков в компаниях. Исследователи утверждают, что гибридный график работы перенимает у очного и удаленного форматов, как плюсы, так и минусы, и что методики адаптации сотрудников возможно использовать и адаптировать для любого вида рабочего графика. Но, более всего в данной работе интересен фактор социальной изоляции. Как и в предыдущем исследовании, можно заметить воздействие фактора ощущения изолированности на рабочие процессы, в данном конкретном случае, на процессы адаптации и развития аффективной приверженности. Несмотря на использования гибридного графика работы, социальная изоляция все еще способна оказывать негативное воздействие на человека и его трудоспособность, т.к. адаптация является не менее важной частью трудовых процессов, чем остальные. Это говорит, что само наличие фрагментов удаленного формата работы требует внимания и действий, смягчающих социальную изоляцию сотрудников, в данном исследовании, такими действиями выделяются организационная поддержка и поддержка сотрудников со стороны руководителей.

В исследовании «Психотерапия в условиях изоляции: Опыт использования онлайн-консультаций психотерапевтами во время первой волны пандемии COVID-19» за авторством Джессики Нотерманс и Пьера Филиппо, рассматриваются особенности онлайн формата психотерапевтических консультаций, такие как: особенности формирования отношения к онлайн-консультациям со стороны психотерапевтов и воздействие опыта их проведения перед

пандемией ковид; а также изменения основных аспектов терапевтических отношений при переходе от очного формата консультаций к онлайн формату (Notermans & Philippot, 2022).

Изучив данные предыдущих исследований, направленных на рассмотрение и оценку психотерапевтических консультаций в онлайн формате, Джессика Нотерманс и Пьер Филиппо заметили сильный контраст получаемых результатов, в ряде исследований установлено, что онлайн-консультации положительно влияют на процесс лечения определенных заболеваний, а также, что психотерапевты, в целом, положительно относятся к данному формату профессиональной деятельности (Feijt et al., 2020; Humer et al., 2020; McBeath et al., 2020). Однако в других исследованиях, говорится о обнаружении низкой эффективности онлайн-консультаций (Schulze et al., 2019; Stoll et al., 2020), а также о скорее негативном отношении врачей-психиатров к дистанционному формату работы (Mendes-Santos et al., 2020; Varker et al., 2019).

В связи со столь разнящимися данными, исследователи подчеркнули важность разработки строгой практической базы, содержащей рекомендации и инструкции, направленные на оказание поддержки врачам-психиатрам в процессе онлайн-консультирования (Notermans & Philippot, 2022).

Авторами были составлены следующие гипотезы: существуют значительные различия между психотерапевтами, проводящими и не проводящими онлайн-консультации, такие как: отношение к онлайн-консультированию в целом; ощущение напряженности; уровень воспринимаемой поддержки; отношение к онлайн-консультированию будет иметь значимые негативные ассоциации с терапевтическими отношениями, личным опытом онлайн-консультирования и процентом предложенных сеансов онлайн-консультаций; терапевтические отношения будут восприниматься значительно хуже, чем при очной консультации.

В результате проведения эмпирического исследования Джессика Нотерманс и Пьер Филиппо обнаружили, что практикующие врачи-психотерапевты, относятся к дистанционному формату осуществления своей профессиональной деятельности положительно и основными причинами для отказа от проведения онлайн-консультаций стали контекстуальные факторы, такие как, отсутствие необходимой для комфортной работы инфраструктуры (например, стабильного интернет-соединения) и семейные факторы. Также, авторы отмечают, что намерение использовать в своей работе онлайн-консультаций не связано ни с отношением к такому формату работы, ни с опасениями о сложностях, свойственных технологиям онлайн связи, а исключительно с личным мнением психиатров о пользе онлайн-консультаций для своих клиентов (Notermans & Philippot, 2022). Уровень восприятия аспектов терапевтических отношений, в результате перехода с очных консультаций на дистанционные, значительно снизился. Более того, участники также сообщили, что их личный опыт дистанционного консультирования с точки зрения легкости оплаты, изнурительности работы, терапевтической эффективности и профессиональной удовлетворенности также воспринимался в интернете значительно хуже. Неожиданно, однако, организация работы была воспринята как значительно лучшая в Интернете (Notermans & Philippot, 2022).

Данное исследование во всей полноте демонстрирует противоречия получаемых данных, касательно дистанционной работы, в данном случае, отношения к ней со стороны сотрудников, столкнувшимися с необходимостью приспособливаться к неожиданно возникшей пандемической угрозой. На основе этого, можно предположить, что дистанционные и гибридные рабочие графики оказывают воздействие на сотрудников их использующих, в зависимости от их индивидуально-личностных особенностей, сферы деятельности и их трудовых обязанностей, а также от иных демографических особенностей, таких как семейное положение, удаленность работы от места жительства, возраста, пола и т.д.

В заключение к данной статье, хотелось бы сказать, что несмотря на обилие работ, посвященных исследованию разнообразных психологических, экономических, организационных и других аспектов осуществления дистанционной профессиональной деятельности, их результаты достаточно сильно различаются друг от друга, и в некоторых случаях, даже противоречат друг другу. Это может быть связано с достаточно большим рядом причин,

начиная от периода сбора данных для исследований и заканчивая национальными, культурными и этническими особенностями респондентов, принимавших участие в данных исследованиях. Однозначно можно сказать, что для формирования полноценной теории, описывающей особенности воздействия дистанционного и гибридного формата трудовой деятельности на субъект труда, необходимо выявить наиболее существенные факторы, оказывающие влияние на эффективность форм удаленной и гибридной организации труда, психологические изменения у сотрудников, связанные с формой их профессиональной деятельности, а также на требования к профессиональным и психологическим компетенциям сотрудников.

Библиографический список

1. Bentley T. W. The role of organisational support in teleworker wellbeing: A socio-technical systems approach / Bentley T. W., Teo S. T., McLeod L., Tan F. K., Bosua R., & Gloet, M. // *Applied Ergonomics*. 2016. Vol. 52. P. 207–215.
2. Feijt M. A. Mental Health Care Goes Online: Practitioners' Experiences of Providing Mental Health Care During the COVID-19 Pandemic / Feijt, M. A., De Kort, Y. A., Bongers, I., Bierbooms, J. J., Westerink, J. H. D. M., & IJsselsteijn, W. W. // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2020. Vol. 23(12). P. 860–864.
3. Humer E. Experiences of Psychotherapists With Remote Psychotherapy During the COVID-19 Pandemic: Cross-sectional Web-Based Survey Study / Humer, E., Stippl, P., Pieh, C., Pryss, R., & Probst, T. // *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22(11), e20246.
4. Mazzei A. The affective commitment of newcomers in hybrid work contexts: A study on enhancing and inhibiting factors and the mediating role of newcomer adjustment / Mazzei, A., Ravazzani, S., Butera, A., Conti, S., & Fisichella, C. // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 13.
5. McBeath A. The challenges and experiences of psychotherapists working remotely during the coronavirus pandemic / McBeath A., Du Plock, S., & Bager-Charleson, S. // *Counselling and Psychotherapy Research*. 2020. Vol. 20(3). P. 394–405.
6. Mendes-Santos C. Portuguese Psychologists Attitudes Toward Internet Interventions: Exploratory Cross-Sectional Study / Mendes-Santos, C., Weiderpass, E., Santana, R., & Andersson, G. // *JMIR Mental Health*. 2020. Vol. 7(4), e16817.
7. Notermans J. Psychotherapy under lockdown: The use and experience of teleconsultation by psychotherapists during the first wave of the COVID-19 pandemic / Notermans, J., Philippot, P. // *Clinical Psychology in Europe*. 2022. Vol. 4(3).
8. Schulze N. Differences in Attitudes Toward Online Interventions in Psychiatry and Psychotherapy Between Health Care Professionals and Nonprofessionals: A Survey / Schulze, N., Reuter, S. C., Kuchler, I., Reinke, B., Hinkelmann, L., Stöckigt, S., Siemoneit, H. R., & Tonn, P. // *Telemedicine Journal and E-health*. 2019. Vol. 25(10). P. 926–932.
9. Stoll J. Ethical Issues in Online Psychotherapy: A Narrative Review / Stoll, J., Müller, J. V., & Trachsel, M. // *Frontiers in Psychiatry*. 2020. Vol. 10.
10. Tuzovic S. The influence of social distancing on employee well-being: a conceptual framework and research agenda / Tuzovic, S., Kabadayi, S. // *Journal of Service Management*. 2018. Vol. 32(2). P. 145–160.
11. Van Zoonen W. The impact of remote work and mediated communication frequency on isolation and psychological distress / Van Zoonen, W., & Sivunen, A. // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2021. Vol. 31(4). P. 610–621.
12. Van Zoonen W. Disruptions and General Distress for Essential and Nonessential Employees During the COVID-19 Pandemic / Van Zoonen, W., & Ter Hoeven, C. L. // *Journal of Business and Psychology*. 2021. Vol. 37(2). P. 443–458.
13. Varker T. Efficacy of synchronous telepsychology interventions for people with anxiety, depression, posttraumatic stress disorder, and adjustment disorder: A rapid evidence assessment / Varker, T., Brand, R. M., Ward, J., Terhaag, S., & Pirkis, J. // *Psychological Services*. 2019. Vol. 16(4). P. 621–635.

Н.И. Курсевич

ПСИХОТЕХНИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ АКТЕРА

Аннотация. В статье характеризуется интегративный процесс в контексте сотворчества актера со сценическими партнерами и зрителями. Подчеркивается, что объединение частей структуры профессиональной деятельности актеров в целое следует рассматривать как объединяющую территорию различных знаний, умений, накопленных посредством деятельности человека и направленных на изучение и развитие возможностей, способностей, талантов, навыков жизнеспособности гармонично развитой творческой личности. Примечательно, что при освоении механизмов творчества актера, применяемых при перевоплощении в роль посредством перехода от своего образа «Я» в образ «Я персонажа» в процессе взаимодействия со сценическими партнерами и опосредованно со зрителями, формируются навыки результативного общения, а соответственно, и социализации в целом.

Ключевые слова: психология, интеграция, социализация, актер, способности, перевоплощение.

N.I. Kursevich

PSYCHOTECHNOLOGIES OF SOCIAL INTEGRATION IN ACTORS' CREATIVITY

Abstract. The article characterizes the integrative process in the context of the actor's co-creation with stage partners and spectators. It is emphasized that the unification of parts of the professional activity of actors into a whole should be considered as a unifying territory of various knowledge, skills accumulated through human activities and aimed at studying and developing the capabilities, abilities, talents, skills of the viability of a harmoniously developed creative personality. It is noteworthy that when mastering the mechanisms of the actor's creativity (used when reincarnating into a role through the transition from his image of "I" to the image of "I of the character") in the process of interaction with stage partners and indirectly with the audience, the skills of effective communication are formed, and, accordingly, socialization in general.

Keywords: psychology, integration, socialization, actor, abilities, reincarnation.

В разных формах интеграция встречается во всех сферах жизни общества и во всех областях деятельности. *Сенсорная интеграция* является важной составляющей актерской деятельности как способность мозга актера собирать, обобщать и анализировать информацию, поступающую от разных органов чувств. Благодаря ей актеры способны обобщать и использовать уже имеющийся сенсорный опыт. Отсюда следует, что интегративный процесс органичен, свойственен как психологической науке, так и профессиональной деятельности актера в качестве технологии, объединяющей эти исследовательские среды (Антоненко, 2022; Курсевич, 2022).

Как известно, социальной интеграцией называют успешно состоявшуюся социализацию индивида, имевшего какие-то проблемы с этим процессом. *Социальная интеграция* – это значимая составляющая творчества актера. Очевидно, что здесь имеется в виду социальное взаимодействие в процессе сотворчества со сценическими партнерами и зрителями. При этом, термин «социальная интеграция» можно трактовать одним из способов (Мазиллов, 2022; Мазиллов, 2022а; Норина, 2023):

- адаптация индивида к группе (например, новый член театральной труппы интегрируется в творческий коллектив; актер, переехавший в другую страну, интегрируется в новое для себя общество);

- сближение отдельных индивидов или групп, которые изначально по тем или иным причинам были отдалены (например, в одной труппе объединены актеры разных театральных направлений – «психологического театра», «театра представлений», симбиоза направлений);

- социализация индивида, который изначально имел проблемы с социальным взаимодействием (например, актеры «театра с ограниченными возможностями» – с инвалидностью);

- результативное взаимодействие актера со сценическими партнерами в процессе сотворчества, формирующееся посредством проявления искреннего внимания к собеседнику при способности «слушать» и «слышать», «смотреть» и «видеть», в полной мере «воспринимать», адекватно «оценивать» услышанное, увиденное, испытывать и проявлять эмпатию, «располагать», «заражать», воздействовать, «видоизменяя» партнеров, ситуации, предлагаемые обстоятельства, подчиняя партнеров сверхзадаче исполняемого актером персонажа посредством сквозного действия, формируя катарсис в процессе сотворчества;

- социальное взаимодействие актера с публикой – это опосредованное воздействие на зрителей с целью видоизменения их настроения, самочувствия, сознания, подсознания при подчинении сверх-сверхзадаче актера посредством сверх-сквозного действия, при формировании катарсиса в процессе сотворчества.

Значимо для театрального дела и то, что с точки зрения психологии, под интеграцией подразумевается понятие целостности психики и личности актера, т.е. интеграция – как такое психоэмоциональное состояние, при котором все системы психики самого актера, его сценических партнеров, зрителей взаимодействуют максимально слажено, включая сознательное и бессознательное в процессе сценического сотворчества. Существенно и то, что интеграция способствует объединению разных составляющих индивидуума, создавая тем самым базу для индивидуации при создании актером художественного образа (Курсевич, 2020).

Относительно интеграции как желаемого состояния в контексте психокоррекционной работы посредством сотворчества актера с партнерами, публикой, интеграция характеризуется набором неких универсальных качеств, при этом она может быть достигнута человеком в рамках его индивидуальной нормы. А что значит гармония с собой – это когда все части имеют одну направленность на реальность. Интеграция включает и некие универсальные качества, и личную норму. Интеграция – это как бы соединение разных аспектов «Я» актера, и чем в большей степени это происходит, тем больше осознанности мыслей, чувств, понимания себя, своего образа «Я» как инструмента актерской профессиональной деятельности и т.д. В этом контексте интеграция – это личностная целостность актера, мир с собой; это и универсальное качество, и индивидуальная норма, своеобразное творческое приспособление; это существенный шаг на пути индивидуации и самоосуществления (Мазиллов, 2017; Мазиллов, 2017а), что весьма важно для формирования гармонично развитой, социально адаптированной творческой личности высоко профессионального актера.

Способность, потребность актера интегрироваться является выражением здорового и нормального эго. Интеграция в психологии – объединение в единое и обладающее новыми качествами целое каких-либо частей, элементов, фрагментов – сопоставима с интеграцией личности – слаженной и дружной работой всех частей творческой личности высоко профессионального актера. Во всем многообразии наук психологическая наука в контексте исследования психологических особенностей личности и творчества актера имеет очень важную в рассматриваемом плане особенность, а именно: человек предстает и как субъект, и как предмет познания (Курсевич, 2020; Слепко, 2022).

Основываясь на своем профессиональном сценическом опыте, приведу примеры интегрирования элементов психотехник актерского мастерства, психологической науки, лингвистики, исторических, театроведческих, литературоведческих знаний, логики, коммуникативных навыков и пр. в контексте формирования психофизиологических особенностей гармонично развитой, социально адаптированной творческой личности актера как умелого оратора, способного эффективно коммуницировать, результативно взаимодействовать с членами творческого коллектива, органично вливаясь в его психоструктуру и не утрачивая своих личностных качеств.

Рассмотрим пример реализации интегрирования как технологии формирования психологических особенностей творческой личности актера при освоении «Программы полугодового обучения актерскому мастерству» (упражнения и этюды в роли ведущих проводят участники учебного процесса):

1. Знакомство / приветствие (доброжелательно в адрес присутствующих, с улыбкой, внятно, приветливо поздороваться, назвать фамилию, имя).

2. *Ведущий произносит:* «Развиваем внимание, память, волю, собранность, координацию, самообладание, чувство коллективизма. Движения по сигналу».

А) *Учащиеся выполняют движения по хлопку ведущего.*

Ведущий произносит: «Встать через 1». (По хлопку, чередуясь, учащиеся встают со стульев).

Ведущий произносит: «Гребенка» через 1». (По хлопку, чередуясь в обратном порядке: те, кто стоят – садятся, сидящие – встают).

Ведущий произносит: «Встать – 1, 3, 2». (По хлопку, чередуясь, учащиеся встают со стульев).

Ведущий произносит: «Встать – 2, 3, 1». (По хлопку, чередуясь в обратном порядке, учащиеся встают со стульев).

Б) *Ведущий называет цифры, группа выполняет действия.*

Цифрам от 1 до 10 соответствуют действия: 1 – расслабиться, 2 – медленно подняться, 3 – один хлопок перед собой, 4 – положить руки на плечи друг другу, 5 – произнести «мы вместе!», 6 – убрать руки с плеч друг друга, 7 – руки направить вперед и произнести «здорово!», 8 – поворот вокруг себя через правое плечо, 9 – сесть на стул, 10 – 2 хлопка в ладоши.

В) *Ведущий произносит в качестве сигнала для начала упражнения:* «Построение фигур». (Учащимся следует выстроить фигуры в течение фраз).

Ведущий произносит, например: «Звучал мне долго голос нежный и снились милые черты». Учащиеся выстраиваются в 3 шеренги: 1 вертикальная шеренга (слева), 2 вертикальная шеренга (в центре), 3 вертикальная шеренга (справа).

Ведущий произносит, например: «Я буду солнце лить свое, а ты свое стихами». Учащимся 1-й вертикальной шеренги следует сделать «реверанс», чуть наклонившись и повернувшись влево (к центру); 2-й вертикальной шеренге – красиво поднять руки вверх на разных уровнях; 3-й вертикальной шеренге – сделать «реверанс», чуть наклонившись и повернувшись вправо (к центру).

Ведущий произносит, например: «И невозможное возможно, дорога долгая легка». Учащиеся возвращаются на свои места, садятся на стулья.

3. *Ведущий произносит:* «Развиваем мелодику речи, навык интонирования».

А) *Ведущий произносит в качестве сигнала для начала упражнения:* «Простите», «слушаю вас», «до встречи». Учащимся следует произнести в 3-х вариантах с разным подтекстом (радость, удивление, предупреждение, забота, сомнение, потрясение и пр.).

Б) *Ведущий произносит в качестве сигнала для начала упражнения:* «Пословицы и поговорки». Учащиеся произносят пословицы / поговорки с соответствующими подтекстами (в осмысленных диалогах с партнерами) (Энциклопедический словарь крылатых ..., 2003):

«Где родился, – там и пригодился». «В своем доме и стены помогают». «В гостях хо-рошо, а дома лучше».

«Москва слезам не верит, ей дело подавай». «Что посеешь, то и пожнешь». «Взялся за гуж, – не говори, что не дюж». «В народе тот не забудется, кто честно трудится». «Терпенье и труд все перетрут». «Тише едешь, дальше будешь». «Лучше поздно, чем никогда». «Поспешишь, людей насмешишь». «Всему свое время».

«Не имей сто рублей, а имей сто друзей». «Доброе братство лучше богатства». «По пруту весь веник переломаешь, а связанного веника не переломишь». «Дружба крепка не лестью, а правдой и честью».

«Учеба и труд рядом идут». «Глаза боятся, а руки делают». «Вдохновение приходит во время труда». «Ученье, да уменье всегда найдет применение». «Добрый человек добру и учит».

4. Упражнение «машинка». Развитие внимания, слуха, координации, чувства ритма, воли, собранности, самообладания, чувства партнерства, коллективизма.

Учащиеся распределяют буквы алфавита; партитура движений упражнения: буква фразы «обозначается» хлопком в ладоши учащегося, которому распределена конкретная буква; конец слова – 2 хлопка в ладоши; запятая – топнуть правой ногой об пол, конец фразы (восклицательный знак) – 2 хлопка, сидя; встать + 2 хлопка.

Ведущий произносит фразу, чтобы подать сигнал «начали», например: «Терпеливому искателю... (все подхватывают:) не нужен свет, чтобы видеть!».

5. Этюды. Развитие и интегрирование таких личностных качеств актера как внимание, наблюдательность, воображение, фантазия, визуализация, креативность, способность к импровизации, коммуникативность, чувство партнера, скоординированность.

В этюдах должны быть определены исходное и поворотное события, предлагаемые обстоятельства (характер взаимоотношений участников), формирующие сюжет.

Ведущий произносит: «Отношение к предмету». (Например, не стул, а детская коляска, собачья будка; не перчатка, а щенок, птица, ежик и пр.). Учащиеся выполняют этюды.

Ведущий произносит: «Память физических действий». Учащиеся выполняют этюды на беспредметные действия в контексте трудовой деятельности (например, «вымыть пол», «вскопать огород», «готовя завтрак, заварить чай / кофе, сделать бутерброды», «нанизать бусы, бисер»; «швея раскраивает изделие, сшивает детали, пришивает пуговицы», «строитель распиливает доски, размешивает цемент, укладывает кирпичи», «повар варит готовит обед», «дворник убирает улицу» и т.д.).

Ведущий произносит: «Психофизическое самочувствие / преодоление». (Например, взять горячий стакан, картошку из костра; съесть ломтик лимона; кутаться от холода; изнемогать от жары; пройти по горячему песку, по болоту, по льду, в брод, во время снежной вьюги, песчаной бури в пустыне, через лесные трющобы, через болото и т.д.). Учащиеся выполняют этюды.

Ведущий произносит: «Наблюдения». (Например, наблюдения за животными, птицами, рыбами, насекомыми, забавно проявляющимися в природе, в домашних условиях, в цирке / предпочтителен юмористический жанр; можно использовать грим, элементы костюмов, реквизит). Учащиеся выполняют этюды.

6. Эссе (*исторические справки о развитии театрального искусства, о творчестве выдающихся театральных деятелей, об этике в формате рассказов / онлайн-проектов учащихся на основе научных, документальных материалов, по 3-5 мин.*). Формирование навыков ораторского искусства, развитие интеллекта, памяти, логического мышления, логики речи, способности убедительно доносить смысл.

Изложение эссе (в формате моно-рассказа, или в диалогах по ролям): «Особенности творчества К.С. Станиславского».

Дискуссия. *Учащиеся по очереди азартно транслируют усвоенные утверждения, отстаивая предложенную точку зрения (общаются сидя, либо двигаются в «броуновском движении»).* Сверхзадача – термин, введенный К.С. Станиславским для обозначения главной цели, ради которой создается пьеса, актерский образ, или ставится спектакль. Это главный интерес, основная жизненная, творческая цель. Н.В. Гоголь называл сверхзадачу «главной работой»:

– общая творческая, смысловая, нравственная и идеологическая цель, объединяющая весь постановочный коллектив и способствующая созданию художественного ансамбля и единого звучания спектакля;

– основная идея человека, это самое главное в его жизни;

– инструмент, благодаря которому в пьесе, в исполняемой актером роли в спектакле является экспозиция, пролог, завязка, развитие, кульминация, развязка, эпилог. Она определяет тот путь, который проделывает актер вместе со зрителями, создавая художественный образ;

– основная конечная цель спектакля, творчества, профессиональной деятельности актера;

– это цель, идея общения: *что* хочу передать собеседнику, зрителю; *чем*, какими убеждениями буду стараться заразить партнера, публику?

– объединяющий элемент постановочных и моральных стремлений участников спектакля; это главная идейная задача, ради которой создается пьеса, актерский образ и весь спектакль;

– одновременно то, *что хочется сказать* зрителю и *жизненные принципы*, которые разделяются актерами;

– это то, что автор, режиссер, актер хочет высказать в творчестве.

При этом *сквозное действие* – это путь, по которому режиссер, актер идут к своей цели в спектакле, в роли. Это единое действие, направленное к сверхзадаче. Логика всех действий человеко-роли объединяется в единое *сквозное действие*.

Сверхзадача, сквозное действие – основные психологические механизмы создания актерами художественного образа. *Психологический механизм* – это система внутренне-внешних психических действий, использование которой приводит к психологическому результату при создании актерами художественного образа. Это *средство* осуществления целей.

Учащиеся исполняют подготовленные эссе (в формате моно-рассказов, либо в диалогах по ролям) *об особенностях творчества В.И. Немирович-Данченко, В.Э. Мейерхольда, М.А. Чехова, М.О. Кнебель, А.Д. Попова, Е.Б. Вахтангова и пр.*

7. *Литературно-драматические композиции* (с элементами театрализации).

Учащиеся, подготавливая, исполняя на сцене литературные произведения, получая опыт публичных выступлений, развивают интеллект, память, внимание, логическое мышление, волю, навыки самообладания, коммуникации, чувство коллективизма; повышают культурный уровень, самооценку, степень социализации.

Готовясь к сценическому выступлению, учащиеся всякий раз осуществляют *смысловой разбор* литературного текста: определяют *предлагаемые обстоятельства* сценического творчества; выявляют *психофизиологические особенности литературных героев*; формулируют *сверхзадачу, сквозное действие* творчества; делят литературный текст на *смысловые куски* (*экспозиция, пролог, завязка, развитие, кульминация, развязка, эпилог; кульминация* – раскрытие смысла общения, эмоциональный пик взаимодействия, реализация сквозного действия; *эпилог* – реализация сверхзадачи, главной идеи сотворчества с публикой при формировании катарсиса); устанавливают *событийный ряд* литературного текста на основе предлагаемых обстоятельств сюжета; выявляют *действенную линию* исполнителя в процессе сотворчества со зрителем; осуществляют *логический анализ* литературного текста.

В.А. Мазиллов справедливо отметил, что актуальность интеграционных процессов в психологии высока, но их осуществление в действительности идет весьма медленно (Мазиллов, 2022а). Понятно, что проблемы интеграции научного знания связаны с взаимодействием наук, тем статусом, который психология занимает, поскольку от этого зависят реальные взаимоотношения между научными дисциплинами. Поскольку психологическая интеграция служит организации полномасштабного личностного осуществления, подстраивая отдельные части индивидуальности друг к другу так, чтобы в итоге получить цельную личность, – интегративная психология является основным инструментарием профессиональной деятельности актеров в контексте реализации творческой сверх-сверхзадачи в самореализации актера.

Таким образом, интегративность творчества актера практически созвучна интегративности психологии. Творческая деятельность актеров базируется на формировании и использовании психологических знаний, навыков, на умении ими варьировать в соответствии с применением механизмов создания актерами художественных образов при сотворчестве.

В свою очередь, интегративная психология вбирает теорию (знания), практику (навыки), накапливающийся феноменологический опыт творческой профессиональной деятельности, объединяя разнородные части системы полученной информации о природе человека в единую среду, достигает цели интеграции в психологии – сохранение целостности психического, расширение пространства человековедения, научного знания в целом.

Библиографический список

1. Антоненко И. В. Типы интеграции личности / Интеграция в психологии: теория, методология, практика: сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (27 мая 2022 г.) / под науч. ред. В. А. Мазилова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 127 с.
2. Курсевич Н. И. Психологическая феноменология создания актерами художественного образа: дис. ... канд. психол. наук / Курсевич Наталия Ивановна. Москва, 2020. 213 с.
3. Курсевич Н. И. Обоснование методов исследования создания актерами художественного образа / Н. И. Курсевич, Н. Е. Рубцова // International Journal of Medicine and Psychology. 2022. Т. 5, № 8. С. 20-26.
4. Мазилев В. А. Внутренний мир человека как предмет психологической науки // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 178-185.
5. Мазилев В. А. Интеграция в психологии: актуальные проблемы и новые перспективы / Интеграция в психологии: теория, методология, практика: сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (27 мая 2022 г.) / под науч. ред. В. А. Мазилова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 127 с.
6. Мазилев В. А. Архетип как код массовой культуры / В. А. Мазилев, Т. С. Злотникова // Психологический журнал. 2017а. Т. 38. № 1. С. 129-135.
7. Мазилев В. А. Интеграция в психологической науке сегодня (вместо предисловия) / В. А. Мазилев, Ю. Н. Слепко, Т. В. Бугайчук / Интеграция в психологии: теория, методология, практика: сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (27 мая 2022 г.) / под науч. ред. В. А. Мазилова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022а. 127 с.
8. Норина В. Н. Понятие социальной интеграции в психологии // Образовательный портал «Справочник». Дата обращения: 20.05.2023. URL https://spravochnick.ru/psihologiya/ponyatie_socialnoy_integracii_v_psihologii/
9. Слепко Ю. Н. Одаренность. Объяснение. Интеграция / Интеграция в психологии: теория, методология, практика: сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (27 мая 2022 г.) / под науч. ред. В. А. Мазилова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 127 с.
10. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / составитель В. В. Серов. Москва : «Локид-Пресс», 2003.

Я-КОНЦЕПЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ ОБРАЗОВ РЕКЛАМНЫХ ПРОДУКТОВ

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования в области психологии рекламы. Для изучения связи Я-концепции потребителей и их предпочтений образов рекламных продуктов было обследовано 75 девушек-студенток в возрасте $M = 19,5$. Измерялись: реальное и идеальное представления о себе (методика диагностики межличностных отношений Т.Лири), описание образа гипотетического владельца рекламных продуктов (метод полярных профилей), ценности (методика Ш.Шварца, адаптированная под задачи исследования). Обработка данных: описательные статистики, Хи-квадрат Пирсона, U-критерий Манна-Уитни. Описаны портреты гипотетических владельцев наиболее часто отмечаемых образов, а также портреты респондентов, которые данные образы выбирали. Выявлены совпадения по видам ценностей, значимых для самих опрошенных, и тем ценностям, которые, по их мнению, отражают понравившиеся образы.

Ключевые слова: Я-концепция, предпочтения потребителей, ценности, образ рекламного продукта, Я-концепция и предпочтения потребителей.

A.E. Maslyanaya

EMPIRICAL STUDY OF CONSUMER SELF-CONCEPT AND PREFERENCES OF IMAGES OF ADVERTISING PRODUCTS

Abstract. The article presents the results of an empirical study in the field of advertising psychology. To study the relationship between the self-concept of consumers and their preferences for images of advertising products, 75 female students aged $M = 19.5$ were researched. The following were measured: real and ideal self-concept (method of diagnosing interpersonal relations by T. Leary), description of the image of a hypothetical owner of advertising products (method of polar profiles), values (method of S.Schwartz, adapted to the objectives of the study). Data processing: descriptive statistics, Pearson's Chi-square, Mann-Whitney U-test. The portraits of the hypothetical owners of the most frequently noted images are described, as well as the portraits of the respondents who chose these images. Matches were found in the types of values that are significant for the respondents themselves, and those values that, in their opinion, reflect the images they like.

Keywords: self-concept, preferences of consumers, values, product image in advertising, self-concept and preferences of consumers.

Введение. В течении длительного периода времени исследователи полагали, что при организации рекламной кампании достаточно будет учесть финансовый достаток потребителя, соотношение понятий «цена» и «качество» товара, страну-производителя и компанию. Со временем список факторов, влияющих на эффективность продвижения товара, расширялся. И в современных условиях все чаще в него включаются психологические факторы, в том числе, изучается Я-концепция представителей целевой аудитории (Волкова, Патоша, 2020).

Известно, что потребители отдают предпочтение тем товарам, которые соответствуют их образам Я (Сморкалова, 2013). В данном исследовании понятие Я-концепции мы рассматриваем как совокупность установок по отношению к самому себе.

Прежде чем ввести новый продукт в продажу, необходимо продумать его рекламный образ и запустить процесс формирования определенной установки по отношению к нему у

потребителя, акцентируя внимание на эмоционально-ценностном компоненте подаваемого образа рекламного продукта, предварительно составив представления об особенностях Я образов потенциальных потребителей.

В статье раскрывается связь предпочтений потребителей и их Я образов на примере изучения рекламных образов духов, изображенных на баннерах. На предварительном этапе выяснилось, что представители выборки пользуются духами.

Цель исследования – изучение роли особенностей Я-концепции потребителя в предпочтении образа рекламного продукта. Объект – молодежь (девушки). Предмет – Я-концепция и предпочтения образа рекламного продукта. Выборка и условия проведения. В исследовании приняли участие 75 девушек-студенток, обучающихся в возрасте $M = 19,5$ лет, $\sigma = 1,5$. Эмпирический процесс проводился с помощью google-формы в период с марта по май 2022 года. Применялись следующие методы сбора информации: методика диагностики межличностных отношений Т.Лири для оценки Я-реального и Я-идеального; метод полярных профилей, в основе которого используются шкалы методики Т.Лири; методика ценности по Ш. Шварцу. Вопросы по методикам предъявлялись в стандартном порядке, а баннеры с образами рекламных продуктов - в случайном порядке. Использовались следующие методы математической обработки данных – описательные статистики, Хи-квадрат Пирсона, U-критерий Манна-Уитни.

Алгоритм проведения исследования. Респондентам предлагалось дважды заполнить методику Т.Лири: сначала подумать о себе в настоящем (Я-реальное), затем о том, каким хотели бы быть (Я-идеальное). Далее предъявлялся список из 10 ценностей, нужно было выбрать 3 из них, которые респондент считает наиболее значимыми в жизни. Затем начинался второй блок: респонденты знакомились с 10 образами рекламных продуктов в случайном порядке, из них нужно было выбрать 2, которые понравились, и 2, которые не понравились, зафиксировать номера в соответствующих полях. После этого респонденты оценивали гипотетического владельца каждого выбранного товара по предложенным полярным профилям (профили были составлены на основе шкал методики Т.Лири). Далее так же для каждого отображенного образа надо было выбрать из того же списка десяти ценностей три, которые отражает данный образ. В конце предлагалось заполнить анкету.

Описание результатов. Для анализа выборов двух понравившихся и двух не понравившихся образов товаров был применен критерий Хи-квадрат Пирсона. Обнаружены статистически достоверные различия между эмпирическим и теоретическим распределениями. Это означает, что есть образы, которые выбирались чаще других (первый понравившийся образ $\chi^2 = 35,24$, $p < 0,001$; второй понравившийся образ $\chi^2 = 17,11$, $0,05 < p < 0,01$; первый не понравившийся образ $\chi^2 = 40,85$, $p < 0,001$; второй не понравившийся образ $\chi^2 = 28,58$, $p < 0,001$). Также был рассчитан критерий Манна-Уитни для сравнения оценок Я-концепции предполагаемого владельца данного товара с характеристиками всех остальных владельцев; а также для сравнения особенностей Я-концепции респондентов, которые выбрали данный товар как понравившийся и тех, кто отметил другие товары. Портреты владельцев наиболее часто выбираемых образов и респондентов, которые эти образы выбирали, описан на основе расчета средних.

1. Описания усредненных портретов гипотетических владельцев образов и респондентов Я-концепции гипотетических владельцев первого понравившегося образа отличаются большей независимостью, дружелюбностью и доверчивостью, по сравнению с остальными владельцами первого понравившегося образа. Они имеют низкую выраженность авторитарности и подчиняемости, альтруистичности и эгоистичности. А респондентов, выбирающих данные образы, можно охарактеризовать в настоящем как более авторитарных, агрессивных (хотя предпочли бы быть менее авторитарными и агрессивными в идеале), более эгоистичных и менее зависимых (совпадает с идеальным представлением) и менее дружелюбных (в идеале дружелюбность ниже), в сравнении с теми, кто выбирал другие образы рекламных продуктов.

Подчеркнем, что при описании другого человека (владельца рекламного продукта) респонденты отметили больше качеств, которые хотели бы в идеале иметь у себя. Исключением явилась такая характеристика, как дружелюбность, которая у другого владельца выше, чем желаемая у себя.

Гипотетические владельцы образов второго понравившегося рекламного продукта более доверчивые, подчиняемые, альтруистичные и менее авторитарные, независимые, дружелюбные, по сравнению с остальными владельцами второго понравившегося образа. Респондентов, выбирающих данные образы рекламных продуктов, можно охарактеризовать в настоящем как более альтруистичных, подозрительных и дружелюбных. В идеальном представлении себя – как более дружелюбных, авторитарных, менее подчиняемых, подозрительных, в отличие от их Я-реального и от Я-идеального группы респондентов, которые выбрали другие образы. Можно заметить, что при описании Я-концепции другого человека (владельца рекламного продукта) респонденты отмечали те особенности, которые больше схожи с их Я-реальным, а не с Я-идеальным.

Предполагаемые типичные владельцы первого непонравившегося образа отличаются большей подчиняемостью, дружелюбностью, а также меньшей подозрительностью, эгоистичностью, агрессивностью, зависимостью и доверчивостью, в сравнении с остальными владельцами первого непонравившегося образа. А Я-идеальное респондентов, выбирающих данные образы, можно охарактеризовать как более авторитарное и альтруистичное, менее подозрительное, подчиняемое и менее зависимое, чем Я-идеальное не выбравших данные товары респондентов; Я-реальное также характеризуется большей авторитарностью и альтруистичностью у выбравших данные товары, а также большей подозрительностью, дружелюбностью. Можно увидеть, что при описании другого человека (владельца) респонденты отмечают характеристики, похожие как на Я-реальное, так и на Я-идеальное.

Я-концепции гипотетических владельцев второго непонравившегося образа отличаются большей авторитарностью, эгоистичностью, подозрительностью, независимостью, агрессивностью и меньшей дружелюбностью, подчиняемостью, альтруистичностью, доверчивостью и зависимостью, в сравнении с остальными владельцами второго непонравившегося образа. А респондентов, выбирающих данные образы, в их реальном представлении себя можно охарактеризовать как менее агрессивных, альтруистичных, подозрительных, но более дружелюбных и авторитарных, в отличие от тех, кто выбирал другие образы. Я-идеальное описываемой группы более авторитарно, менее альтруистично, чем желаемое представление себя остальной части выборки.

Выявлено, что при описании Я-концепции другого человека (владельца рекламного продукта) есть пересечения с особенностями как Я-реального, так и Я-идеального респондентов.

2. Результаты исследования ценностей респондентов.

Собственные ценности. По критерию Хи-квадрат Пирсона есть значимые различия между эмпирическими и теоретическим распределениями выборов ценностей ($\chi^2 = 102,204$, $p < 0,001$). Для большинства респондентов наиболее значимыми оказались такие ценности, как самостоятельность (выбрали 64% опрошенных), гедонизм (60%), достижения (52%) и доброта (48%).

Ценности, которые отражают образы двух понравившихся товаров. По критерию Хи-квадрат Пирсона есть значимые различия между эмпирическими и теоретическим распределениями выборов ценностей (для первого образа $\chi^2 = 117$, $p < 0,001$; для второго образа $\chi^2 = 51,06$, $p < 0,001$). Большинство респондентов считает, что образы несут ценности гедонизма, достижения, самостоятельности и доброты.

Ценности, которые отражают образы двух непонравившихся товаров. По критерию Хи-квадрат Пирсона значимых различий между эмпирическими и теоретическим распределениями выборов ценностей не обнаружено для первого непонравившегося образа товара ($\chi^2 = 11,375$, $p > 0,05$) и выявлены достоверные различия для второго непонравившегося товара (χ^2

= 38,753, $p < 0,001$). Большинство респондентов при описании второго непонравившегося образа отметили ценности конформизма, власти и традиций.

Можно заключить, что набор ценностей, который отражает образ понравившихся товаров, совпадает с выбранными большинством респондентов жизненно значимыми ценностями.

Выводы. Мы выяснили особенности Я-концепции (Я-реального и Я-идеального) тех респондентов, которые выбирали наиболее популярные образы продукта, а также какие характеристики приписываются владельцам наиболее часто выбираемых образов. При описании владельца первого понравившегося рекламного продукта респонденты отметили больше качеств, которые хотели бы в идеале иметь у себя, а также ряд противоположных качеств, которые являются обратными их реальным. Напротив, давая характеристику Я-концепции другого человека, владеющего вторым понравившимся образом, респонденты отмечали те особенности, которые больше схожи с их Я-реальным и противоположны с Я-идеальным. Для первого непонравившегося образа наблюдается опора в равной степени как на реальный, так и на идеальный образ себя. То же можно сказать и про второй непонравившийся образ, добавив то, что в данном случае наблюдается больше пересечений с качествами, противоположными собственными. Мы предполагаем, что полученные сходства с владельцами понравившихся образов могут быть связаны с уровнем притязаний. При адекватном уровне происходит опора на свои качества в настоящем, при завышенном – на идеальные представления о себе. Пересечение качеств опрошенных с обладателями непонравившихся образов может быть связано с самооценкой респондентов. В случае ее заниженности – отмечается больше проекций своих особенностей на другого человека. Выявлено совпадение по видам ценностей, значимых для самих опрошенных, с видами ценностей, заложенными, по их мнению, в образ понравившихся рекламных продуктов.

Заключение. В результате проведенного эмпирического исследования можно подчеркнуть взаимовлияние Я-концепции и предпочтений образов товаров: как реальные, так и идеальные представления о себе могут повлиять на предпочтения. Данное исследование вносит свой вклад в развитие области создания и продвижения рекламных продуктов.

Библиографический список

1. Волкова А. Д. Социальная идентичность и доверие в контексте предпочтения продуктов цифровой экономики: теоретический обзор / А. Д. Волкова, О. И. Патоша // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 3-1. С. 173-177.
2. Сморгалова Т. Л. Проявление Я-концепции в потребительских предпочтениях покупателей / Автореф. дисс... кандидата психол. наук. Тюмень, 2013. 25 с.

УДК 159.9

Ю.А. Мейер

ПРОФИЛАКТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье рассматривается личность молодого сотрудника уголовно-исполнительной системы. Обращено внимание на процесс формирования профессионального становления, которое сопряжено с возможным проявлением первой и (или) второй степени профессионального выгорания на первом году службы. Обозначены способы организации профилактической работы сотрудниками психологических лабораторий исправительного учреждения. Рассмотрены актуальные способы психопрофилактики, такие как психобразование, рисование нейрографики, agile-планирование. Выявлены факторы, влияющие на развитие профессионального выгорания в период службы.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, молодые сотрудники, профилактика выгорания, профессиональное становление, уголовно-исполнительная система.

Yu.A. Meyer

PREVENTION OF PROFESSIONAL BURNOUT OF YOUNG EMPLOYEES OF THE CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM

Abstract. The article deals with the personality of a young employee of the penitentiary system. Attention is drawn to the process of formation of professional development, which is associated with the possible manifestation of the first and (or) second degree of professional burnout in the first year of service. The ways of organizing preventive work by employees of psychological laboratories of the correctional institution are outlined. Topical methods of psychoprophylaxis, such as psychoeducation, drawing neurographics, agile planning, are considered. The factors influencing the development of professional burnout during the period of service have been identified.

Keywords: professional burnout, young employees, burnout prevention, professional development, penitentiary system.

Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы насыщена физическими и эмоциональными перегрузками, усталостью, повышенной концентрацией внимания при работе со спецконтингентом, готовностью к применению физической силы и огнестрельного оружия. Возможны недосыпания и преобладание негативного психоэмоционального состояния, что ухудшает общее самочувствие и ведет к развитию психосоматических заболеваний. Все вышеперечисленное может негативно влиять на мотивацию сотрудника к добросовестному выполнению служебных и должностных обязанностей уже на этапе профессионального становления, которое сопряжено со многими негативными факторами, требующими помощь в адаптации.

На современном этапе реформирования пенитенциарной системы в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года акцентируется особое внимание на повышении эффективности УИС, предусматривающей совершенствование организации деятельности, формирование высокомотивированного и профессионального кадрового потенциала. В письме исх - 07-36870 от 10.05.2023 года Федеральная служба исполнения наказания (далее – ФСИН) отмечается некомплект вакантных должностей в уголовно-исполнительной системе, говорится об увеличении динамики принятых на службу, но в то же время и об увеличении оттока кадров.

Исходя из поставленных задач, выявляется необходимость в обеспечении психологического сопровождения молодых сотрудников в период адаптации, в проведении психокоррекционных мероприятий, направленных на предотвращение профессионального выгорания и деструктивного поведения лиц, несущих службу в органах и учреждениях ФСИН России.

В качестве молодого сотрудника уголовно-исполнительной системы рассматривается лицо, которое имеет стаж службы менее 1 года, в том числе являющийся выпускником ведомственного вуза. Эта категория сотрудников, находящиеся в периоде адаптации к специфическим условиям службы в уголовно-исполнительной системе. Под специфическими условиями периода адаптации подразумеваются режимные требования, взаимодействие со спецконтингентом и ненормированностью рабочего дня. Кроме этого, присутствует многозадачность в силу большой нагрузки на сотрудников и переживания неопределенности из-за работы в местах изоляции от общества. К сожалению, в условиях выполнения должностных и служебных обязанностей не каждый сотрудник может обладать индивидуально-личностными характеристиками, направленными на преодоления стрессовых ситуаций, которые неизбежно возникают при работе с лицами, находящимися в исправительных учреждениях. Особые требования, предъявляемые к кандидату на службу при

прохождении психодиагностического исследования личности, направлены на выявление уровня стрессоустойчивости, нервно-психической устойчивости, агрессивности, когнитивных возможностей и способностей преодолевать экстремальные условия службы. Однако все вышеперечисленное не является залогом успешной адаптации и добросовестного долговременного несения службы. Это обусловлено наличием определенных установок на службу в уголовно-исполнительной системе, которая сопряжена иногда с несоответствием между желаемыми условиями и реальностью. На этапе принятия сотрудника на службу должна проводиться работа по информированию о перспективах развития и непосредственных должностных обязанностях с возможной практической демонстрацией рабочего дня.

Успешность адаптации вновь принятого сотрудника к специфическим условиям служебной деятельности на этапе первых лет несения службы выступает своего рода залогом ранней профилактики эмоционального и профессионального выгорания, неизбежно сопутствующего деятельности любого из сотрудников УИС, взаимодействующего либо непосредственно с осужденными, либо с сотрудниками, находящимися с ними в прямом контакте (Матвеевко, 2017, с. 306).

Организация профилактики профессионального выгорания должна осуществляться на этапе адаптации молодого сотрудника. Профессиональное выгорание зачастую сопровождается изменениями психоэмоционального состояния, приводящего к апатии, депрессивному настрою, суицидальным мыслям, что недопустимо при несении службы с оружием. Организация грамотного психологического сопровождения позволит предотвратить расторжение контракта и сохранить ментальное здоровье служащего.

Понятие «выгорание» предложено американским психиатром Х. Фрейденбергером для описания особого расстройства личности у здоровых людей, возникающего вследствие эмоционально нагруженного общения в процессе профессиональной работы с клиентами, пациентами, учениками (Ермакова, 2010, с. 28).

Профессиональному выгоранию способствует ощущение истощения, негативизм или цинизм по отношению к задачам, уменьшение эффективности их решения (Мейер, 2022, с.84). Профилактика профессионального выгорания строится на основе понимания стадий, с которыми сталкивается сотрудник в процессе деятельности. В данной статье рассматриваем этап прохождения процесса выгорания по классификации Джона Гринберга (Изард, 2010, с.13). Так, например, изначальный аспект выгорания (первая стадия – «медовый месяц») характеризуется полным удовлетворением выполняемой работой. На данном этапе сотрудник начинает проявлять энтузиазм, большую вовлеченность в работу, старательное исполнение должностных и служебных обязанностей. На этом этапе возможны физические и эмоциональные перегрузки. Сотрудник готов всегда помочь, взять дополнительную работу, задержаться до позднего вечера. Однако продолжительность данного периода не более одного - двух месяцев с момента начала службы. Этот период очень важен для профессионального становления. Под профессиональным становлением понимается определенный этап жизни человека, связанный с овладением профессиональной деятельностью, направлен на преодоление психологических факторов и трудностей различного характера, позволяющий определить успешность осуществляемой деятельности в исходный период работы и по ходу профессионального роста сотрудников уголовно-исполнительной системы. Во всех учреждениях и органах УИС создан и работает институт наставничества, деятельность которого строится в соответствии с Положением о наставничестве в учреждениях и органах ФСИН России, утвержденным приказом ФСИН России от 28 декабря 2010 г. № 555 «Об организации воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы». Данный документ призван способствовать успешному функционированию института наставничества. Положение регламентирует процедуру организации наставничества, устанавливаются его цели и задачи, категории подшефных, полномочия ответственных за наставничество лиц, основные направления деятельности наставника, формы и методы его работы, сроки проведения (Аксенова,

2018, с. 253). Наставничество позволяет создать ощущение безопасности для нового сотрудника, ощущение помощи и поддержки на этапе становления. Наставник помогает разобраться с новыми сложными ситуациями, которые происходят в служебной деятельности, осознать специфику взаимодействия в исправительных учреждениях. Исходя из этого, в рамках проведения профилактической работы важно именно для наставников проводить организационно-разъяснительную работу по профилактическому направлению на период закрепления за подшефным (на период трех месяцев).

Молодой сотрудник, который находится на первой стадии выгорания, рано или поздно начинает терять прошлый уровень мотивации. Это обусловлено не только внешними условиями, но и происходящими внутренними нейрофизиологическими процессами, заключающимися в снижении уровня выделяемых нейромедиаторов по причине не достижения желаемого образа.

На основе проведения работы с молодыми сотрудниками ФКУ СИЗО №1 УФСИН России по Тверской области отмечается повышенный потенциал к решению общеполитических задач. Так, например, одной из целей службы в уголовно-исполнительной системе при прохождении первоначального углубленного психодиагностического исследования личности были обозначены следующие мотивы: «желание сделать мир лучше», «борьба с преступностью», «исправление осужденных». Достигнуть указанных целей в ходе самостоятельно выполнения служебных и должностных обязанностей невозможно, все это реализуется только в совокупности действия пенитенциарной системы. Однако повышается риск возникновения состояния фрустрации, когда желаемая цель не будет реализована. Сотрудник начинает подвергаться стрессовым состояниям, осознавать невозможность реализации первоначальных планов. Такое состояние ведет к апатичности и разочарованию, работа начинает приносить меньше удовольствия, возникает желание сменить сферу деятельности.

Вторая стадия выгорания под названием «недостаток топлива» также может развиваться у молодого сотрудника в течение первого года службы. По классификации Джона Гринберга, она заключается в появлении усталости, апатичного состояния, снижается продуктивность и эффективность при выполнении поставленных задач. Возможны нарушения дисциплины, возникает несвойственная ранее отстраненность от рабочих моментов. На данном этапе может появляться неудовлетворенность собой, своей профессией, руководством.

Вторую стадию выгорания важно заметить наставнику или руководству исправительного учреждения, так как при правильном реагировании возможно возвращение мотивации для продолжения успешной деятельности. Необходимо продемонстрировать сотруднику, что его труд значим и важен для уголовно-исполнительной системы, позволить проявить индивидуальные качества в работе, предложить дополнительные возможности для реализации потенциала.

Условно, факторы, воздействующие на сотрудника можно разделить на внешние и внутренние. Например, санитарно-бытовые условия несения службы, организация служебной деятельности, материально-техническое снабжение, риски безопасности относятся к внешним факторам. Воздействие на них и изменение возможно на местном уровне. Внутренние факторы — это установки, модели поведения, черты характера и убеждения, которыми человек руководствуется в своих решениях. Внешние условия могут повлиять, когда у человека уже есть внутренние предпосылки для профессионального выгорания.

Таким образом, профилактика профессионального выгорания необходима именно на первой-второй стадии, на этапе повышения энтузиазма и инициативности в работе. Вовремя организованное сопровождение со стороны сотрудников психологической лаборатории исправительного учреждения будет способствовать успешному процессу адаптации и профессиональному становлению.

Под профилактикой профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы подразумевается комплекс мер, направленных на выявление детерминант, способствующих профессиональному выгоранию и предотвращению негативных изменений в личности служащего.

Психологическое сопровождение молодых сотрудников рационально начинать после введения в профессию (после этапа знакомства с нормативно-правовыми актами, коллективом, должностной инструкцией). Как правило, это происходит ко второй неделе от начала службы. Первоначальная задача психолога - установление доверительного контакта с молодым сотрудником при подробном опрашивании об условиях службы, в которых он находится на данный момент. Это позволит оценить личностные характеристики, социально-бытовое положение, семейные обстоятельства, которые могут повлиять на процесс профессионального становления сотрудника и дать дополнительную информацию о риске выгорания для пенитенциарного психолога.

Формат психологического сопровождения может быть как групповой, так и индивидуальный, в зависимости от трудностей, с которыми приходится справляться сотруднику. Следует учитывать личностные характеристики, такие как общительность, интровертированность-экстравертированность, способность к установлению контакта.

Преимущества групповой психокоррекционной работы с молодыми сотрудниками заключается в их знакомстве друг с другом, ощущении поддержки и принятии, снижении уникальности возникающих проблем. В рамках психокоррекции в группе устанавливаются определенные взаимоотношения, направленные на укрепление взаимодействия. Посредством психологической работы улучшается адаптация, появление новых знакомств в коллективе, обсуждение проблем молодых сотрудников.

Индивидуальная групповая работа рациональна при возникающих проблемах в период адаптации, когда сотрудник не готов делиться с коллективом собственными взглядами на ситуацию. В рамках организации профилактики профессионального выгорания в ходе консультации можно выявлять факторы, влияющие на желание сотрудника вести свою профессиональную деятельность тем или иным образом. Возможно, это будет обусловлено внутренним стремлением к самореализации и тогда важно указать на аспекты в работе, способствующие этому. Возможно, это желание получить одобрение от руководства, тогда удовлетворение этой потребности будет выполнять профилактическое воздействие.

Основная направленность профилактической работы будет заключаться в оценке актуального психоэмоционального состояния и незамедлительного психокоррекционного воздействия при изменении. Для этого возможно использовать цветовой тест Люшера либо опросник «самочувствие, активность, настроение» (САН). В целях предотвращения искажения результатов диагностики, что возможно в силу ожидания негативных дальнейших последствий от результатов тестирования, важно донести до сотрудника рациональность прохождения теста, указать, что тестирование позволит создать благоприятные условия для несения службы.

Важным аспектом профилактической работы является психобразование. Проведение психологами лекционных занятий с объяснением нейрофизиологических основ выгорания позволит сотрудникам самостоятельно регулировать свое состояние в процессе служебной деятельности, искать дополнительные источники мотивации.

Обучение навыкам тайм-менеджмента, agile- планированию. Тайм-менеджмент позволит сотрудникам четко распределять рабочий день в соответствии с необходимыми задачами, поставленным руководством. Agile- планирование пришло из бизнес- психологии, где термин «agile» («гибкий») применяется для описания такой методологии, при которой весь цикл планирования состоит из серии итераций (Кравченко, 2019, с. 10). Такой способ планирования должностных обязанностей позволит почувствовать молодым сотрудникам прогрессивность средств уголовно-исполнительной системы в рамках распределения ресурсов и будет обеспечивать гибкость в решении задач. Суть данного метода заключается в разделении большой цели на маленькие шаги, которые достигаются в пределах одной-трех недель. Это обеспечит возможность планомерно распределять ресурсы, снизит возможные физические и эмоциональные перегрузки. Применение гибкости планирования будет способствовать адаптации к неопределенности и изменчивости в процессе службы.

Кроме того, возможно применение метода нейрографики. Он основан в 2014 году Павлом Пискаревым. Метод не имеет доказательной базы, однако возможен к использованию в рамках арт-терапевтических занятий. В рисовании используются графические приемы, заданные изначально и направленные на преобразование свободно сформированной репрезентации с помощью них. Затем происходит этап анализа полученного материала и последующее преобразование с целью принятия решения, формирования конечной репрезентации ориентированной в будущее (Пискарев, 2016, с. 336). Суть данного метода заключается в ослабленном состоянии при рисовании пересекающихся друг с другом линий, которые в дальнейшем раскрашиваются и обсуждаются. Данный метод позволит снизить психоэмоциональное напряжение, оценить выполняемую работу с иной точки зрения.

Таким образом, мы говорим о необходимости психологического сопровождения молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы. Именно формирование первоначального отношения к работе будет воздействовать на успешность профессионального становления. Профилактика профессионального выгорания позволит обеспечить адаптацию к особым условиям службы в уголовно-исполнительной системе. Так, например, мы говорим о необходимости воздействия на сотрудников на первой – второй степени выгорания, которая тяжело диагностируется при помощи психологического инструментария, но возможна при анализе личности сотрудника. Внимание уделяется и институту наставничества. Правильное воздействие на молодого сотрудника со стороны наставника, обеспечение необходимой информации, исключение психоэмоциональных перегрузок на этапе адаптации будет залогом успешной профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Аксенова А. В. Институт наставничества в уголовно-исполнительной системе: социально-правовой аспект / А. В. Аксенова, Е. А. Дроздова // Пробелы в Российском законодательстве. 2018. № 4. С. 253-255.
2. Александров Б. В. Адаптация выпускников образовательных организаций ФСИН России к службе в исправительном учреждении / Б. В. Александров // Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития : Материалы III Международной научно-практической конференции, 2021. С. 13-19.
3. Ермакова Е. В. Изучение синдрома эмоционального выгорания как нарушения ценностно-смысловой сферы личности (теоретический аспект) // Культурно-историческая психология. 2010. Том 6. № 1. С. 27–39.
4. Изард К. Э. Психология эмоций / К.Э. Изард. Санкт-Петербург : Питер, 2010. С. 13.
5. Кравченко Т. К. Планирование бизнес-анализа в компании с применением методологии Agile / Т. К. Кравченко, А. А. Дружаев, А. Ю. Липатников // Прикладная информатика. 2019. № 5(83). С. 5–17.
6. Матвеев В. Е. Понятие и условия успешности профессиональной адаптации молодых сотрудников к служебной деятельности в уголовно-исполнительной системе // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Рязань : АПУ ФСИН России 2017. Т. 4. Ч. 1. С. 304–310.
7. Мейер Ю. А. Задачи профилактики профессионального выгорания / Ю. А. Мейер, Б. В. Александров // Актуальные проблемы практической психологии : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тверь, 9 декабря 2022 года/ АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет», Издательство «Янус-К», 2022. С. 81-85.
8. О концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29.04. 2021 г. № 1138-р. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021.
9. Пискарев П. М. Предпосылки формирования метода «Нейрографика» // Методология современной психологии. Сборник. Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. 2016. С. 335-344.

ОБРАЗ РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ: ТРАКТОВКА СУЩНОСТИ, СОДЕРЖАНИЯ И ХАРАКТЕРА ВЛИЯНИЙ НА ЛИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды и представления отечественных и зарубежных исследователей на образ родительской семьи. Анализируется сущность феномена, трактовка его содержания и назначений, характера влияния на личность и социальное поведение человека. Дается оценка ее актуальности и глубины проработки отдельных сторон.

Ключевые слова: семья, личность, образ родительской семьи, функции и влияние образа родительской семьи.

A.O. Novikova, E.N. Korneeva

IMAGE OF THE PARENT FAMILY: INTERPRETATION OF THE ESSENCE, CONTENT AND NATURE OF INFLUENCES ON A PERSON'S PERSONALITY.

Absrtact. The article examines the views and ideas of domestic and foreign researchers on the image of the parental family. The essence of the phenomenon is analyzed, the interpretation of its content and purposes, the nature of its influence on the personality and social behavior of a person. The assessment of its relevance and depth of study of individual parties is given.

Keywords: family, personality, image of the parent family, functions and influence of the image of the parent family.

Личность человека формируется под постоянным непрерывным влиянием на него множества факторов, важнейшим из которых является родительская семья и тот жизненный опыт, который человек получает в детстве, находясь и воспитываясь в ней. Родительская семья становится источником социального становления личности в первые годы жизни ребенка. В этот период происходит запечатление образов членов семьи, неосознаваемое усвоение норм социального поведения, обязательных в процессе взаимодействия со значимыми взрослыми, подражание их действиям, словам, чувствам, отождествление себя с близкими людьми. Семья является референтной группой, которая служит для ребенка своеобразным стандартом, процессом усвоения стереотипов поведения.

Опыт, полученный в родительской семье, является своеобразным фундаментом, значимой основой для становления характера, формирования мировоззрения, установок и ценностных ориентаций растущего индивида. Образ родителей может влиять на развитие как положительных, так и отрицательных качеств характера личности. Модель отношений, которую ребенок видит в семье родителей, будь то уважение, искренность и принятие или конфликтность, унижение и несправедливость играют большую роль для дальнейшего выбора брачного партнера и выстраивания отношений с ним, иными словами, образ родительской семьи не только отражает прошлый опыт, но и формирует будущее.

В современном обществе существует множество факторов, способствующих изменению роли и функций семьи. Многие из этих изменений могут влиять на формирование образа родительской семьи у детей и его влияние на личностное развитие взрослых. Исследования образа родительской семьи позволяют лучше понять, как эти процессы поддерживаются и как они могут воздействовать на личностное развитие человека.

Актуальность исследования, связанного с образом родительской семьи, состоит в том, что этот образ формируется в раннем детстве и оказывает значительное влияние на личностное развитие человека и его жизненный путь. Без понимания механизмов формирования этого

образа невозможно осуществлять психологическую помощь людям, связанную с необходимостью изменения своих жизненных установок, улучшения качества жизни.

Целью данной статьи является оценка степени разработанности в современной психологии проблемы феноменологического анализа понятия «образ родительской семьи», и его воздействия на жизнедеятельность человека, параметры его личности и поведения в социуме. Для ее осуществления нами были проанализированы работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные трактовке термина «образ родительской семьи», осуществлен сравнительный анализ содержания данного понятия и компонентов, механизмов формирования в ходе онтогенеза, рассмотрен вопрос о последующем влиянии образа родительской семьи на развитие личности и ее социальную активность.

Вопросам трактовке содержания термина «образ родительской семьи» были посвящены работы целого ряда отечественных и зарубежных исследователей. В их числе исследования Е.А. Бодровой, А.С. Кашапова, Н.Д. Линде, М.И. Лисиной, Т.М. Мишиной, Н. Пезешкиана, Э.Фромма, Г.Т. Хоментausкаса, и др. При этом можно констатировать, что их взгляды существенно различаются.

Т.М. Мишина указывает, что образ родительской семьи — это своеобразное семейное самосознание, важнейшей функцией которого является регуляция поведения семьи на основе согласования позиций отдельных ее членов. Автор условно разделяет образ родительской семьи в представлении личности на две категории: адекватный и неадекватный. Адекватный образ семьи формируется в функциональных семьях и определяет отдельные характеристики семейной жизни — супружеские и детско-родительские отношения, характер и правила индивидуального и группового поведения в семье, выполнение членами семьи своих обязанностей. Неадекватный образ «мы» развивается в дисфункциональных семьях на основе селективных представлений о характере взаимоотношений членов семьи, создающих для каждого человека семьи в целом наблюдаемый внешний образ — семейный миф. Семейный миф — это форма проявления семейной идентичности, выражающаяся в общесемейной идее, иногда эта идея вербализируется, но чаще она находится на невербальном уровне (Мишина, 1983).

И.А. Буровихина считает, что образа родительской семьи — это «многомерное психологическое образование», формирующееся при жизни, в ходе социального взаимодействия и совместной деятельности ребенка со взрослым и сверстником, являющееся отражением отношений между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, обеспечивающего сохранение в памяти впечатлений, воспоминаний, событий и явлений жизни в семье, в виде проекции сцен из реального мира. При этом она не определяет, что выступает компонентами этого «многомерного психологического образования».

Е.А. Бодрова изучает взаимосвязь образа семьи в развитии дошкольников и определяет образ семьи как отражение в сознании ребенка знаний о своей семье и семьях в целом. Автор указывает, что образа семьи зависит во многом то, какими вырастут дети, так как семейное воспитание формирует личность ребенка с самого рождения. Образ родительской семьи — это комплексное представление о родительской семье, которое формируется у ребенка на основе его личного опыта взаимодействия с родителями. Он может включать в себя стереотипы и ожидания родительской роли, представления об отношениях между родителями, а также возможности для эмоциональной поддержки и социального развития (Бодрова, 2020).

Н.Д. Линде, основоположник эмоционально-образной терапии, считает, что образ родительской семьи формируется на эмоциональном уровне и включает в себя определенные образы и символы, которые отражают ключевые отношения и доминирующие эмоции, присутствующие во взаимодействии членов семьи (Линде, 2022).

Н.И. Демина, указывает на то, что образ родительской семьи имеет когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющие (Демидова, 2002). Это позволяет нам предположить, что по сходству компонентного состава, образ родительской семьи скорее является

системой социальных установок, определяющих, и, даже, предопределяющих характер отношений человека в семье и социуме в целом.

М. И. Лисина определяет образ родительской семьи как результат отражения в сознании реального опыта взаимодействия в семье ребенка со взрослым и предлагает четыре типа категоризации данного понятия, которые отражают содержание в представлениях о членах семьи, их ролях, семейном укладе, семейных традициях, в форме эмоциональных оценок, ценностных установок и мотивации иметь в будущем свою собственную семью (Лисина, 1986). В денотативной категории отражается содержательная сторона образа семьи: представления ребенка о семье, доме, родителях и т.д. В оценочной категории фиксируется эмоциональное отношение ребенка; она проявляется в процессе общения с членами семьи в виде реакции на их личностные качества, действия, психологический климат в целом и т.д. Ценностная категория отражает жизненные ценности и смысловые ориентиры ребенка в семье, цели, на которые направлена его активность, качества личности. В мотивационной категории выражены мотивы, ожидания ребенка в отношении своей будущей семьи, ее программу, принимающую или отвергающую сценарий родительской семьи.

М. И. Лисина считает, что в этих категориях семья отражается в двух формах:

1) в форме представлений (о семье, семейном укладе, социальных ролях и др.);

2) в форме эмоциональных отношений, переживаний, оценок, ожиданий и мотиваций для создания своей будущей семьи (Лисина, 1986).

Проведенный анализ показал, что во взглядах различных исследователей нет единого понимания сущности и содержания феномена «образ родительской семьи» и его могут трактовать как «самосознание» членов семьи (Т.М. Мишина), комплекс «знаний» о семье и ее членах (Е.А. Бодрова), «образы и символы», отражающие ключевые внутрисемейные отношения (Н. Линде), «отражение реального опыта» жизни в семье (М.И. Лисина). При этом все без исключения авторы указывают, на то, что образ родительской семьи может иметь разную эмоциональную окраску, в зависимости от того, как складывалась внутрисемейная жизнь и отношения ее членов. Поэтому понятие и термин «образ родительской семьи» требует дальнейшего уточнения и проработки. На данный момент можно утверждать, что он включает в себя *когнитивный* (знания, образы) и *эмоционально-смысловой комплекс представлений* личности о структуре и динамике семьи, характере взаимоотношений между ее членами и *установок* на взаимодействие с ее членами и дальнейшее поведение в процессе принятия решения о создании собственной семьи или ее распаде.

Естественно будет предположить, что образ родительской семьи складывается постепенно, имеет свои особенности на разных стадиях онтогенеза личности и выполняет разные функции.

Н. И. Демидова отмечает, что образ родительской семьи формируется от фрагментарных представлений к целостному образованию с момента рождения ребенка.

В. М. Карпова, Е. В. Филипова изучали представления об образе родительской и будущей семье у лиц подросткового возраста при помощи опросника Д.Х. Олсона (Карпова, Филипова, 2013). В ходе исследования они пришли к выводу, что образ родительской семьи подростки описывают яркими, эмоционально окрашенными описаниями, а образ будущей семьи имеет более формальный характер. В целом, у подростков образ их будущей семьи достаточно дифференцирован, конкретен, позитивен, меньше влияет на эмоциональную сферу, что связано со сложностью описания и представления сферы отношений, в отличие от переживания реальных отношений, чем с их прогнозированием.

В юношеском возрасте образ родительской семьи описывается как интегрированная совокупность представлений о родительской и идеальной семьях. Сюда также включены представления о себе как о будущем члене семьи и субъекте семейных отношений, о мотивах создания семьи, о возможных вариантах динамики ее развития.

Из исследований Н. Пезешкиана, можно сделать выводы, что образы родителей оказывают наибольшее влияние на вступление в брак, распределение семейных обязанностей, восприятия себя и других, на формирование тех или иных черт личности и ее смысловых

ориентиров (Пезешкиан, 1996), а это может происходить в молодости и на стадии зрелости человека.

Образ родительской семьи оказывает влияние на личность, начиная с детского возраста и на протяжении всей последующей жизни. А.С. Кашапов указывал на то, что образ родительской семьи становится интерсубъектным ресурсом, который определяет жизненную успешность человека, субъективное переживание которой можно описать через его психологическое благополучие. Сам образ семьи, по его мнению, как своеобразный личностный конструкт начинает развиваться с момента рождения ребенка и в процессе жизни подвергается изменению и дополнению (Кашапов, 2017).

Можно однозначно утверждать, что образ родительской семьи выступает как некий динамический конструкт, формирующийся и меняющийся по содержанию и функционалу на разных стадиях онтогенеза личности.

Большое прикладное значение имеет вопрос о влиянии образа родительской семьи на личность и социальное взаимодействие индивида. К нему обращались многие исследователи, в частности, Истратова О.Н., Мухордова О. Е., Солдатова Е.Л., Фромм Э. и другие.

Так Э. Фромм отмечал, что характер ребенка детерминирован характерами родителей и является ответом на их личностные особенности, а соответственно, и образ семьи развивается в зависимости от особенностей восприятия семьи родителями, детьми и другими членами семьи (Фромм, 1992).

Г.Т. Хоментаскас указывал на чрезвычайную важность для психологического состояния ребенка понимать отношение к себе родителей, и как он сам относится к родителям и себе. Автор считал, что образ родительской семьи у ребенка - это обобщенные установки по отношению к родителям и себе, и дает им образно содержательную характеристику: «я нужен и любим, и я люблю вас тоже», когда у ребенка формируется положительный Я-образ и готовность к установлению и поддержанию положительных отношений с другими членами семьи; «я нужен и любим, а вы существуете ради меня», когда Я-образ ребенка страдает недостаточной критичностью, а по отношению в другим членам семьи складываются потребительские отношения с преобладанием манипулятивных тенденций; «я нелюбим, но я от всей души желаю приблизиться к вам», когда напротив в Я образе доминируют негативные составляющие (повышенная критичность), но есть готовность к контактам с другими членами семьи; «я не нужен и нелюбим, оставьте меня в покое», где деструктивный образ Я сочетается с установками на дистанцирование и самоизоляцию (Хоментаскас, 2010).

Н.Д. Линде, считает, что, даже не осознавая, какой семейный образ сложился у него в детстве, человек опирается на него в своем поведении и восприятии происходящего. Он также указывает на возможные негативные последствия для личности, когда семейный образ может быть источником беспокойства, неприятия жизни или навязывания других ограничивающих убеждений (Линде, 2022).

М. И. Лисина определяет образ родительской семьи как результат отражения в сознании реального опыта взаимодействия в семье ребенка со взрослым и предлагает четыре типа категоризации данного понятия, которые отражают содержание в представлениях о членах семьи, их ролях, семейном укладе, семейных традициях, в форме эмоциональных оценок, ценностных установок и мотивации иметь в будущем свою собственную семью (Лисина, 1986). В денотативной категории отражается содержательная сторона образа семьи: представления ребенка о семье, доме, родителях и т.д. В оценочной категории фиксируется эмоциональное отношение ребенка; она проявляется в процессе общения с членами семьи в виде реакции на их личностные качества, действия, психологический климат в целом и т.д. Ценностная категория отражает жизненные ценности и смысловые ориентиры ребенка в семье, цели, на которые направлена его активность, качества личности. В мотивационной категории выражены мотивы, ожидания ребенка в отношении своей будущей семьи, ее программу, принимающую или отвергающую сценарий родительской семьи.

Е.А. Бодрова отмечает, что образ родительской семьи влияет на личность ребенка с самого рождения. Образ жизни и ценности семьи прямо или косвенно подготавливают ребенка к его будущей семейной жизни, поскольку это формирует ожидания в отношении его будущей семьи. Автор обращает внимание на важность воспитания у детей дошкольного возраста примера правильных семейных ценностей, отношений в семье и между поколениями (Бодрова, 2020).

Е.Л. Солдатова указывает на искажение семейного «Образа-Я» в условиях семейной депривации, что определяет семейные установки относительно будущей семьи (Солдатова, 2017).

Т.М. Мишина описывает влияние образа родительской семьи на личность через формирование Я-концепции, системы жизненных ценностей, образа мира и т. д. Кроме того, автор считает, что образ семьи определяет модель детско-родительских отношений и влияет на родительскую позицию в будущей семье (Мишина, 1983).

С ней соглашается О. Е. Мухордова, описывая в своем исследовании, что в образе идеальной семьи юноши и девушки описывают родительскую семью без конфликтных семейных ситуаций. Они акцентируют внимание на взаимопонимании и психологической поддержке, социальном успехе. Девушки указывают на то, что большую часть заботы о детях должен взять на себя будущий супруг. Меньше всего юношей и девушек беспокоят возможные бытовые трудности. Таким образом, автор приходит к выводу, что образ родительской семьи является инструментом для регулирования собственной жизни и установления межличностных, супружеских и родственных отношений (Мухордова, Городилова, 2005).

О.Н. Истратова считает, что негативный образ родительской семьи препятствует формированию базового доверия к миру и ведет к его восприятию как враждебного, что может привести к трудностям в социальной адаптации и в решении трудных ситуаций.

О.В. Дорохина и Н.В. Скиба указывали в своей работе на то, что образ родительской семьи и опыт отношений в ней обуславливают развитие личностного ресурса молодых людей, одной из составляющих которого является уровень и содержание психологического благополучия. Авторы указывают на необходимость проведения работы по формированию представлений студентов о семье, о взаимоотношении супругов, родителей, прародителей, семейных ценностей на личность и умение использовать данные ресурсы для собственного личностного развития (Дорохина, Скиба, 2015).

Е.В. Голубева и О.Н. Истратова в своем исследовании пришли к выводу, что благоприятный опыт отношений в родительской семье способствует более позитивным и доверительным отношениям с окружающими, более высокому уровню самопринятия и способности управлять своей жизнью в молодости (Голубева, Истратова, 2018).

На основе проведенного теоретического анализа, работ посвященных различным видам влияния образа родительской семьи, можно утверждать, что он оказывает непосредственное воздействие как на саму личность (характер человека, его Я-концепцию, систему ценностей и социальных установок, целей и ценностей), так и жизненные планы и ориентиры, в частности модель идеальных семейных отношений, на основе которых личность в будущем будет строить свою семью; формирование предпочтений относительно будущей семейной роли; готовность строить семейные отношения, ориентируясь на разные цели и ценности в целом.

Сложность компонентного состава образа родительской семьи, позволяет говорить о его полифункциональном назначении. Так, когнитивная составляющая образа родительской семьи работает на уровне убеждений, определяя приоритетность каких-либо целей и форм поведения человека. Эмоциональная составляющая образа родительской семьи, проявляющаяся в эмоциональном оценивании различных социальных явлений, определении социальных приоритетов, установлении личностно-ценностной иерархии семьи, выполняет функцию регулятора социального поведения. А ее поведенческая составляющая способствует реализации через внутрисемейное общение и взаимодействие ценностных ориентаций личности, достижению ею значимых целей. Ее назначение, скорее побудительно-мотивирующее.

В целом проведенный теоретический анализ показал актуальность разработки проблемы сущности феномена образа родительской семьи и ее влияния на личность и социальное поведение человека в целом. В ходе его осуществления было показано необходимость уточнения трактовки понятия «образ родительской семьи». Также уточнения и дополнения требуют генетический аспект исследования образа родительской семьи, поскольку главное внимание исследователей было уделено детям и подросткам, в то время как образ родительской семьи не исчезает и на стадии зрелости, но его роль теперь существенно меняется, поскольку субъекты готовы к реализации новых семейных и социальных ролей. Исследователи также обращают внимание на то, что в зависимости от позитивного или негативного наполнения образа родительской семьи его роль будет меняться в соответствующем направлении. Хотя здесь, наверняка, существует более сложная нелинейная связь и зависимость. Эти стороны влияния образа родительской семьи также требуют более тщательной проработки. Уточнение перечисленных позиций позволит улучшить качество психологического сопровождения членов семей на разных этапах ее существования, учесть не только бытующие представления и социально-экономические тенденции, оказывающие влияние на социальный институт семьи, поведение ее членов, но и психологические факторы и закономерности ее существования и развития, к числу которых можно отнести феномен образа родительской семьи.

Библиографический список

1. Бодрова Е. А. Формирование образа семьи у дошкольников // Проблемы современного образования, 2020. №6.
2. Голубева Е. В. Опыт отношений в родительской семье как предиктор психологического благополучия молодых людей / Е. В. Голубева, О. Н. Истратова // АНИ: педагогика и психология, 2018. №2 (23).
3. Демидова Н. И. Теоретические основы формирования «образа семьи» у старших дошкольников // Столичное образование-3; теоретические подходы к модернизации дошкольного воспитания: Сборник научных трудов / отв. ред. С. А. Козлова. Москва : МГПУ, 2002. С. 44-57.
4. Дорохина О. В. Исследование представлений о семье и её влиянии на развитие личностного ресурса у современной молодежи / О. В. Дорохина, Н. В. Скиба // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2015. № 4. С. 21-28.
5. Карпова В. М. Представления о родительской и будущей семье в подростковом и юношеском возрасте / В. М. Карпова, Е. В. Филиппова // Психологическая наука и образование. 2013. № 4. С. 84-96.
6. Кашапов А. С. Связь интернальности в семейных отношениях с типами поведения в конфликте у представителей разных профессий // Семья и современный социум, серия: семья и дети в современном мире. Коллективная монография / под общей и научной редакцией проф. В. Л. Ситникова, С. А. Бурковой, Э. Б. Дунаевской. Санкт-Петербург : «Социальногуманитарное знание», 2017. С. 224-230.
7. Линде Н. Д. Эмоционально-образная (аналитически-действенная) терапия. Новый этап развития. Генезис, 2022.
8. Лисина М. И. Проблемы онтогенеза общения. Москва : Педагогика. 1986. 256 с.
9. Мишина Т. М. Семейная психотерапия и динамика «образа семьи» // Психология и психопрофилактика: сб. науч. тр. / под ред. В. К. Мягер, В. П. Козлова, Н. В. Семенович-Тянь-Шанской. Ленинград, 1983. С. 21-26.
10. Мухордова О. Е. Роль ожидания в браке и представления о семье юношей и девушек с ограниченными возможностями / О. Е. Мухордова, Н. В. Городилова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2005. № 1. С. 79-91.
11. Солдатова Е. Л. Семейные ценности как основа межпоколенной коммуникации // Семья и современный социум, серия: семья и дети в современном мире. Коллективная монография / под общей и научной редакцией, проф. В. Л. Ситникова, С. А. Бурковой, Э. Б. Дунаевской. Санкт-Петербург : «Социальногуманитарное знание», 2017. С. 101-106.

12. Пезешкиан Н. Позитивная семейная психотерапия: семья как терапевт. Москва : МАРТ. 1996. 336 с.
13. Хоментаскас Г. Т. Семья глазами ребенка. Дети и психологические проблемы в семье. Рама Паблишинг, 2010.
14. Фромм Э. Человек для себя / Пер. с англ. Л. А. Чернышевой. Минск : Коллегиум. 1992. 253 с.

УДК 159.9

Н.Е. Рубцова

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОСНОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли информационных процессов, которую необходимо учитывать при изучении профессиональной направленности и профессионального выбора. Методология работы опиралась на субъектно-информационный подход к психологическим исследованиям профессиональной деятельности, а также на интегративно-типологическую классификацию сферы труда. Профессиональную направленность измеряли с помощью второй редакции опросника «Интегративно-типологическая профессиональная направленность личности». Направленность по шкале «Информация» рассматривалась как показатель общей информационной направленности. Было установлено, что информационная направленность имела сильные или средние по силе прямые взаимосвязи с направленностью на управление, исполнение, стратегии, оперативность и работу с людьми.

Ключевые слова: информация, субъектно-информационный подход, интегративно-типологическая классификация профессиональной деятельности, психологический тип труда, профессиональный выбор, информационная профессиональная направленность.

N.E. Rubtsova

INFORMATION BASIS IN THE STRUCTURE OF PSYCHOLOGICAL CLASSIFICATION OF PROFESSIONAL ACTIVITIES

Abstract. The article is devoted to the study of the role of information processes, which must be taken into account when studying professional orientation and professional choice. The methodology of the work was based on the subject-information approach to the psychological research of professional activity, as well as on the integrative-typological classification of the sphere of work. Professional direction was measured using the second edition of the questionnaire "Integrative-Typological Professional Orientation of the Personality". Orientation on the "Information" scale was considered as an indicator of the general information orientation. Information orientation was found to have strong or moderate direct correlations with management, execution, strategy, responsiveness, and people orientation.

Keywords: information, subject-informational approach, integrative-typological classification of professional activity, psychological type of work, professional choice, informational professional direction.

Роль информационных процессов в жизнедеятельности человека стала осознаваться давно, еще до появления теорий информации и концепций, обосновывавших информационную природу психики.

Явные или латентные информационные представления встречаются и во многих концепциях, относящихся к сфере профессионального труда, например, в концепции

практического мышления (Д. Н. Завалишина и др.), информационного стресса (В. А. Бодров и др.), операторской деятельности (Б. Ф. Ломов и др.), субъекта труда (Е. А. Климов и др.) и др. Подобные представления фигурируют также в концепциях профессионального самоопределения.

При этом в традиционных подходах информационные профессии еще не выделены в отдельный тип. Так, в ярусной классификации профессий Е. А. Климова информационный характер имеют профессии, относящиеся к типам «Знак» и «Художественный образ». При этом они связаны с качественно разнородной информацией: первые – с информацией служебной, функциональной, аналитической, когнитивной, а вторые – с творческой, создаваемой, образной, аффективно насыщенной. Другие типы («Техника», «Человек», «Природа») также, пусть и неявно, подразумевают работу со специфической информацией. Эта классификация по-прежнему широко используется при изучении профессионального самоопределения. Вместе с тем в сфере труда продолжаются серьезные изменения, связанные с цифровизацией, которая фактически стала магистральным путем трансформации многих областей труда. Так, представленность ИТ-специалистов на рынке труда непрерывно возрастает: в России еще несколько лет назад она превысила 1,2 миллиона рабочих мест (Едренкина, 2021, с. 15). Констатируется появление множества новых ИТ-профессий (Мизинцева, 2021, с. 106). Расширяется психологическое изучение таких ИТ-профессий, как программист (Ивахненко, 2022), оператор БПЛА (Караяни, 2021), разработчик программного обеспечения (software developer) (e.g., Zolduoarrati, 2022), NFT-разработчик (Sobolev, 2023) и др.

В ответ на эти изменения появляются классификации сферы труда, в которых профессии информационного характера выделены отдельно. Это, в первую очередь, социально-экономические классификации, например, Европейская классификация профилей профессий ИКТ-сектора, которая включает 6 семейств: проектирование, разработка, поддержка и др. (ГОСТ Р 56413-2015, 2019). Предложено деление ИТ-специалистов на категории разработчиков, процессного персонала, QA-инженеров и управленцев (Едренкина, 2021, с. 15). Встречаются более узкие классификации: например, в области Data Science выделены три базовые профессии: инженер данных, аналитик данных и исследователь машинного обучения (Колотилина, 2019, с. 221).

Психологические классификации профессий также развиваются в направлении учета видов труда информационной направленности. Например, предложены классификации, включающие 7 сфер труда, из которых 5 (человек в мире, соответственно, техники, людей, природы, знаков, творчества) близки к типам Е.А. Климова, а 2 являются новыми (человек в мире науки и человек в мире бизнеса (Курунов, 2020, с. 283-284); 10 «профессиональных сфер информационного общества», среди которых сферы медиа и ИТ, а также креативная и научно-исследовательская сферы (Киселев, 2020, с. 33-34); 6 областей творческих профессий, среди которых медиа, прикладное искусство и дизайн, музыка, изобразительное и исполнительское искусство, творческое письмо (Zhao, 2022).

Как видим, обычно профессии информационного характера дифференцируются в соответствии с социально-экономическими областями труда, а не со специальным классификационным основанием, связанным с информацией.

Иная попытка дифференцировать труд информационного характера реализована в интегративно-типологической психологической классификации профессиональной деятельности (Н. Е. Рубцова) с использованием опросника «Интегративно-типологическая профессиональная направленность личности (ИНЛ-2)» (Рубцова, 2023). В отличие от упомянутых классификаций, где информационная деятельность выделяется «по факту», в опроснике ИНЛ-2 она выделена с учетом фундаментальных психологических классификационных оснований, в числе которых основание информационное, развитое, в свою очередь, в рамках субъектно-информационного подхода (Леньков, 2001). В рамках данного подхода психика имеет информационную природу, но при этом категория информации значительно более фундаментальна

и универсальна, чем в антропоцентрических концепциях информации. Так, наряду с социальной информацией, обладающей классической субъектной обусловленностью, существует и множество видов качественно иной информации, воспринимаемой, генерируемой и обрабатываемой не человеком, а системами иной природы, обладающими способностью к информационному взаимодействию (Леньков, 2001, с. 62) и в силу этого определенными «субъектоподобными» (квазисубъектными) свойствами. К таким квазисубъектам относятся, в частности, некоторые системы искусственной природы (Леньков, 2020), среди которых на ведущие позиции выходят системы искусственного интеллекта (см.: Abbass, 2021). Именно указанный широкий смысл информационного взаимодействия вкладывается в понимание субъектно-информационных оснований профессиональной деятельности.

Таким образом, в порождении информации могут участвовать как субъекты (человек, группы людей), так и разнородные квазисубъекты, которые для современного человека представлены, в первую очередь, всевозможными компьютерными системами (гаджетами, телекоммуникациями, сетями и др.). При этом традиционная, естественная, первичная информация, порождаемая непосредственно с помощью своих органов чувств, все больше вытесняется, замещается вторичной, виртуальной информацией, происхождение которой часто неизвестно. При этом роль предпочтительности работы с информацией в общей структуре профессиональной направленности во многом остается неясной.

Гипотеза исследования – информационная направленность имеет значимые связи с некоторыми другими видами профессиональной направленности.

Для определения профессиональной направленности использован опросник «Интегративно-типологическая профессиональная направленность личности (ИНЛ-2)» (Рубцова, 2023). Опросник основан на интегративно-типологическом подходе к психологической классификации профессиональной деятельности, в согласии с которым методика имеет 7 шкал: шкалы «Управление» и «Исполнение» идентифицируют управленческую позицию субъекта труда (или оптанта профессионального выбора); шкалы «Стратегии» и «Оперативность» позволяют определить предпочитаемый уровень организации и регуляции деятельности; шкалы «Объекты», «Люди» и «Информация» предназначены для идентификации предпочитаемой предметной среды труда – материальной, информационной, социальной или интегральной (комплексной).

Дизайн исследования предусматривал проверку влияния ряда факторов, в соответствии с этим каждая из 7 переменных, представленных выше, использовалась в двух ролях: как зависимая переменная (например, *Управление*), на которую, возможно, влияют какие-либо факторы (в этом случае значения переменной определялись в соответствии с используемой измерительной шкалой опросника ИНЛ-2) и как фактор (например, фактор *Управление*), который, возможно, оказывает влияние на какую-либо зависимую переменную (значения, принимаемые фактором, соответствовали уровням выраженности по используемой измерительной шкале, где 1 – низкий уровень, 2 – средний, 3 – высокий). Уровни выраженности, в свою очередь, определяли по таблице частот на выборке исследования в соответствии с характеристиками нормального распределения: к низкому и высокому уровням были отнесены примерно по 23% самых низких и самых высоких значений, а к среднему – примерно 54% всех остальных.

Выборка включала 278 человек в возрасте от 21 до 44 лет ($M = 23,52$, $SD = 4,164$), проживающих в Москве, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону и других городах, среди которых было свыше 70% работающих представителей различных профессий, а также студентов вузов.

С помощью анализа соотношения показателей асимметрии и эксцесса с их стандартными ошибками установлено, что распределения используемых шкал отклоняются от нормального незначительно. Это позволило применить корреляционный анализ Пирсона. Интеркорреляции показателей шкал методики ИНЛ-2 варьировали от незначимых до сильных (табл. 1).

Среди полученных результатов выделим основные: сильные или средние по силе взаимосвязи общей информационной направленности (шкала 7 *Информация*) с другими базовыми видами направленности (шкалы 1 *Управление*, 2 *Исполнение*, 3 *Стратегии*, 4 *Оперативность*, 6 *Люди*), качественно согласующиеся с некоторыми современными тенденциями развития сферы труда, к которым относятся следующие:

- высокая востребованность удаленной (дистанционной) трудовой деятельности, подразумевающей (независимо от профиля субъекта труда) интенсивное использование информационно-коммуникационных технологий; расширение представленности на рынке труда фрилансеров (Рассади́на, 2021); в соответствии с четырехъярусной классификацией профессий Е.А. Климова в настоящее время наблюдается доминирование профессий 3-го яруса, «связанных с применением автоматизированных и автоматических систем» (Баканов, 2022, с. 41-42);

- распространение новых информационных средств труда, которыми стали разнородные системы искусственного интеллекта, широко применяемые не только в сфере ИТ, но и в различных отраслях экономики (Гуртов, 2022, с. 128), в том числе в изначально не информационных сферах;

- интеграция видов труда, профессий, при этом, на наш взгляд, возможность подобной интеграции обеспечивают информационные процессы, в силу своей унифицированности стирающие специфику прежде глубоко дифференцированных трудовых функций. С этим согласуется высокая вероятность значительной компьютеризации многих профессий, которая может привести к их коренной трансформации (Васина, 2023).

Таблица 1.

Средние значения и интеркорреляции шкал методики ИНЛ-2 (N = 278)

Шкалы	1	2	3	4	5	6	7
1 Управление	10,72	0,30**	0,49**	0,45**	0,19**	0,82**	0,42**
2 Исполнение		11,45	0,37**	0,41**	0,04	0,38**	0,46**
3 Стратегии			13,68	0,52**	0,04	0,45**	0,80**
4 Оперативность				13,69	0,08	0,50**	0,46**
5 Объекты					9,93	0,16**	0,00
6 Люди						14,68	0,43**
7 Информация							18,06

Примечания. 1. На главной диагонали показаны средние значения, выше нее - двухсторонние корреляции Пирсона; 2) * корреляция значима на уровне 0,05; ** - на уровне 0,01.

Таким образом, результаты исследования качественно согласуются с рядом современных тенденций развития сферы труда, выявленных в исследованиях других авторов. Вместе с тем более детальная проверка этих соответствий требует продолжения и расширения исследования.

Перспективы дальнейших исследований связаны с продолжением дифференциации видов информационной профессиональной направленности и изучением их роли в предпочтении видов профессиональной деятельности, относящихся к различным психологическим типам.

Практическим приложением полученных результатов может стать их прикладное применение при решении задач профориентации, поддержки профессионального самоопределения, психологического консультирования в областях профессиональной деятельности и профессионального развития.

Библиографический список

1. Баканов А. С. Удовлетворенность трудом субъекта трудовой деятельности от дистанционного взаимодействия с информационными системами // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 3. С. 34–47.
2. Васина В. Н. Исследование структурной трансформации и поляризации российского рынка труда в условиях цифровой экономики / В. Н. Васина, Н. Р. Кельчевская // Экономика труда. 2023. Т. 10. № 1. С. 47–70.
3. ГОСТ Р 56413-2015/CWA 16458:2012. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Европейские профили профессий ИКТ-сектора (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 мая 2015 г. N 465-ст). Москва : Стандартинформ, 2019. 57 с.
4. Гуртов В. А. Система классификации технологий в сфере искусственного интеллекта для кадрового прогнозирования / В. А. Гуртов, А. О. Аверьянов, Д. Ж. Корзун, Н. В. Смирнов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 3. С. 113–133.
5. Едренкина Т. А. Характеристика ИТ-специалистов на рынке труда // Вестник науки и образования. 2021. № 2-2 (105). С. 14–17.
6. Ивахненко О. Н. Создание креативной среды у инженеров-программистов для эффективного развития креативности / О. Н. Ивахненко, В. А. Смольянинова // Актуальные проблемы психологического знания. 2022. № 2(59). С. 75–86.
7. Караяни А. Г. Психологические и психофизиологические особенности деятельности операторов боевых беспилотных летательных аппаратов / А. Г. Караяни, А. Ф. Караваев // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26. № 1 (84). С. 6–15.
8. Киселев П. Б. Методика исследования ценностных ориентаций молодых людей в контексте профессиональных сфер информационного общества / П. Б. Киселев, И. М. Богдановская // Теоретическая и экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 1. С. 32–41.
9. Колотилина М. А. Изучение профессии Data Scientist и ее роль на рынке труда сегодня / М. А. Колотилина, Е. Н. Меновщиков // Проблемы развития предприятий : Теория и практика : Материалы 18-й Международной научно-практической конференции (Самара, 19-20 декабря 2019 г.) в 3 ч. Ч. 2. Самара : Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2019. С. 220–222.
10. Курунов В. В. Особенности проектирования психодиагностической методики на выявление профессиональных интересов и предпочтений личности в контексте новых реалий / В. В. Курунов, Р. Р. Самигуллин, Н. А. Айнулина // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69-3. С. 281–285.
11. Леньков С. Л. Субъектно-информационный подход к психологическим исследованиям. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2001. 128 с.
12. Леньков С. Л. Действие в киберпространстве / С. Л. Леньков, Н. Е. Рубцова // Мир психологии. 2020. № 2(102). С. 231–244.
13. Мизинцева М. Ф. Трансформация российского рынка труда в условиях пандемии : основные проблемы и тенденции / М. Ф. Мизинцева, А. Р. Сардарян // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 1. С. 102–109.
14. Рассадина Д. С. Фриланс как вид трудовой деятельности в цифровом обществе // Власть. 2021. Т. 29, № 5. С. 195–201. DOI : 10.31171/vlast.v29i5.8557
15. Рубцова Н. Е. Опросник «Интегративно-типологическая профессиональная направленность личности» : разработка второй версии / Н. Е. Рубцова, С. Л. Леньков // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 1 (130). С. 158–170.
16. Abbass H. Editorial : What is artificial intelligence? // IEEE Transactions on Artificial Intelligence. 2021. Vol. 2. No. 2. P. 94–95.
17. Sobolev D. Rise of the Androids : The Reflection of Developers' Characteristics in Computerized Systems // British Journal of Management. 2023.
18. Zhao P. J. Development of the short Creative Expression Interest Scale based on item response theory / P. J. Zhao, X. L. Gao, N. Zhao, Z. S. Luo // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Article 955176.

19. Zolduoarrati E. Impact of individualism and collectivism cultural profiles on the behaviour of software developers : A study of stack overflow / E. Zolduoarrati, S. A. Licorish, N. Stanger // Journal of Systems and Software. 2022. Vol. 192. Article 111427.

УДК 159.9

Е.В. Скворцова, О.Л. Скворон

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И ПЕРЕЖИВАНИЕ СТРЕССА У ВРАЧЕЙ-ТЕРАПЕВТОВ: ОПЫТ ПАНДЕМИИ

Аннотация. В условиях пандемии COVID-19 медицинские работники испытали колоссальное физическое и психологическое напряжение. Врачи-терапевты находились на переднем крае борьбы с пандемией. Опираясь на концепции психологических ресурсов и переживания как совладания со сложными жизненными ситуациями, мы определили цель исследования - переживания стресса и роль жизнестойкости как ресурсного запаса личности врача-терапевта в условиях пандемии. Делается вывод о том, что жизнестойкость как личностный ресурс имеет связь с различными уровнями переживания стресса. По мере роста уровня жизнестойкости отмечается снижение уровня психологического стресса у врачей-терапевтов, проявляется более высокая степень позитивного эмоционального отношения субъекта к ситуации и снижение уровня негативного эмоционального отношения и индивидуальных переживаний тревожно - депрессивного комплекса эмоций. Наиболее высокий уровень силы эмоционального переживания у врачей-терапевтов наблюдается по таким эмоциям как интерес, радость, удивление. Отмечена положительная корреляционная связь между уровнем жизнестойкости и эмоциями интереса, радости и отрицательная - с горем, гневом, отвращением, презрением, страхом, стыдом и виной. Также установлена связь между уровнем жизнестойкости и адаптивными копинг-стратегиями: планирование решения проблемы и положительная переоценка.

Ключевые слова: жизнестойкость, пандемия COVID-19, уровень стресса, переживание стресса, копинг-стратегии, совладающее поведение.

E.V. Skvortsova, O.L. Skovron

RESILIENCE AND STRESS MANAGEMENT IN GENERAL PRACTITIONERS: EXPERIENCE OF A PANDEMIC

Abstract. In the context of the COVID-19 pandemic, medical workers have experienced tremendous physical and psychological stress. General practitioner, you were at the forefront of the fight against the pandemic. Based on the concepts of psychological resources and experience as coping with complex life situations, we have defined the research goal - stress experience and the role of resilience as a resource reserve of the therapist's personality in a pandemic. It is concluded that resilience as a personal resource is associated with different levels of stress experience. As the level of resilience increases, there is a decrease in the level of psychological stress among therapists, a higher degree of positive emotional attitude of the subject to the situation is manifested, and a decrease in the level of negative emotional attitude and individual experiences of an anxiety - depressive complex of emotions. The highest level of strength of emotional experience in general practitioners is observed for such emotions as interest, joy, surprise. There is a positive correlation between the level of resilience and emotions of interest, joy and one negative - with grief, anger, disgust, contempt, fear, shame and guilt. A link is also established between the level of resilience and adaptive coping strategies: problem-solving planning, and positive reassessment.

Keywords: resilience, COVID-19 pandemic, stress level, experiencing stress, coping strategies, coping behavior.

В условиях пандемии COVID-19 медицинские работники испытали колоссальное физическое и психологическое напряжение. Изучением проблемы развития профессионального стресса у врачей различных специальностей занимались исследователи Леонова А.Б. (Леонова, 2000), Бодров В.А. (Бодров, 2006), Багрий М. А. (Багрий, 2009), которые еще до начала пандемии отмечали наличие выраженного уровня стресса у врачей-терапевтов. Однако ситуация пандемии привела к необходимости в дополнительном изучении данного вопроса, поскольку повлияла на изменение условий труда медицинских работников. Большое количество контактов с больными людьми и их родственниками, новизна проблем, опасные условия труда, интенсивный график работы – все это служило дополнительными стрессогенными факторами. Врачам приходилось работать в условиях эмоционального напряжения, повышенной ответственности за жизнь пациентов. Это стало причиной исследования проблемы переживания и личностных ресурсов преодоления психологического стресса у врачей-терапевтов, которые находились на переднем крае борьбы с пандемией.

Обзор научных публикаций, посвященных исследованиям психологии медицинских работников и их адаптации к стрессу в условиях пандемии, показал, что недостаточно аналитических данных о переживании стресса, о состоянии ресурсного запаса личности врача в его преодолении в рабочем пространстве.

Психологический стресс подразделяют на два вида — информационный и эмоциональный. Первый вид стресса связан с информационными перегрузками, второй вид стресса разворачивается в ситуациях угрозы, страха, опасности. Реакции на стресс проявляются в виде поведенческих, интеллектуальных, эмоциональных, физиологических изменений. Между всеми этими формами проявления стресса существует очень тесная взаимосвязь. Проявление эмоционального стресса характеризуется нарушением общего эмоционального фона. Это проявляется в появлении тревожности, беспокойства, мрачном настроении, раздражительности, снижении самооценки, появлению астенического невроза. Важно отметить, что негативные эмоциональные состояния являются не только признаками стресса, но и запускающими факторами последующих подобных состояний. Например, такой фактор запуска эмоционального стресса, как страх перед будущим, может запустить разнообразные признаки стресса: чувство неуверенности, тоски и т.д. (Елисеев, 2003).

При этом эмоциональное переживание играет важную роль в активации адаптивных реакций организма, помогая этим преодолевать влияние негативных стрессовых факторов (Набиуллина, 2003). Переживание – психологическая категория, исследование которой идет по нескольким направлениям. Одно из них преимущественно ориентировано на изучении эмоции. Другое направление исследования процесса переживания - это исследование переживания-деятельности: изучение, анализ психологических защит, психологической компенсации, замещающего и совладающего поведения (Василюк, 1984).

А.Г. Асмолов выделяет три значения понятия "переживания": 1.Переживание – эмоциональное восприятие действительности в сознании человека, которая является и воспринимается личностью, как определенное жизненное событие. 2. Переживание – форма стремлений, хотений, желаний, принимающих участие в выборе целей и мотивов деятельности. 3.Переживание – форма деятельности, возникающая в ситуациях невозможности осуществления и достижения важных жизненных целей и мотивов. Итогом этой деятельности является трансформация психической структуры личности (Асмолов, 2019).

Ф.Е. Василюк, рассматривает переживание, как деятельность по производству смысла в критических ситуациях, названных им ситуациями невозможности (невозможности жить и реализовывать внутренние потребности). Такой вид переживания как совладание относится к продуктивному способу преодоления сложных жизненных ситуаций (Василюк, 1984).

Совладание позволяет накапливать активный опыт преодоления стрессовых ситуаций за счёт их преобразования, способствует личностному росту. Очень важным фактором в преодолении стресса является наличие определенных копинг – механизмов, в том числе направленных на пополнение, возобновление собственных ресурсов. Копинг-механизмы состоят из трёх факторов – стратегии, ресурсы и поведение. Копинг- стратегии – это активный ответ личности на стрессовую ситуацию, а копинг – ресурсы представляют собой некоторые постоянные характеристики, либо психологические орудия, которые составляют основу для формирования копинг-стратегий.

Ресурсные теории предполагают, что в общем фонде всех ресурсов, имеется главный ресурс, который отвечает за распределение других ресурсов. С. Мадди в качестве такого ресурса, влияющего на использование определенных копинг – стратегии, определяет жизнестойкость. Жизнестойкость, по С. Мадди, - это «те убеждения человека, которые позволяют ему оставаться активным и препятствуют негативным последствиям стресса» (Леонтьев, Расказова, 2006).

С. Мадди рассматривает жизнестойкость как внутренний ресурс, который используется для поддержания собственного психического, физического и социального благополучия (Одинцова, 2020).

Опираясь на концепции психологических ресурсов и переживания как совладания со сложными жизненными ситуациями, мы определили цель исследования - переживания стресса и роль жизнестойкости как ресурсного запаса личности врача-терапевта в условиях пандемии.

В исследовании приняли участие 50 врачей – терапевтов женского пола из разных поликлиник г. Омска в возрасте от 23 до 65 лет (средний возраст – 41 год, средний стаж работы – 19 лет). Для проверки влияния факторов возраста и стажа работы врачей на проявления психологического стресса, его эмоционального переживания, уровень жизнестойкости были сформированы 2 группы респондентов: первая группа (22 врача) включила возраст респондентов от 23 до 39 лет с общим профессиональным стажем работы от 1 до 16 лет (средний стаж работы – 12 лет); во вторую группу (28 врачей) вошли испытуемые от 39 лет и старше с профессиональным стажем от 16 лет (средний стаж работы – 25 лет).

Методики исследования: 1. Тест жизнестойкости (С.Мадди в адаптации Д.Леонтьева). 2. Шкала дифференциальных эмоций (ШДЭ) К. Изарда. 3.Опросник "Копинг-стратегии" Р. Лазаруса (в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтык, М.С. Замышляевой). 4. Шкала психологического стресса PSM-25 Л.Т. Филлиона.

Результаты

Таблица 1.

**Результаты исследования психологического стресса у врачей-терапевтов.
Шкала психологического стресса PSM-25 Л. Т. Филлиона**

Подгруппы респондентов	Уровень стресса
Группа 1 (возраст от 23 до 39 лет)	104,18
Группа 2 (возраст от 39 лет и старше)	85,93
t-тест Стьюдента	0.056

В группе врачей в возрасте от 23 до 39 лет наблюдается более высокий уровень стресса. Однако статистически достоверной разницы между подгруппами выявлено не было ($p > 0,05$).

Исследования доминирующего эмоционального состояния у врачей-терапевтов с применением шкалы дифференциальных эмоций (ШДЭ) К. Изарда показали, что наиболее высокий уровень силы эмоционального переживания у врачей-терапевтов наблюдается по таким эмоциям как интерес, радость, удивление. Сила эмоционального переживания базовой эмоции интерес является более высокой в группе врачей-терапевтов в возрасте от 39 лет и старше с профессиональным стажем от 16 лет. Разница между группами является статистически значимой ($p < 0,05$).

При оценке индекса позитивных эмоций было отмечено, что выраженная степень эмоциональных переживаний наблюдалась в 46%, сильная степень эмоциональных переживаний наблюдалась в 20%, умеренная степень эмоциональных переживаний наблюдалась в 34% случаев. Слабая степень эмоциональных переживаний позитивных эмоций в исследуемой выборке не наблюдалась.

При оценке индекса острых негативных эмоций было отмечено, что выраженная степень эмоциональных переживаний наблюдалось в 6%, сильная степень эмоциональных переживаний наблюдалась в 12%, умеренная степень эмоциональных переживаний наблюдалась в 28%. Наиболее часто мы наблюдали слабую степень эмоциональных переживаний острых негативных эмоций – 54%.

При оценке индекса тревожно-депрессивных эмоций было отмечено, что выраженная степень эмоциональных переживаний наблюдалось в 14%, сильная степень эмоциональных переживаний наблюдалась в 8%, умеренная степень эмоциональных переживаний наблюдалось в 42%, слабая степень эмоциональных переживаний острых негативных эмоций наблюдалась в 36% случаев.

Уровни жизнестойкости, вовлеченности и контроля врачей-терапевтов соответствуют нормативным значениям. Уровень принятия риска превышает нормативные значения. Для врачей-терапевтов характерна убежденность в том, что все, что с ними случается, способствует их развитию за счет знаний, которые извлекаются из опыта, что негативный жизненный опыт является толчком развития личности, дает возможность стать сильнее, не упустить новые возможности.

Совладание с жизненными трудностями у врачей-терапевтов осуществляется преимущественно путем усилия по регулированию чувств и действий, поиска социальной поддержки, признания своей роли в проблеме, изменения ситуации и создания положительного значения. Для врачей-терапевтов более молодого возраста с меньшим стажем работы более характерны агрессивные усилия по изменению ситуации. Разница между подгруппами статистически достоверна.

Таблица 2.

Взаимосвязь жизнестойкости и переживания стресса у врачей-терапевтов

Показатель переживания стресса	r-Пирсона	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	Жизнестойкость
Уровень стресса	r	-0,580	-0,394	-0,342	-0,515
	p	<0,0001	0,005	0,015	<0,0001
ПЭМ	r	0,276	0,354	0,375	0,388
	p	0,052	0,012	0,007	0,005
НЭМ	r	-0,614	-0,451	-0,409	-0,576
	p	<0,0001	0,001	0,003	<0,0001
ТДЭМ	r	-0,609	-0,543	-0,404	-0,613
	p	<0,0001	<0,0001	0,004	<0,0001
Интерес	r	0,202	0,340	0,189	0,292
	p	0,161	0,016	0,188	0,04
Радость	r	0,489	0,505	0,602	0,613
	p	<0,0001	<0,0001	<0,0001	<0,0001
Горе	r	-0,619	-0,456	-0,484	-0,604
	p	<0,0001	0,001	<0,0001	<0,0001
Гнев	r	-0,539	-0,448	-0,211	-0,481
	p	<0,0001	0,001	0,141	<0,0001
Отвращение	r	-0,535	-0,468	-0,461	-0,569
	p	<0,0001	0,001	0,001	<0,0001
Презрение	r	-0,408	-0,146	-0,22	-0,297
	p	0,003	0,313	0,124	0,036

Страх	r	-0,632	-0,532	-0,376	-0,608
	p	<0,0001	<0,0001	0,007	<0,0001
Стыд	r	-0,322	-0,342	-0,237	-0,356
	p	0,023	0,015	0,098	0,011
Вина	r	-0,602	-0,513	-0,414	-0,600
	p	<0,0001	<0,0001	0,003	<0,0001
Бегство-избегание	r	-0,454	-0,316	-0,21	-0,388
	p	0,001	0,026	0,144	0,005
Планирование решения проблемы	r	,285	,307	0,194	0,312
	p	0,045	0,03	0,177	0,027
Положительная переоценка	r	0,311	0,360	0,392	0,410
	p	0,028	0,01	0,005	0,003

Как мы видим, по мере роста уровня жизнестойкости отмечается снижение уровня стресса у врачей-терапевтов ($r=-0,515$, $p<0,0001$). Также нами была получена отрицательная корреляционная связь между компонентами жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска) и уровнем стресса. Мы не отметили статистически достоверной разницы в показателях жизнестойкости между врачами разных возрастных групп ($p>0,05$).

Степень ПЭМ положительно коррелирует с уровнем жизнестойкости ($r=0,388$, $p=0,005$), а НЭМ ($r=-0,576$, $p<0,0001$) и ТДЭМ ($r=-0,613$, $p<0,0001$) коррелируют с уровнем жизнестойкости отрицательно. Следовательно, по мере роста уровня жизнестойкости отмечается более высокая степень позитивного эмоционального отношения субъекта к ситуации и снижение уровня негативного эмоционального отношения и индивидуальных переживаний тревожно-депрессивного комплекса эмоций. Так, была отмечена положительная корреляционная связь между уровнем жизнестойкости и интересом ($r=0,292$, $p=0,04$), радостью ($r=0,613$, $p<0,0001$); отрицательная корреляционная связь между уровнем жизнестойкости и горем ($r=-0,604$, $p<0,0001$), гневом ($r=-0,481$, $p<0,0001$), отвращением ($r=-0,569$, $p<0,0001$), презрением ($r=-0,297$, $p=0,036$), страхом ($r=-0,608$, $p<0,0001$), стыдом ($r=-0,356$, $p=0,011$) и виной ($r=-0,600$, $p<0,0001$). Статистически достоверной разницы в показателях между врачами разных возрастных групп ($p>0,05$) выявлено не было.

Также была отмечена отрицательная корреляционная связь между уровнем жизнестойкости и копингом "Бегство-избегание" ($r=-0,388$, $p=0,005$), положительная корреляционная связь между уровнем жизнестойкости и копингом "Планирование решения проблемы" ($r=0,312$, $p=0,027$), "Положительная переоценка" ($r=0,410$, $p=0,003$). Мы не отметили статистически достоверной разницы в показателях между врачами разных возрастных групп ($p>0,05$).

Стратегии планирования будущих действий, принятия ответственности за свои действия, конфронтации проявляются в активной деятельности врачей, направленной на преодоление затруднительной ситуации. Копинг-стратегии - самоконтроль, позитивная переоценка, помогают человеку "удерживать" психологическое спокойствие, контролировать свое поведение, что способствует применению более конструктивного подхода в решении проблемы (Асмолов, 2019).

Подводя итог можно отметить, что:

а) по мере роста уровня жизнестойкости отмечается снижение уровня стресса у врачей-терапевтов;

б) по мере роста уровня жизнестойкости отмечается более высокая степень позитивного эмоционального отношения субъекта к ситуации и снижение уровня негативного эмоционального отношения и индивидуальных переживаний тревожно-депрессивного комплекса эмоций;

в) мысленные стремления и усилия, которые направлены на избегание проблемы, связаны с низким уровнем жизнестойкости, а усилия по изменению ситуации и по созданию

положительного значения с фокусированием на росте собственной личности связаны с высоким уровнем жизнестойкости.

Мы не отметили статистически достоверной разницы в показателях жизнестойкости, уровня стресса между врачами разных возрастных групп.

Сравнивая результаты проведенного исследования с более ранними работами других авторов, можно отметить, что условиях пандемии высокий уровень стресса врачей-терапевтов был выявлен в 18% случаев. Однако в исследовании Леоновой А. Б., Багрий М. А. (Багрий, 2009; Леонова, 2000) отмечается, что для терапевтов в целом характерна выраженная и высокая степень переживания профессионального стресса.

В нашем исследовании не было выявлено статистически достоверной разницы в показателях уровня стресса между врачами разных возрастных групп. В работе Багрий М. А. (Багрий, 2009) было показано, что возраст специалиста оказывает опосредующее влияние на степень выраженности стресса у врачей.

В целом мы не обнаружили в научной литературе исследования доминирующего эмоционального состояния врачей. В данной работе наиболее высокий уровень силы эмоционального переживания у врачей-терапевтов наблюдался по таким эмоциям как интерес, радость, удивление.

Керасиду А., Хорн Р. (Kerasidou, Horn, 2016) отмечают, что медицинская профессия требует, чтобы врачи были как клинически компетентными, так и чуткими по отношению к пациентам. На практике выполнение обоих требований может быть затруднено для врачей. Выражение эмоций в медицинской практике воспринимается как непрофессиональное, и многие врачи учатся подавлять и игнорировать свои чувства. Столкнувшись со стрессовыми ситуациями, эти врачи чаще страдают от депрессии и эмоционального выгорания, чем те, кто взаимодействует со своими чувствами и размышляет над ними. Так, в данной работе было показано, что рост позитивного эмоционального отношения субъекта к ситуации и снижения уровня негативного эмоционального отношения и индивидуальных переживаний тревожно-депрессивного комплекса эмоций связан с ростом уровня жизнестойкости.

Мы также отметили, что у врачей-терапевтов преобладали такие виды копингов как планирование решения проблем, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности и положительная переоценка.

В результате проведенного эмпирического исследования мы пришли к следующим выводам.

Проблема последствий пандемии для современной психологии требует дополнительного анализа и внимания. В данном исследовании была показана роль жизнестойкости как личностного ресурса врача-терапевта в различных уровнях переживания стресса. Кроме уровня принятия риска уровни жизнестойкости, вовлеченности и контроля врачей-терапевтов не превышают нормативные значения.

По мере роста уровня жизнестойкости отмечается снижение уровня психологического стресса у врачей-терапевтов, проявляется более высокая степень позитивного эмоционального отношения субъекта к ситуации и снижение уровня негативного эмоционального отношения и индивидуальных переживаний тревожно - депрессивного комплекса эмоций. Наиболее высокий уровень силы эмоционального переживания у врачей-терапевтов наблюдается по таким эмоциям как интерес, радость, удивление. Отмечена положительная корреляционная связь между уровнем жизнестойкости и интересом, радостью. Отрицательная корреляционная связь обнаружена между уровнем жизнестойкости и горем, гневом, отвращением, презрением, страхом, стыдом и виной.

Совладание с жизненными трудностями у врачей-терапевтов осуществляется преимущественно путем усилия по регулированию чувств и действий, поиска социальной поддержки и нормализации своего состояния, признания своей роли в проблеме, изменения ситуации и создания ее положительного значения. Для врачей-терапевтов более молодого воз-

раста с меньшим стажем работы более характерны агрессивные усилия по изменению ситуации. Выявлена связь между уровнем жизнестойкости и копингами "Планирование решения проблемы", "Положительная переоценка", которые проявляются в активной деятельности человека для преодоления затруднительной ситуации и помогают "удерживать" психологическое спокойствие, контролировать свое поведение, что способствует применению более конструктивного подхода в решении проблемы.

Жизнестойкость как личностный ресурс имеет связь с различными уровнями переживания стресса.

Библиографический список

1. Асмолов А. Г. Психология личности. Москва : ООО "Издательство Смысл", 2019. 448 с.
2. Багрий М. А. Особенности развития профессионального стресса у врачей разных специализаций // Российский научный журнал. 2009. № 1. С. 92-105.
3. Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. Москва : ПЕРСЭ, 2006. 528 с.
4. Василюк Ф. Е. Психология переживания. Москва : МГУ, 1984. 240 с.
5. Леонтьев Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. Москва : Смысл, 2006. 63 с.
6. Леонова А. Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2000. № 3. С.4-21.
7. Набиуллина Р. Р. Механизмы психологической защиты и совладания (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция): учеб. пособие / Р. Р. Набиуллина, И. В. Тухтарова. Москва : Изд-во ИП Тухтаров В.Н., 2003. 98 с.
8. Одинцова М. А. Психология стресса: учебник и практикум для вузов / М. А. Одинцова, Н. Л. Захарова. Москва : Издательство Юрайт, 2020. 299 с.
9. Елисеев О. П. Дифференциальные шкалы эмоций (по К. Изарду) // Практикум по психологии личности. Санкт-Петербург, 2003. С. 226-227.
10. Kerasidou A. Making space for empathy: supporting doctors in the emotional labour of clinical care / A. Kerasidou, R. Horn // BMC Medical Ethics. 2016. Т. 17. № 1. Р. 1-5.

УДК 159.9

В.С. Троценко, Л.В. Ахметова

ПРОКРАСТИНАЦИЯ: СЕМАНТИКА, ГЕНЕЗИС

Аннотация. В статье проведен анализ понятия «прокрастинация». Основой для исследования послужили достоверные исторические источники, художественные произведения и научные труды философов, психологов, педагогов. Подчеркивается теоретическая и практическая актуальность исследования феномена «прокрастинация» в сфере психолого-педагогической профессиональной деятельности. Делается вывод о том, что, проявление феномена прокрастинации было характерно для представителей разных этносов и исторических эпох. Обоснована необходимость дальнейшего теоретического и практического исследования прокрастинации, как феномена психической деятельности человека.

Ключевые слова: прокрастинация, промедление, психология.

PROCRASTINATION: SEMANTICS, GENESIS

Abstract. The article provides an analysis of the concept of "procrastination". The research was based on reliable historical sources, works of art and scientific works of philosophers, psychologists, teachers. The theoretical and practical relevance of the study of the phenomenon of "procrastination" in the field of psychological and pedagogical professional activity is emphasized. It is concluded that the manifestation of the phenomenon of procrastination was characteristic of representatives of different ethnic groups and historical epochs. The necessity of further theoretical and practical research of procrastination as a phenomenon of human mental activity is substantiated.

Keywords: procrastination, procrastination, psychology.

С развитием психологии все больше аспектов и проявлений человеческой личности становятся предметом научного познания. Непрерывающийся процесс адаптации человеческой психики к глобальным изменениям в общественном укладе жизни сегодня является популярной темой для психологических исследований. Одной из особенностей поведения, существовавшей на протяжении всей человеческой эволюции, является склонность людей откладывать выполнение различных задач. Такая психологическая особенность поведения человека имеет в настоящее время широко распространенное название – «прокрастинация».

В настоящее время проблема прокрастинации актуальна как никогда ранее. Миллионы современных людей сосредоточены на повышении личной эффективности, на этом фоне типичные проявления прокрастинации приобретают наиболее выраженный характер (Чернышева, 2016).

Глагол «прокрастинировать» заимствован из классической латыни, является производным от причастия прошедшего времени «*procrastināt*» и обозначает «откладывать до следующего дня». Это слово, в свою очередь, образуется при сочетании приставки «про», в данном контексте означающей «вперед», и основы «крастинус», трактуемой как «принадлежащий завтрашнему дню». Данный термин столетиями использовался в литературных произведениях различных жанров при описании таких характеристик личности, как слабость воли или нерасторопность в действиях.

Таким образом, прокрастинаторы - это личности, склонные медлить с принятием решений, откладывать выполнение тех или иных действий (Тарасевич, 2014).

Склонность личности к прокрастинации определяется научными методами, при этом широко применяются системы психологического тестирования, разработанные Генри Шоувенбургом, Пирсом Стиллом, Маргарет Айткен.

В англо-русском словаре В.К. Мюллера прокрастинация трактуется как откладывание со дня на день, промедление (Мюллер, 1956).

«Толковый словарь живого Великорусского языка» В. Даля содержит следующие обозначения для исследуемого термина: промешкать, промедлять, проволочить, пробавить, провести время, задерживать время или оставаться в бездействии, ждать, выжидать, поджидать (Даль, 2023).

Точное определение понятия «промедлить» приводится в новом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой: «медля, не сделать вовремя» (Толковый..., 2023).

Первые упоминания о прокрастинации встречаются в трудах Гесиода и датируются 700 г. до н. э.: «Не откладывай дела до завтра, до послезавтра: пусты амбары у тех, кто работать ленится и вечно дело откладывать любит, богатство дается старанием... Мешкотный борется с бедами всю свою жизнь непрерывно...» (Марк Аврелий, 1998).

Великий римский оратор и философ Цицерон в одной из своих речей, датированной 44 г. до н. э., подробно раскрыл следующую мысль: «В ведении почти каждого дела медлительность и промедление ненавистны...».

Вопросы прокрастинации рассматривались и Марком Аврелием в произведении «Размышления» (180 г. н. э.): «Вспомни, как долго ты откладывал это, сколько возможностей дали тебе боги, а ты ими не воспользовался...» (Марк Аврелий, 1998).

В восточной культуре синонимы к понятию «прокрастинация» были впервые зафиксированы в сборнике Bhagavad Gita в 500 г. до н. э., который содержал следующее высказывание Кришны (перевод с санскрита Д. Бурбы): «Несосредоточенный, грубый, упрямый, коварный, непорядочный, ленивый, мрачный и медлительный исполнитель действия называется тамасичным». Необходимо отметить, что согласно философии Кришны, тамасичные люди после смерти не удостоивались перерождения и последующие жизни проводили в аду.

Наиболее ранней формой термина «прокрастинация» в романских языках считается итальянский эквивалент глагола «procrastinare» (1300-е гг.), а среднефранцузское «procastiner» впервые было использовано в 15 веке.

Датой появления понятия «прокрастинация» в английской письменности считается 1548 год, когда была опубликована работа знаменитого историка Э. Холла «Союз двух благородных и прославленных семейств Ланкастра и Йорка». Термин «прокрастинатор» при этом впервые был упомянут лишь в 1607 году в произведении священнослужителя Т. Уокингтона «Оптическое стекло юмора».

Известно также о проповеди английского священнослужителя Д. Уокера, состоявшейся в 1682 г., в которой он объявлял промедление грехом и предостерегал прихожан от неоправданного бездействия.

В современной науке прокрастинация определяется как негативная, губительная форма промедления, которая является формой отказа от саморегуляции. Эта психологическая точка зрения на прокрастинацию как форму несостоятельной саморегуляции имеет общие корни с философской категорией слабости воли, также известной как акрасия.

Термин «прокрастинация» был введен в научный оборот в 1977 г. П. Рингенбахом в книге «Прокрастинация в жизни человека». Примерно в этот же период опубликована монография «Преодоление прокрастинации» А. Эллиса и В. Кнауца, в которой представлены материалы клинических наблюдений и попытки их когнитивного объяснения.

Первый исторический анализ проявлений прокрастинации был проведен С. Милгрэмом в 1992 г. В результате удалось сделать вывод о том, что состояние прокрастинации характерно в большей степени для представителей технически развитого общества, ориентированного на четкое выполнение многочисленных обязательств при соблюдении установленных сроков. При этом представители аграрного типа общества влиянию прокрастинации подвержены слабо.

По мнению Д. Феррари, промедление как одно из форм прокрастинации существовало на протяжении всей истории, но оно приобрело подлинно негативный оттенок только с наступлением промышленной революции в 1750 году. До этого промедление оценивалось нейтрально и могло быть истолковано как признак осмотрительности.

С. Милгрэм, Г. Батори и Д. Моуррер в совместном труде представили классификацию, характеризующую основные типы прокрастинации:

1. Общая прокрастинация, связанная с переносом на более поздний срок рутинных задач, которые должны выполняться ежедневно.
2. Затягивание процесса принятия тактических решений.
3. Невротическая прокрастинация, связанная с отсрочкой принятия жизненно важных решений.
4. Компульсивная прокрастинация, проявляющаяся в сочетании двух типов прокрастинации - поведенческой и в принятии решений.
5. Академическая прокрастинация, выражающаяся в затягивании или откладывании процесса подготовки учебных заданий.

В ходе дальнейших исследований, проводимых С. Милгрэмом, к 2000-му году указанная классификация приобрела более лаконичную форму, включающую два обобщенных типа: прокрастинацию в выполнении заданий и прокрастинацию в принятии решений.

В Западной психологической литературе, где началось изучение феномена прокрастинации как личностной характеристики, большинством авторов отмечается ее негативное воздействие на успешность выполнения деятельности. Такой точки зрения придерживались К. Лэй, М. Акинсол, а Телл. Согласно их теории, последствия прокрастинации проявляются не только в снижении успешности и продуктивности деятельности, но и в острых эмоциональных переживаниях, вызванных собственным неуспехом, чувством вины, неудовлетворенностью результатами. Явление прокрастинации, как отмечает К. Лэй, обычно проявляется в деятельности, результат которой очень важен для личности.

Некоторые исследователи, например, Анжела Синь Чун Чу и Джин Нам Чой, Д. Феррари, Г. Берштейн, в ходе анализа проявлений прокрастинации выделяли их позитивные черты. В данном контексте прокрастинация рассматривалась как способ недопущения излишней спешки, а также как возможность соблюдения необходимых функциональных пауз. В своем исследовании истории развития понятия «прокрастинация» А.В. Коновалова ссылается на научный труд Г. Берштейна (Bernstein, 1998) обращает внимание на позитивное значение, которое основывалось на следующем умозаключении: «Как только мы действуем, мы теряем возможность ждать, пока не появится новая информация. В результате, бездействие имеет значение. Чем более неопределенным результатом является результат, тем больше может быть значение прокрастинации» (Коновалова, 2020).

Фундаментальным изданием, обобщающим все собранные к началу 21 века сведения о прокрастинации в разных областях науки, стала книга «Вор во времени: философские очерки о прокрастинации» Марка Д. Уайта и К. Андрео (2010 г.). Данный труд включил в себя всесторонний анализ источников прокрастинации и ее влияния на жизнь людей. Кроме того, авторами была изучена взаимосвязь прокрастинации с неосмотрительностью и пороками, сформулированы прикладные концепции ее преодоления.

В русской культуре достоверным источником сведений о прокрастинации являются фольклорные произведения. Известно множество поговорок народного сочинения об этом явлении. Например: «Отложил на осень, а там и бросил», «На отложенное дело снег падает», «Отлаганием дела не сделаешь» и другие.

Научные исследования прокрастинации в России начались сравнительно поздно, лишь в самом конце 20 века и не получили существенного развития. Среди наиболее выдающихся российских исследователей, внесших заметный вклад в изучение данного психологического явления, можно отметить Н.Е. Шухову, Е.Л. Михайлову, Я.И. Варваричеву, Н.В. Боровскую и Е.П. Ильина.

В отечественной психологии до сих пор нет единого представления о структуре прокрастинации, равно как нет и четкой дефиниции данного феномена. Так, Я.И. Варваричева понимает прокрастинацию как «сознательное откладывание субъектом намеченных действий...», т.е. выделяет осознанность как один из признаков прокрастинации (Варваричева, 2010). Е.П. Ильин связывает изучаемый феномен с ленью (Ильин, 2011). Н.В. Боровская отмечает, что прокрастинация – «привычка по различным причинам откладывать необходимые дела» (Боровская, 2008).

Анализ российских публикаций показывает, что в основном ведется работа по адаптации зарубежных опросников, направленных на изучение феномена прокрастинации. В настоящее время в России совершаются попытки обозначения англ. *procrastination* русским словом: «промедление», «отлынивание» и «откладывание». В «Большом психологическом словаре» Б.Г. Мещерякова дается определение прокрастинатора как личности, которая склонна к оттягиванию и откладыванию «на потом» выполнения различных, даже самых важных и актуальных дел и задач, а также принятие решений (2009 г.). В свою очередь, его современник В.С. Ковылин понимает прокрастинацию как «тенденцию откладывать выполнение необходимых дел на «на потом»; поведенческий паттерн, при котором выполнение ведущей для человека в данный период времени деятельности осознанно откладывается»

Изучение феномена прокрастинации в настоящее время набирает популярность в мировом психологическом сообществе. Зона изучения становится все шире, постепенно

выходя за рамки анализа непосредственно структуры прокрастинации и охватывая все ее взаимосвязи с внешними факторами. Мнения отечественных и зарубежных исследователей феномена прокрастинации схожи в том, что прокрастинация приобретает масштабные формы. С учетом ее негативной природы воздействия на эмоциональное состояние человека, изучение проблемы является на сегодняшний день важным для науки.

Теоретическое исследование, анализ и осмысление понятия «прокрастинация» позволяет сделать вывод о том, что данная особенность человеческого поведения имеет свою психологическую историю. Известные мыслители и философы разных эпох и культур рассуждали о том, как пагубно промедление влияет на результаты какой-либо деятельности. Современный термин «прокрастинация» получил широкое распространение в западной культуре и психологии, однако отечественные исследователи психологии поведения активнее используют термины «промедление» и «затягивание». В то же время, прокрастинация не имеет ничего общего с ленью и безынициативностью, что существенно ограничивает диапазон ее качественных характеристик. Тем не менее, очевидные различия в психологической терминологии разных стран нисколько не умаляют значимость раскрываемой темы. Внимание исследователей сосредоточено на конкретной задаче - создать прочную теоретическую базу знаний о прокрастинации и ее проявлениях с целью минимизации ее негативных последствий, влияющие на эффективность развития личности.

Библиографический список

1. Чернышева, Н. А. Прокрастинация: актуальное состояние проблемы и перспективы изучения // Вестн. ПГГПУ. Сер. 1. «Психологические и педагогические науки». 2016. С. 17-26.
2. Тарасевич Г. В. Прокрастинация: болезнь века // Русский репортёр. 2014. № 14 (342). С. 20-29.
3. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. Москва : Изд-во иност. и нац. словарей, 1956. 400 с.
4. Даль В. В. Толковый словарь живаго Великорусского языка / URL <https://slovardalja.net/word.php?wordid=34341> (Дата обращения 15.05 2023)
5. Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т. Ф. / URL <https://lexicography.online/explanatory/efremova> (Дата обращения 15.05 2023)
6. Дроздов Д. С. Анализ феномена прокрастинации с точки зрения типологии жизненных миров // Актуальные проблемы психологического знания. 2018. № 1 (46). С. 49-57.
7. Марк Аврелий. К себе самому / Пер. В. Б. Черниговского. Москва : Алетея, Новый Акрополь, 1998. 224 с.
8. Bernstein P. Against the gods: The remarkable story of risk. New York : Wiley, 1998. 98 p.
9. Коновалова А. В. Историческое развитие понятия "прокрастинация" и актуальность исследования откладывания // Национальное здоровье. 2020. № 3. С. 84-89.
10. Варваричева Я. И. Аеномен прокрастинации проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 121-123.
11. Ильин Е. П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. Санкт-Петербург : Питер, 2011. 380 с.
12. Боровская Н. В. Психологические и психофизиологические предпосылки лениности студентов : автореферат дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07. Санкт-Петербург, 2008. 21 с.

Н.А. Шарапов

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. Данная статья является теоретическим обзором существующих на сегодняшний день представлений о роли интеграции в жизни человека и организации. В нашей работе подчеркиваются актуальные данные по проблеме исследования и изучается процесс интеграции с точки зрения стратегии повышения эффективности работы организаций как внутри конкретных секторов, так и вне отрасли. В качестве основного вывода по результатам исследования мы предполагаем необходимость в интеграции знаний между отраслями и внутри них для формирования общего научного и практического фундамента, который может использоваться в целях повышения эффективности и ускорения развития компаний.

Ключевые слова: психология интеграции, эффективность организации, проблема знаний в психологической науке, интеграция организаций.

N.A. Sharapov

INTEGRATIVE APPROACH AS AN ORGANIZATION DEVELOPMENT RESOURCE

Abstract. This article is a theoretical review of the currently existing ideas about the role of integration in the life of a person and an organization. Our work highlights the current data on the research problem and examines the integration process from the point of view of a strategy to improve the efficiency of organizations both within specific sectors and outside the industry. As the main conclusion based on the results of the study, we assume the need for the integration of knowledge between and within industries to form a common scientific and practical foundation that can be used to increase efficiency and accelerate the development of companies.

Keywords: psychology of integration, efficiency of the organization, the problem of knowledge in psychological science, integration of organizations.

Существующие на сегодняшний день проблемы общественного и личностного характера все сложнее успешно разрешаются. Исходя из этого тезиса, стоит отметить, что способности человека к самостоятельному поиску подходящих решений исчерпывают себя, и появляется необходимость в использовании ресурсов сторонних людей. В нашей работе мы опишем возможности и преимущества метода и концепции интеграции, суть которой заключается во включении чего-либо или кого-либо в большие смысловые группы.

Для нашей работы необходимо обозначить важность человека и его знаний. На протяжении многих лет человечество накапливало различные знания, получая опыт в неизведанных ранее областях жизни и науки. В последствие научное сообщество разделилось на множество ветвей, каждая из которых специализировалась на определенной области исследований. Подобные созданные границы могли создать определенное состояние вакуума для каждой области науки, жизнедеятельности, даже бизнеса, и это могло негативно сказаться на общем состоянии знания в современном обществе.

Я.А. Копылова и В.Е. Матвеев в своей статье «Способы интеграции» проанализировали многообразие форм и способов реализации процесса интеграции (Копылова, 2022). В качестве первого примера ими приводятся определения интеграции, в широком смысле этого слова, с точки зрения объединения различных частей в целое. Также они обращают внимание на то, что интеграцией может являться возможность обмена данными между системами, с их последующей обработкой.

В то же время возникает вопрос о возможности интеграции человека в общество, полученных им знаний в культурное наследие человечества, их соответствие реальности. В.З. Кантор в своей статье обращает наше внимание на важность построения сплоченного общества, которое будет способно «включить в себя» каждого отдельного человека, члена данного общества (Кантор, 2010). Автором поднимается вопрос о правовой регламентации реализации интеграции, на примере школьного и дошкольного образования, в то время как обозначенные в статье вопросы являются актуальными и для других сфер.

Разбирая процесс интеграции на примере областей знаний, таких как отрасли наук, организаций, не стоит игнорировать и базовую единицу в подобных расчетах, которая представлена каждым уникальным по своей сути и опыту человеком. Человек является носителем знаний и пребывает в рамках культуры определенного общества, проживая и развиваясь вместе с ним (Дорфман, 2022). Проблемы развития в вакууме, которые были обозначены в нашей работе ранее, также могут относиться и к каждому человеку. Существующие примеры разного рода социальных деприваций позволяют нам судить о важности интегративного подхода, интеграции человека в общество, включение его в социальные процессы и группы. В своей работе о бедности, как основе социальной депривации, К.В. Мохнаткина характеризует сложность устройства социальных групп и классовых неравенств. Неустойчивое положение индивидов, слоев, групп не позволяют членам разных групп получать необходимые знания об устройстве других групп и слоев (Мохнаткина, 2022). Невозможность перехода с более низкого уровня на более высокий является определенным видом социальной депривации, и с точки зрения жизнеспособности общества это является угрозой ее существования.

С этой же точки зрения можно рассуждать и о разнице в возможностях развития у разных организаций. Маленькие компании, которые только начинают свой путь в выбранной сфере, могут быть ограничены финансовыми, материальными, нематериальными факторами, ресурсами. В этом случае развитие организации возможно через интеграцию, кооперацию между компаниями. Для развития же всего сектора важно учитывать знания коллег из других фирм, даже из других секторов, в то время как полностью самостоятельное и независимое существование, без учета опыта предшественников и современников, кажется менее эффективным.

В своей работе В.А. Мазиллов рассуждает о необходимости интеграции психологического знания, важности самого психологического сообщества (Мазиллов, 2018). Его пример основывается на важности интеграции знаний каждой отдельной психологической дисциплины ради создания полноценного фундамента, массива знаний, накопленного в психологии. Данные выводы позволяют нам говорить не только о необходимости включения знаний каждой отдельной отрасли в общий пласт, но и о доступности информации для каждой стороны и участника. Помимо обозначенной исследовательской проблемы автор заявляет о необходимости четкого определения изучаемых предметов, так как без точных формулировок велика вероятность создания ошибочных не только суждений, но и векторов развития научного сообщества.

Интеграцию можно рассматривать с точки зрения не только решения накопившихся в отраслях проблем, но и с точки зрения ресурса развития организации. Такую позицию в своей статье развивает Ю.А. Галеева, также анализируя темы неправильных стратегических установок компаний, повышения эффективности развития бизнеса (Галеева, 2013). Она смогла выделить две наиболее частые стратегии развития собственной организации:

1. Рост за счет внутренних ресурсов и резервов происходит благодаря увеличению производительных мощностей, повышению эффективности имеющихся сотрудников, найму новых, расширению штата. Подобная стратегия повышения качества и количества внутреннего ресурса возможна только при наличии способных и грамотных менеджеров, которые и будут отвечать за эффективность проведенных мероприятий, принятых решений.

2. Второй же способ можно охарактеризовать как интегративный. Его основу составляет объединение, присоединение, покупка схожих компаний. Интеграция осуществляется

через аккумуляцию знаний нескольких источников в рамках одного, более крупного предприятия.

В данном случае автор характеризует первый способ как дешевый, из-за его меньшей финансовой стоимости, в то время как второй отражает скорейшее получение новых знаний.

С этой точки зрения необходимость объединения продиктована потребностью конкретной организации, сферы в получении дополнительных знаний и ресурсов. Рассуждая об определенном росте в вакууме разных областей науки, организаций, мы отмечаем важность интеграции, которая позволит узнать о накопившемся опыте коллег. Подобная стратегия даёт возможность найти недостающие знания или стратегии реализации каких-либо проектов, а также позволит сравнить актуальность и современность устройства собственной организации и отрасли.

Управление эффективностью организаций на основе интеграции является научным интересом Ю.И. Трещевского, Е.М. Исаевой, М.Г. Мовсесовой (Трещевский, 2008). Авторами отмечается важность создания «локомотивов» в каждой из отраслей, которые будут аккумулялировать знания, задавать вектор развития для всей осуществляемой деятельности, являясь примером и образцом. Интеграция новых знаний должна происходить через их включение в большую по своему объёму и смыслу структуру, которая будет являться базой и фундаментом. Одним из важнейших выводов в их работе является мысль о существовании компаний внутри сегмента, их роль для других отраслей. Компании из разных кластеров и отраслей занимаются конкуренцией только внутри собственного рынка, оказывая минимальное влияние на другие сферы, в то время как у большинства сегментов рынка все равно будут оставаться одинаковые потребности. С точки зрения развития своего бизнеса, компании из разных отраслей могут проходить через одинаковые стадии кризиса, похожий путь развития, что подтверждает важность интеграции для всего общества.

Проведенный нами теоретический анализ литературы по проблеме интеграции человека и организаций позволяет говорить об актуальности и важности данного процесса. Интеграция по своей сути является эффективным способом создания фундаментального знания, пласта не только для отдельных секторов, но и для всего сплоченного общества. Конкуренция внутри рынков не затрагивает конкуренцию между сегментами, в то время как схожие потребности не исключают эффективность интеграции конкретных решений, обмен опытом и знаниями между сферами. Человек тоже является отдельным членом общества, которого необходимо в это общество интегрировать, и который сам готов интегрироваться в него. Развитие в условиях вакуума может иметь негативные последствия с точки зрения всего общества, в то время как подобную модель можно считать малоэффективной или вовсе не эффективной.

Библиографический список

1. Галеева Ю. А. Интеграция как ресурс развития организации // Вестник ИрГТУ. 2013. № 11 (82).
2. Дорфман Л. Я. Интеграция знания в современной психологической науке: кросс-теоретические интеграции и эмпирические модели / Л. Я. Дорфман, А. Ю. Калугин // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2022. № 3.
3. Кантор В. З. От интеграции в образовании к интеграции общества // *Universum*: Вестник Герценовского университета. 2010. № 9.
4. Копылова Я. А. Способы интеграции / Я. А. Копылова, В. Е. Матвеев // Столыпинский вестник. 2022. № 9.
5. Мазилев В. А. Интеграция в психологии: методологические аспекты // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 2.
6. Мохнаткина К. В. Бедность как основа социальной депривации россиян // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2022. № 3.

7. Трещевский Ю. И. Управление эффективностью организации на основе интеграции / Ю. И. Трещевский, Е. М. Исаева, М. Г. Мовсесова // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2008. № 2.

УДК 159.9

С.В. Шепелева, С.М. Нуртдинов, Т.И. Миронова

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕДДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. Рассматриваются социально-психологические условия профилактики преддевиантного поведения дошкольников. Преддевиантное поведение в детских дошкольных группах характеризуется нормативной позитивной динамикой изменений в процессе полимодальной социально-психологической профилактики и выражается не только в снижении деструктивных преддевиантных проявлений, но и развитии позитивных личностных новообразований.

Ключевые слова: социально-психологические условия, профилактика, преддевиантное поведение, девиантное поведение, социализация, социальная адаптация, семейный климат, профилактика.

S.V. Shepeleva, S.M. Nurtdinov, T.I. Mironova

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CONDITIONS FOR THE PREVENTION OF PREDEVIAANT BEHAVIOR IN PRESCHOOL CHILDREN

Abstract. The socio-psychological conditions for the prevention of pre-deviant behavior of preschool children are considered. Predeviant behavior in preschool groups is characterized by normative positive dynamics of changes in the process of polymodal socio-psychological prevention and is expressed not only in a decrease in destructive predeviant manifestations, but also in the development of positive personality neoplasms.

Keywords: socio-psychological conditions, prevention, pre-deviant behavior, deviant behavior, socialization, social adaptation, family climate, prevention.

Рассматривая специфику и сущность преддевиантного поведения дошкольников мы определили его как нарушение процесса социализации. Социализация является объектом исследования нескольких наук, и соответственно имеются различные подходы к этому явлению.

Каждая западная школа имеет собственное трактование этого процесса. Представители бихевиоризма и необихевиоризма рассматривают социализацию как процесс социального научения, социализация исследуется как результат социального взаимодействия людей. Представители гуманистической психологии понимают социальное развитие личности как самоактуализацию «Я - концепции».

Первые отечественные работы, посвященные социализации появились во второй половине 60-х годов – И.С. Кон, Б.Д. Парыгин, Б.Г., Ананьев и др., позднее Г.М. Андреева, Б.М. Ломов, С.А. Беличева, В.В. Новиков. Мудрик А.В. определяет социализацию как процесс усвоения и воспроизводства культурных ценностей и социальных норм. По его мнению, социализация происходит: а) в процессе стихийного взаимодействия человека с обществом; б) в процессе влияния со стороны государства на те или иные категории людей; в) в процессе целенаправленного создания условий для развития человека; г) в процессе саморазвития. Но-

виков В.В., рассматривая социализацию, считает, что это сложное социально – психологическое явление, которое представляет собой одновременно и процесс, и отношение, и способ, и результат становления личности в общении и деятельности. Рожков М.И. считает, что в процессе социализации решаются две группы задач: социальной адаптации и социальной автономизации личности. Решение этих задач, по сути противоречивых и в то же время диалектически единых, существенно зависит от многих внешних и внутренних факторов.

Социальная адаптация предполагает активное приспособление индивида к условиям среды, а социальная автономизация – реализацию совокупности установок на себя, устойчивость в поведении и отношениях, которая соответствует представлению личности о себе, ее самооценке. Решение задач социальной адаптации и социальной автономизации регулируется кажущимися противоречивыми мотивами «Быть со всеми» и «Остаться самим собой». Несомненно, результатом социализации человека также является социальная активность – реализуемая способность к действиям, которая проявляется в сферах его социальных отношений. Таким образом, критериями, которые свидетельствуют о социализации человека, являются: социальная адаптированность, социальная автономность и социальная активность.

Успешная социализация предполагает, с одной стороны, эффективную адаптацию человека в обществе, с другой – способность в определенной мере противостоять обществу, то есть определенный баланс между идентификацией с обществом и обособлением в нем. Таким образом, социализация предполагает социальную адаптацию и социальную автономизацию человека, то есть активное приспособление индивида к условиям социальной среды, с одной стороны, и реализацию совокупности установок на себя – с другой.

Одним из условий успешной социализации является развитие основных сфер индивидуальности человека. Выделяют семь таких сфер: интеллектуальная, мотивационная, эмоциональная, волевая, предметно – практическая, экзистенциальная и сфера саморегуляции. Характеристику сфер подробно дает О.С. Гребенюк.

Эти сферы в развитом виде характеризуют целостность, гармоничность индивидуальности, свободу и разносторонность человека. От их развития зависит его социальная активность. Они же определяют образ жизнедеятельности человека, самочувствие среди людей, способствуют его счастью.

Социализация предполагает не просто усвоение социальных норм и культурных ценностей общества. Это усвоение идет в неразрывном единстве с реализацией активности человека, саморазвитием, самоопределением, самореализацией и самоутверждением в обществе. Таким образом, для человека как субъекта социализации последняя становится успешной, если в процессе социализации получает развитие личность.

В общем виде процесс развития личности может быть представлен как вхождение человека в определенную социальную среду и интеграция в ней.

В тех случаях, когда индивид входит в относительно стабильную общность, он при благоприятных обстоятельствах проходит три фазы своего становления как личности:

Первая – адаптация – предполагает усвоение действующих ценностей и норм, овладение соответствующими средствами и нормами деятельности и тем самым до некоторой степени уподобление индивида другим членам этой же общности.

Вторая – индивидуализация – порождается обостряющимися противоречиями между необходимостью «быть таким, как все» и стремлением индивида к максимальной персонализации, что характеризуется поисками средств и способов обозначения своей индивидуальности.

Третья – интеграция – детерминируется противоречием между стремлением индивида быть идеально представленным своими особенностями и отличиями в общности, с одной стороны, и потребностью общности принять, одобрить и культивировать лишь те его индивидуальные особенности, которые способствуют ее развитию и тем самым развитию его самого как личности в социуме.

Дошкольник находится на стадии первичной социализации или адаптации, он усваивает социальный опыт некритически, адаптируясь, приспособляясь и подражая. Он подвергается воздействию прямых и косвенных десоциализирующих влияний со стороны ближайшего окружения. Прямые десоциализирующие влияния наблюдаются при прямой демонстрации образцов девиантного поведения; косвенные десоциализирующие влияния могут быть обусловлены разнообразными факторами социально–психологического, психолого-педагогического, социально – педагогического характера.

Данные, полученные учеными во многих странах мира, свидетельствуют о том, что семейный климат имеет существенное значение в профилактике негативных социальных явлений. Значение семьи и семейного климата подтверждает также и изучение детей с нарушениями поведения, нуждающихся в психиатрическом лечении. На их судьбе пагубно сказались семейные конфликты, алкоголизм отца и матери, крупные просчеты в воспитании.

С семьей тесно связано психическое и психическое здоровье человека. Исследование причин невротизации детей в ряде стран однозначно выдвигает на первое место семейные конфликты, которые не только дезорганизуют, разрушают семью, но и служат основой накопления девиантного потенциала ребенка. Прочная, нормальная семья, имеющая хорошие традиции, напротив, является основой, которая нейтрализует отрицательное воздействие среды на ребенка.

Дети с преддевиантным поведением – это дети, недостаточно усваивающие ценности и социальные нормы общества, особенно в первичном коллективе – в семье.

В психологических исследованиях указывается, что большая часть детей с отклоняющимся поведением проживает в беспринципных, безнравственных, неустойчивых, «больных» в морально – этическом отношении семьях. Неблагоприятные семьи характеризуются: низкой общей и педагогической культурой родителей; материальной недостаточностью; пьянством, половой развращенностью, стяжательством; невниманием к элементарным запросам детей; жестокостью и физическим мерам воздействия; неквалифицированным трудом родителей; примитивизмом потребностей и интересов; пренебрежительным отношением родителей к труду; корыстными целями и обывательской снисходительностью; обманом, воровством и т.д.

Занимающиеся вопросами влияния взаимоотношений в семье на ребенка (В.А.Сухомлинский, А.В. Запорожец, Н.И. Лисина и др.) отмечают, что отрицательные черты личности формируются у ребенка в семьях, где взаимодействие с взрослыми сводится к следующему: мать рано отлучает ребенка от груди и редко общается с ним, часты наказания, враждебность детей по отношению к друг другу не вызывает у взрослых осуждения. Эти дети недолюбленные, заброшенные, в результате такого воспитания у них формируются такие качества, как подозрительность, эгоизм, жестокость, агрессивность. Наименее подвержены этому дети, родители которых не были склонны ни к наказанию, ни к снисхождению. Их позиция – в осуждении агрессии и доведении этого до сведения ребенка, но без строгих наказаний в случае проступка.

Склонный к телесному наказанию родитель подает ребенку пример агрессивного поведения. Ребенок узнает, что физическая агрессия – средство воздействия на людей, причем жертву нужно выбрать слабее себя.

Для детей дошкольного возраста жизненно важно отношение к нему отца и матери, если у него плохие отношения хотя бы с одним родителем, или ребенок чувствует, что его считают никуда негодным, или не ощущает родительской поддержки, он будет ополчаться на других детей и вести себя агрессивно по отношению к родителям.

В.И. Гарбузов, А.И. Захаров выделили три типа негативных отношений родителей к ребенку:

1. Отвержение (неприятие ребенка). При холодных эмоциональных отношениях ребенок покинут, незащищен, у него нет «стены» за которую можно спрятаться. При этом разрушается механизм идентификации, т.е. ребенок не принимает родительского убеждения, не имеет позитивных моделей реагирования.

2. Гиперсоциализация (сверхтребовательность, чрезмерная критика, наказание за малейшие провинности) приводит к озлобленности, стремлению делать запретное «исподтишка». Критика формирует у ребенка чувство неполноценности и ожидание неудач. Несостоятельность приводит к тому, что преддевиантные проявления служат ребенку для самоутверждения в группе. Гиперсоциализация возникает также на почве тревожной мнительности родителей в отношении здоровья ребенка, социального статуса и успехов ребенка, проявляется также в чрезмерной озабоченности будущим ребенка. Чрезмерно загружая своего ребенка занятиями, не соответствующими интересам ребенка, родители провоцируют возникновение невроза.

3. Гиперопека (сверхзаботливое отношение) при котором ребенок лишен возможности самостоятельно действовать, становится инфантильным, несамостоятельным, неспособным принимать решения и противостоять стрессам. Это снижает способность к саморегуляции. Такие дети неспособны постоять за себя, они свои негативные эмоции вымещают на предметах (рвут книги, ломают игрушки и вещи и т.д.).

Неправильное отношение к ребенку в семье ведет к формированию преддевиантного, а в дальнейшем и девиантного поведения.

Особенности семей, способствующих возникновению девиаций в поведении детей, отражаются в имеющихся классификациях этих семей. Эти классификации в основном не противоречат, а дополняют друг друга.

Своеобразной базой для современной классификации семей, в которых развивается отклоняющееся поведение, является разработанной в 20-е гг. XX в., типология П.Г. Бельского. Было выделено десять типов таких семей: семьи, где в воспитании применяются только методы словесного, уговаривающего характера; семьи, где указанные выше методы дополняются потаканием, баловством прихотям и желаниям детей; семьи, где воспитание основывается на методах грубого физического воздействия; семьи, где беспорядочно применяются потакания, угрозы, запреты, разрешения, битье и т.д.; семьи, где дети испытывают на себе конфликты между родителями; семьи, в которых есть любимые и нелюбимые дети; семьи с распущенным поведением родителей и других старших членов; семьи, где пьяные родители создают напряженную атмосферу и угрозу безопасности детей; семьи, где дети безнадзорны из-за материальной нужды и занятости родителей (семьи вдов, разведенных); семьи с деклассированными и криминальными родителями и старшими членами с их асоциальным поведением.

Данная типология в дальнейшем время о времени повторяется или полностью, или с небольшими изменениями. В 1977 г. Т.М. Дроздов и М.Л. Новицкий опубликовали следующую типологию: ребенок развращается родственниками, опекунами, родителями. Пьянство, драки, правонарушения являются фоном жизни ребенка (пассивное влияние). Наблюдается и прямое растление, вовлечение и подстрекательство к антиобщественным действиям (активное влияние); в семье отсутствуют родительские чувства, как правило, это семьи с отверженными детьми, которые являются обузой для родителей. Обычно это дети с какими-то хроническими заболеваниями, умственной недостаточностью или неродные дети. Иногда отверженность ребенка обусловлена настроенностью матери пожить для себя, устроить свою жизнь; ребенок недостаточно контролируется родителями и представлен самому себе. По мнению родителей, их обязанности – это забота о питании детей и их одежде. Это самая многочисленная группа семей, дающая наибольшее количество ребят с асоциальной направленностью; семьи, в которых дети чрезвычайно избалованы, где, чаще всего, один ребенок; семьи с деспотическими и авторитарными установками в воспитании; семейное неблагополучие, как главная и определяющая причина отклоняющегося поведения детей исследовалась З. Бауанусом, который выделил четыре вида: отсутствие сознательного воспитательного воздействия на ребенка; высокий уровень насилия в воспитании; преувеличение самостоятельности детей; мозаичность воспитания из-за несогласованности между родителями.

Выделяются три типа: родители не умеют воспитывать детей из-за низкого общеобразовательного уровня, невысокого педагогического и культурного уровня; родители не хотят

воспитывать детей в духе моральных и нравственных норм общества, отрицательно влияют на них своим образом жизни; родители не могут обеспечить необходимые условия воспитания из-за болезни, инвалидности, длительного отсутствия, занятости на работе.

С психологической точки зрения, классификации неблагополучных семей характеризуются ориентацией на какой-то доминирующий признак. Например, в классификации Г.П. Бочкаревой акцент делается на эмоциональный контакт членов семьи между собой, в основу кладется содержание переживаний ребенка. В зависимости от особенностей эмоционального контакта выделяется три типа семей: в семье неблагополучная эмоциональная атмосфера, а отношения окрашены равнодушием, неуважением к ребенку, подавлением воли ребенка жестким, авторитарным влиянием; в семье отсутствует эмоциональный контакт между родителями и детьми. Существует безразличие к потребностям ребенка при внешнем благополучии отношений; в семье нравственная атмосфера толкает ребенка к участию в антисоциальном поведении.

А.И. Кочетов в основу классификации положил неправильные взаимоотношения между родителями и детьми и выделяет шесть типов семей: чрезмерная вспыльчивость родителей, непродуманность действий и решений в процессе воспитания ребенка; неуважение личного достоинства ребенка, пренебрежительное отношение к нему; излишняя уступчивость родителей в конфликтных ситуациях; панибратское отношение к ребенку; эгоцентрическое положение ребенка в семье; невнимание к внутреннему миру ребенка, непонимание мотивов его действий и поступков.

С целью прогнозирования развития внутрисемейных отношений и терапии, Э.Г. Эйдемиллером была разработана типология семьи с пятью типами: семья в стадии распада или неполная семья; деструктивная семья, в которой отсутствует взаимопонимание и взаимодополнение; ригидная или псевдосолидарная семья, в которой наблюдается жесткая фиксация ролей каждого ее члена и безоговорочное доминирование одного супруга; негармоничная семья; гармоничная семья.

Во всех типах семей, кроме последнего, нарушения поведения детей связаны с различными формами психической патологии: в неполных семьях – непсихопатическими нарушениями, в деструктивных – психопатическими, ригидных – шизофрени.

Практически во всех исследованиях отмечается, что если дети воспитываются в жесткой и конфликтной обстановке, то у них вырабатываются такие черты, как агрессивность, конфликтность, застенчивость, замкнутость и все они испытывают трудности в общении.

В этой связи Л.С. Алексеева делит неблагополучные семьи на конфликтные, аморальные, педагогически некомпетентные, асоциальные. В этой классификации вновь подчеркиваются показатели всех типов семей: в конфликтных семьях наблюдаются ссоры, напряженная и грубая атмосфера, в аморальных – алкоголизм, наркотики, насилие над детьми и т.д.

При анализе постоянного фактора, отклоняющегося поведения детей, в частности, недостатков (особенностей) семейного воспитания невозможно обойти исследования А.Е. Личко, его известные ситуации, приводящие к неадекватному развитию детей.

Гиперопека – родители стремятся быть постоянными соучастниками всех жизненных проявлений ребенка, его переживаний, стремлений, побуждений. Это стремление в крайних формах проявляется в тирании, тотальном контроле над внутренним миром ребенка. Воспитательное давление приобретает формы авторитарности. Это крайне неблагоприятно сказывается на коммуникативных возможностях ребенка. Привыкший быть в постоянном подчинении ребенок не может освободить себя от этого плена. Дошкольник, воспитывающийся в такой семье бывает: нерешительным, боязливым, безынициативным, не уверенным в своих силах, не умеет постоять за себя, за свои интересы. У него нарастает обида за то, что другим «все дозволено». Гиперопека – это, в сущности, безнадзорность, хотя и окрашена такими понятиями, как свобода выбора ребенком. Проблема в том, что свобода в выборе решений ребенком не сопровождается психологической поддержкой со стороны родителей. Встречается, когда родители излишне заняты своими делами и не уделяют должного внимания детям. Дети предоставлены сами себе.

«Кумир семьи» - преувеличенное внимание к любому желанию ребенка, немедленное поощрение за достаточно скромные успехи. У ребенка развивается эгоцентризм; глубоко переживая это, он обвиняет всех, но не себя, возникают истерические наклонности, в дальнейшем появляется истероидная акцентуация характера, возникают проблемы самоутверждения среди сверстников. Ребенок чувствует, что отец или мать его не любят, тяготятся им, хотя посторонним может казаться, что родители достаточно внимательны и добры к нему.

Воспитание «золушки» - т.е. в обстановке эмоциональной отверженности, безразличия, холодности. Ребенок постоянно слышит в свой адрес скептические замечания, его успехи понижаются. У ребенка развивается привычка уходить во внутренний мир переживаний. Такая ситуация способствует появлению неврозов, чрезмерной чувствительности к невзгодам или озлобленности детей.

Б.Н. Алмазов и М.В. Маркеева выделяют четыре типа неблагополучных семей, способствующих появлению трудных детей: семьи с недостатком воспитательных ресурсов. К ним относятся неполные или разрушенные семьи; семьи с недостаточно высоким общим уровнем развития родителей, не имеющих возможности оказывать помощь детям в учебе; семьи с низким материальным уровнем. Эти семьи сами по себе не формируют трудных детей. Известно много случаев, когда в таких семьях выросли нравственно здоровые дети. Но все же эти семьи создают неблагоприятный фон для воспитания ребенка; конфликтные семьи, где родители не стремятся исправить недостатки своего характера либо где один из родителей нетерпим к другому. В таких семьях дети часто держатся оппозиционно, подчас конфликтно – демонстративно. Более старшие протестуют против существующего конфликта, встают на сторону одного из родителей; нравственно неблагополучные семьи, среди членов такой семьи отмечаются различия в мировоззрении и принципах организации семьи, стремление достичь своих целей в ущерб интересам других, использование чужого труда, стремление подчинить своей воле другого и т.п.; педагогически некомпетентные семьи, в них надуманные или устаревшие представления о ребенке заменяют реальную картину его развития. Например, уверенность в возможности полной самостоятельности ребенка, ведущая к безнадзорности, вызывает у последнего дискомфорт, эмоциональную напряженность, стремление оградить от всего нового и незнакомого, недоверие к другому человеку.

Организация работы с семьями дошкольников является важным направлением и условием профилактики преддевиантного поведения. Работая с преддевиантными детьми, специалисты дошкольных учреждений, прежде всего, должны наладить контакт с семьей. Известно, что любая профилактическая работа с детьми будет малоуспешной без поддержки родителей, которых необходимо учить понимать ребенка.

Работу с родителями преддевиантных дошкольников целесообразно проводить в трех направлениях: информирование о проблеме (что такое преддевиантное поведение, каковы причины его появления, чем она опасна для ребенка и окружающих) и просвещение родителей (знакомство с теми формами семейных отношений и семейного воспитания, которые приводят к негативным отклонениям в поведении детей); осуществление диагностической работы с целью выявления типа семейного воспитания, установок родителей по отношению к детям и гармоничности семейных отношений в целом; обучение эффективным способам общения с ребенком.

Информирование родителей может проходить: в индивидуальных беседах; в виде лекций, с привлечением специалистов (психологов, медиков, юристов и т.д.); в виде сообщений на родительских собраниях; на встречах в «Семейном клубе» и т. п.; в виде наглядной информации.

Диагностическая работа с родителями должна осуществляться с учетом этических норм психодиагностического обследования, результаты диагностики должны интерпретироваться квалифицированными специалистами и сообщаться супругам индивидуально.

Обучение родителей эффективным способам взаимодействия с детьми может проходить через тренинги детско-родительских отношений. Здесь можно порекомендовать «Тренинг эффективного взаимодействия родителей с детьми» (И. М. Марковская), «Тренинг эффективного взаимодействия с детьми» (Е. К. Лютова, Г. Б. Моница) и др.

В процессе этой работы решаются следующие задачи: переосмысление роли и позиции родителя; развитие взаимопонимания и взаимоуважения прав и потребностей друг друга; снижение тревожности и приобретение уверенности в себе; формирование готовности обсуждать с детьми все спорные и конфликтные ситуации в семье; выработка стиля эффективного взаимодействия с детьми.

После того как родитель преддевиантного ребенка получает информацию о проблеме, он может стать полноправным участником профилактического процесса. На этом этапе задачей педагогов и психолога становится ознакомление родителей с доступными для них техниками и приемами работы над преддевиантным поведением их ребенка. Родители дома могут играть, рисовать, лепить со своим ребенком и пр. Для домашнего чтения родителей с детьми можно порекомендовать книги Элизабет Крейри из серии «Учимся владеть чувствами», Р. Кэмпбелл «Как справиться с гневом ребенка», Е.К. Лютова, Г. Моница «Шпаргалка для взрослых» и др. Эти книги помогут детям разобраться в своих чувствах и решить, как правильно на них реагировать.

Эффективны в работе с родителями по профилактике преддевиантного поведения визуально-информационные методы, рекомендуем регулярно на стенде для родителей размещать разнообразную наглядную информацию (например, 1-я неделя – посвящена профилактике антисоциального типа преддевиантного поведения, на стенд можно разместить смешные карикатуры, изображающие гневных родителей и их детей, а рядом поместить таблицы: «Типичные проявления детской агрессивности и формы ее профилактики в семейной среде», «Позитивные и негативные способы выражения гнева», «Шпаргалка для взрослых или правила работы с агрессивными детьми» и т.д.).

Библиографический список

1. Алексеева Л. С. Зависимость отклоняющегося поведения школьников от типа неблагополучной семьи // Предупреждение педагогической запущенности и правонарушений школьников. Москва : Знание, 1979. С. 140-152.
2. Змановская Е. В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): учеб. пособие. 2-изд. Москва : Издательский центр «Академия», 2004. 288 с.
3. Клейберг Ю. А. Социальная психология девиантного поведения. 4 изд. Москва : ТЦ Сфера, 2004. 188 с.
4. Рожков М. И. Концепция социально-педагогической и психологической помощи детям с девиантным поведением / М. И. Рожков, М. А. Ковальчук. Ярославль : ЯГПУ, 2001. 25 с.
5. Шепелева С. В. Социально-психологическая профилактика преддевиантного поведения у детей дошкольного возраста. Кострома : ГОУВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005 184 с.
6. Фетискин Н. П. Психология девиантного поведения: диагностика и методы профилактики. Москва – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. 320 с.
7. Фетискин Н. П. Психодиагностика детско-молодежной девиантности / Н. П. Фетискин, Т. И. Миронова, С. В. Шепелева. Кострома : [б. и.], 2017; Москва : Перо. 249 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антоненко Ирина Викторовна, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва. E-mail: ivantonenko@mail.ru

Ахметова Людмила Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития личности, Томский государственный педагогический университет, Томск. E-mail: axme-lv@yandex.ru

Безгодова Светлана Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности и ИТ в образовании, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: s.a.bezgodova@gmail.com

Бугайчук Татьяна Владимировна, доктор политических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: mischenko@inbox.ru

Васильева Светлана Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. E-mail: vivatvsv@mail.ru

Власов Никита Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики, Российский государственный социальный университет; медицинский психолог, Психиатрическая клиническая больница № 4 им. П.Б. Ганнушкина ДЗМ, Москва. E-mail: VlasovNA@rgsu.net

Елагина Марина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общая и консультативная психология», Донской государственный технический университет, Ростов-на Дону. E-mail: kochevanchik@mail.ru

Захаров Валерий Константинович, доктор физико-математических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва. E-mail: zakharov_valeriy@list.ru

Зобков Валерий Александрович, доктор психологических наук, профессор, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Гуманитарный институт, Владимир. E-mail: zobkov@gmail.com

Калачева Елизавета Сергеевна, ассистент кафедры педагогики и психологии начального обучения, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: calacheva.elizaweta@yandex.ru

Карицкий Игорь Николаевич, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва. E-mail: ignikkar@mail.ru

Комерова Наталья Евгеньевна, ассистент кафедры «Общая и консультативная психология», Донской государственный технический университет, Ростов-на Дону. E-mail: es2013.rao@mail.ru

Корнеева Елена Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: e.kornееva.kornееva@yandex.ru

Крупин Дмитрий Матвеевич, аспирант, Российский новый университет, Москва. E-mail: dmitry_krup@rambler.ru

Курсевич Наталия Ивановна, аспирант, старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии труда, Российский новый университет, Москва. E-mail: kursevich.nataliya@yandex.ru

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: v.mazilov@yspu.org

Масляная Анастасия Евгеньевна, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург. E-mail: maslyanayanastasia@gmail.com

Мединцев Владислав Александрович, кандидат психологических наук, лаборатория методологии и теории психологии Института психологии им. Г.С. Костюка. E-mail: vladislav-medintsev@yandex.ru

Мейер Юлия Александровна, старший психолог группы психологического отделения отдела воспитательной и социальной работы с личным составом, Санкт-Петербургский Университет ФСИН России, Санкт-Петербург. E-mail: juliameyer@mail.ru

Микляева Анастасия Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Миронова Татьяна Ивановна, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и акмеологии личности, Костромской государственной университет, Кострома. E-mail: miroнова@ksu.edu.ru

Михайлова Елена Евгеньевна, доктор философских наук, профессор кафедры психологии, истории, философии, Тверской государственной технический университет, Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Новикова Анастасия Олеговна, педагог - психолог, ГБОУ лицей № 623 имени Ивана Петровича Павлова Выборгского района, Санкт-Петербург. E-mail: novikova.a.o@yandex.ru

Нуртдинов Сергей Максонович, кандидат психологических наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, Костромской государственной университет, Кострома. E-mail: nurtdinov.serezha@yandex.ru

Панферов Владимир Николаевич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: vpanferov@herzen.spb.ru

Рубцова Надежда Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и психологии труда, Российский новый университет, Москва. E-mail: hore432810@yandex.ru

Сковрон Оксана Леонидовна, Московский институт психоанализа, Москва. E-mail: oksana.skovronl@gmail.com

Скворцова Елена Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психотерапии и качества жизни, Московский институт психоанализа, Москва. E-mail: eskvortsova@bk.ru

Слепко Юрий Николаевич, доктор психологических наук, доцент, декан педагогического факультета, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль. E-mail: slepko@inbox.ru

Толочек Владимир Алексеевич, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт психологии РАН, Москва. E-mail: tolochekva@mail.ru

Троценко Вероника Сергеевна, Томский государственный педагогический университет. E-mail: axme-lv@yandex.ru

Шарапов Никита Александрович, аспирант, ассистент кафедры общей психологии и психологии труда, Российский новый университет, Москва. E-mail: sharapov_na@mail.ru

Шепелева Светлана Витальевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и акмеологии личности, Костромской государственной университет, Кострома. E-mail: lady.shepelewa2016@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antonenko Irina Viktorovna, Doctor of Psychology, Professor, Russian State University. A.N. Kosygin (Technology. Design. Art), Moscow. E-mail: ivantonenko@mail.ru

Akhmetova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology of Personality Development, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk. E-mail: axme-lv@yandex.ru

Bezgodova Svetlana Aleksandrovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology of Professional Activity and IT in Education, Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen, St. Petersburg. E-mail: s.a.bezgodova@gmail.com

Bugaichuk Tatyana Vladimirovna, Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after I.I. K.D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: mischenko@inbox.ru

Vasilyeva Svetlana Viktorovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen. E-mail: vivatvsv@mail.ru

Vlasov Nikita Anatolievich, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, Conflictology and Behavior Studies, Russian State Social University; medical psychologist, Psychiatric Clinical Hospital No. P.B. Gan-nushkin DZM, Moscow. E-mail: VlasovNA@rgsu.net

Elagina Marina Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Counseling Psychology, Don State Technical University, Rostov-on-Don. E-mail: kochevanchik@mail.ru

Zakharov Valery Konstantinovich, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow. E-mail: zakharov_valeriy@list.ru

Zobkov Valery Alexandrovich, Doctor of Psychology, Professor, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Institute for the Humanities, Vladimir. E-mail: zobkov@gmail.com

Kalacheva Elizaveta Sergeevna, Assistant of the Department of Pedagogy and Psychology of Primary Education, Yaroslavl State Pedagogical University. K.D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: calacheva.elizaveta@yandex.ru

Karitsky Igor Nikolaevich, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Russian State University. A.N. Kosygin (Technology. Design. Art), Moscow. E-mail: ignikkar@mail.ru

Komerova Natalya Evgenievna, Assistant of the Department of General and Counseling Psychology, Don State Technical University, Rostov-on-Don. E-mail: es2013.rao@mail.ru

Korneeva Elena Nikolaevna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University. K.D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: e.korneeva.korneeva@yandex.ru

Krupin Dmitry Matveevich, post-graduate student, Russian New University, Moscow. E-mail: dmitry_krup@rambler.ru

Kursevich Natalia Ivanovna, Postgraduate Student, Senior Lecturer, Department of General Psychology and Labor Psychology, Russian New University, Moscow. E-mail: kursevich.nataliya@yandex.ru

Mazilov Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after I.I. K.D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: v.mazilov@yspu.org

Maslyanaya Anastasia Evgenievna, St. Petersburg State University, St. Petersburg. E-mail: maslyanayanastasia@gmail.com

Médintsev Vladislav Alexandrovich, Candidate of Psychological Sciences, Laboratory of Methodology and Theory of Psychology, Institute of Psychology. G.S. Kostyuk. E-mail: vladislav-medintsev@yandex.ru

Meyer Yuliya Aleksandrovna, Senior Psychologist of the Group of the Psychological Department of the Department of Educational and Social Work with Personnel, St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, St. Petersburg. E-mail: juliameyer@mail.ru

Miklyaeva Anastasia Vladimirovna, Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Social Psychology, Russian State Pedagogical University named after I.I. A.I. Herzen, St. Petersburg. E-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Mironova Tatyana Ivanovna, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Pedagogy and Acmeology of Personality, Kostroma State University, Kostroma. E-mail: mironova@ksu.edu.ru

Mikhailova Elena Evgenievna, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Psychology, History, Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Novikova Anastasia Olegovna, teacher - psychologist, Lyceum No. 623 named after Ivan Petrovich Pavlov, Vyborgsky district, St. Petersburg. E-mail: novikova.a.o@yandex.ru

Nurtdinov Sergey Maksonovich, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Physical Culture and Sports, Kostroma State University, Kostroma. E-mail: nurtdinov.serezha@yandex.ru

Panferov Vladimir Nikolaevich, Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Social Psychology, Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen, St. Petersburg. E-mail: vpanferov@herzen.spb.ru

Rubtsova Nadezhda Evgenievna, Doctor of Psychology, Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology, Russian New University, Moscow. E-mail: hope432810@yandex.ru

Skovron Oksana Leonidovna, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow. E-mail: oksana.skovron@gmail.com

Skvortsova Elena Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychotherapy and Quality of Life, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow. E-mail: eskvortsova@bk.ru

Slepko Yury Nikolaevich, Doctor of Psychology, Associate Professor, Dean of the Pedagogical Faculty, Yaroslavl State Pedagogical University. K.D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: slepko@inbox.ru

Tolochek Vladimir Alekseevich, Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: tolochekva@mail.ru

Trotsenko Veronika Sergeevna, Tomsk State Pedagogical University. E-mail: axme-lv@yandex.ru

Sharapov Nikita Aleksandrovich, post-graduate student, assistant of the Department of General Psychology and Labor Psychology, Russian New University, Moscow. E-mail: sharapov_na@mail.ru

Shepeleva Svetlana Vitalievna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogics and Acmeology of Personality, Kostroma State University, Kostroma. E-mail: lady.shepelewa2016@yandex.ru

Научное издание

Интеграция в психологии: теория, методология, практика

Сборник научных материалов VI Всероссийской конференции с международным участием

Научный редактор:
доктор психологических наук, профессор
Владимир Александрович Мазиллов

Издается в авторской редакции

Технический редактор выпускных сведений С.А.Сосновцева
Компьютерная верстка О.В. Первушина

Подписано в печать 21. 08.2023. Формат 60х90/8
Объем 21,25 п. л., 15,28\$ уч.-изд.л. Тираж 100 экз.
Заказ № 120

Издано в ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (РПО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Типография ЯГПУ
150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44
Телефоны: (4852) 72-64-05, 32-98-69